

Вера Чиркова

Доказательство любви

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Как замечательно быть юной, хорошенькой, златовласой и синеглазой принцессой! Объяснения в любви и предложения руки, сердца и обручального браслета так и сыплются со всех сторон, даже голова кругом идет. Вот только одно очень важное обстоятельство не дает сполна насладиться серенадами, букетами и признаниями — необходимость выбора. И не внешности или мужественной фигуры воздыхателя, не титула, дворца или сокровищницы. Принцесса мечтает отыскать того, кто полюбит ее по-настоящему, не за звание, не за приданое и даже не за миленькое личико. А это весьма и весьма непростая задача.

- [Вера Чиркова](#)
    -
    -
-

Вера Чиркова
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

— Радость моя... — Едва слышный нежный шепот запутался в

золотых девичьих локонах.

— Ничего подобного, я своя собственная, — так же тихо, но свирепо прошипело в ответ.

— К этому и веду, — поглядывая на стайку гуляющих поблизости от веранды прелестнейших созданий, вздохнул кареглазый брюнет и с досадой поинтересовался: — Долго ты еще думать намерена? Ведь мы знакомы уже почти два года! Хочешь, чтобы я ласково называл тебя тугодумкой?!

— Неправильное определение. Не тугодумкой, а благоразумной и серьезной девушкой. — Синие глаза застыли зимним льдом.

— Это отличные качества, не спорю... но мы говорим о чувствах.

— А в этом вопросе девушки должны быть рассудительнее вдесятеро, иначе им прямая дорога в монастырь Святой матери или еще куда похуже.

— Но я же не собираюсь тебя соблазнять! — не забывая держать защиту от подслушивания, оскорбился затянутый в строгий черный костюм молодой мужчина. — Я жениться намерен! И готов просить твоей руки у твоего батюшки!

— М-да?! Не соблазняешь? Тогда чем занята твоя левая рука на моей правой коленке?! — ядовито прошипело в ответ.

— Значит, ты все-таки заметила! А я уж начал думать, будто глажу статую!

— Зря ты так думал. Статуя за подобную наглость не стала бы поливать твой любимый шар чесночным соусом.

— Темная сила, да что же ты творишь, милая! Ну разве с ним так можно?! Он ведь мне теперь целых три дня будет показывать только чесночные грядки охотников за оборотнями! — Брюнет рванулся спасать шар и тотчас же замер, услышав характерный треск. — Ой! Темная сила... как ты умудрилась оторвать мне рукав?! Нет, я хотел спросить, а зачем ты вообще меня за него дергала?! Нужно было просто позвать...

— Вот еще, нужно мне было тебя дергать! И тем более звать! Просто чесночный соус кончился, и я пришила твой камзол к дивану.

— Да ты просто хулиганка! — возмущенно расширились карие глаза.

— Зато ты — лгун и развратник! А на что ты, собственно, надеялся, когда хватал меня за коленку?! Мечтал, чтобы я при всех сестрах и фрейлинах начала отвешивать тебе пощечины?! Не дожدهшься! Я принцесса! — Синие очи сузились от гнева.

— Можно подумать, я этого не знаю! Но иногда думаю, что об этом забывает кто-то другой! В общем, так! Завтра я иду к твоему отцу и прошу твоей руки!

— В общем, так! Если ты немедленно не откажешься от этого намерения, я пошлю всем придворным дамам и фрейлинам матушки любовные записки от твоего имени. И тогда мой папа не отдаст тебе меня даже за все сокровища мира.

— Посмотрим, — угрожающе рыкнул мужчина, стремглав покидая веранду, на которой принцессы пили утреннее какао.

— Увидим, — задумчиво прошептал в ответ нежный голосок.

* * *

Банда молча сидела у костра и бдительно-выжидаяще следила за действиями своей предводительницы. Далеко не первый час уже следила, но высказывать недовольство никто не порывался.

А та, высыпав на одеяло кучу трофеев, прилежно раскладывала их на тринадцать частей, стараясь, чтобы ни одна кучка не была более привлекательной, чем другие. Иногда бандерше это удавалось, но не сегодня. Две вещи были настолько лучше всего остального, что ясно было заранее — без драки не обойдется.

Причем, что обидно, драться будут вовсе не за те драгоценности, которые лежат на своих местах в сиротливом одиночестве, а за остальные одиннадцать кучек. Потому как ни продать, ни обменять на что-нибудь полезное эти баснословно дорогие раритеты не удастся даже у самого захудалого трактирщика.

Атаманша тяжело вздохнула и поменяла в меньших кучках местами два усыпанных камнями браслета, проклиная завещанный ей еще матушкой незыблемый старинный закон банды, по которому вся добыча делилась поровну немедленно после налета.

— Ты неправильно делишь, — безапелляционно и доброжелательно заявил мужской голос, и вся банда как по команде схватилась за рукояти ножей и кинжалов.

Потом так же синхронно двенадцать с половиной пар глаз повернулись в ту сторону, откуда донесся голос наглеца, посмевавшего отвлекать атаманшу в самый важный момент ее жизни, и тринадцать рук расслабленно соскользнули с оружия.

Кого-кого, а откровенных дур, готовых напасть на этого гостя, среди них никогда не было.

— Почему? — уныло произнесла бандерша, заранее зная, что ответ этого критика ей не понравится.

— Потому что вон те две вещицы ты положишь сейчас на тряпицу, аккуратно завернешь и спрячешь в мешок. Это будет четырнадцатая доля.

— Чья? — начиная понимать, что зря задавала этот вопрос, неуступчиво рыкнула атаманша.

Но гроза она всех окрестных дорог или не гроза, в конце-то концов?

— Да чья угодно, — ехидно сообщил незванный гость. — Кто первый пожелает, тот и заберет. Ну а если никто не пожелает, так и быть, возьму я, не пропадать же добру.

— Кто желает эту кучку? — сложив раритеты в мешок, с надеждой осмотрела соратниц атаманша. — Ну, налетай!

Налетать никто не спешил. Все состроили такие кислые рожи, словно им овечьего гороха мешок предлагали, а не раритеты стоимостью в город. Или даже поболее... чего уж мелочиться.

— Себе возьми, — посоветовала самая смелая и нервно поправила ножны.

— Тебе больше всех подobaет, — поддакнула самая льстивая.

— И хранить тебе есть где, — заметила самая практичная и одновременно завистливая.

— Мне не нужно, — мгновенно озверела атаманша. — Но я одно хочу понять, если эта... — она многозначительно побряхтела, — никому не нужна, то за каким... вы ее брали?!

— Так красивые же, — мечтательно закатила глазки самая романтическая.

— И весомые, — вздохнула практичная.

— И вообще, — насупилась самая сообразительная, — ты же сама кричала — собираем все!

— В общем, подайте мне мой мешок, — весело ухмыляясь, сказал гость, — и делите свою добычу дальше.

— Но это нечестно! — засомневалась самая справедливая. — Ты ничего не делал, а получишь равную долю!

— Неправильно ты сказала, — голос прищельца сразу стал холоднее воды из горной речки, — я сделал очень важную работу. Как бы не важнее, чем кто-то из вас!

— Какую?! — Двенадцать с половиной пар глаз уставились на гостя с горячей любознательностью.

— А самим догадаться слабо? — крепко привязывая мешок к поясу, едко осведомился гость.

— Ага, — помолчав, шмыгнула носом самая честная.

— Я уберег вас от неизбежной драки, и сегодня вы сядете обмывать

удачную вылазку целыми, здоровыми, красивыми, а также празднично одетыми и причесанными.

— А почему красивыми и причесанными? — не поняла самая несообразительная.

— Потому что рота элитных егерей уже окружила ваше ущелье и перекрыла все выходы. И если неумытых и нечесаных вас будут просто связывать и пороть, то нарядным и красивым вполне может достаться немного ласки, — равнодушно фыркнул гость и повернул камень в амулете переноса.

* * *

— Что там написано?

— «Меняю королевскую корону и королевский фамильный амулет на принцессу», — побелев как снег, сдавленно пролепетал главный советник, страдальчески разглядывая скромный листок простой бумаги, который держал перед своим носом.

— Но это... — ахнула королева и упала в обморок.

Прямо в руки молоденького пажа.

— Унеси ее, — поморщился король, — подальше. Не место тут нервным бабам.

Его величество любил ввернуть при случае в разговор простонародные словечки. Советники обещали, что народ за это полюбит и его самого, и его реформы.

Паж радостно потащил куда-то королеву, и его величество приступил к выяснению деталей. Он вообще был дотошным в делах человеком.

— Что они говорят?

— Кто, принцессы?

— Нет! Бандитки.

— Ничего не говорят, — скорбно поджал губы советник, надеясь, что не придется уточнять, что вместе с бандой Кривой Ханы не может сказать ни слова и рота элитных егерей.

И еще сутки не сможет самое малое, судя по ядовитому запаху перегара и количеству пустых бочонков из-под коварного гномьего самогона.

— А пытаться пробовали?

— Все лежат без сознания, — сообщил советник истинную правду.

— А принцессы?

— Пакуют сундуки.

— Так вот почему в саду так тихо! — проявил необычайную догадливость его величество. — И кто именно пакует?

— Почти все.

— Почему все-то?!

— Надеются.

— На что? — не понял король.

— Что он расщедрится и возьмет не одну принцессу, а три или хотя бы две.

— А имя принцессы он написал? — осторожно приступил его величество к выяснению самого важного вопроса.

— Да, — сурово кивнул советник.

— Надеюсь... это не наследница Анриетта?

— Нет.

— Уф... — Король вытер шелковым платком лоб и капризно отбросил его в сторону. — Сколько раз говорить, не кладите мне в карманы шелков!

Помолчал и опасливо покосился на листок, читать который самостоятельно отказался категорически.

— Так что, ему нужна Бенлиетта?

— Нет.

— Варолетта?

— Нет.

— Генриетта?! — возмутился его величество. — Но она же просватана!

— Нет, и не Генриетта.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Не хочу.

— Говори.

— Не могу.

— Я приказываю.

— Он требует Дарелетту.

— Дарочку? Но она же еще маленькая!

— Всего девятнадцатый пошел, — печально поддакнул советник.

— Как бежит время, — задумался король.

— Золотые слова.

— Запишите в летописях.

— Уже записаны. Четыреста двенадцать раз.

— Ну хорошо, не пиши. И она пакует сундук?

— Нет, вот она не пакует.

— Почему? Не хочет?!

— Неизвестно. Ее высочество получила новую книжку и заперлась в башне, чтоб не мешали читать.

— А постучать?

— Сказала, узнает, кто стучал, — прикажет посадить без штанов в крапиву.

— Фу, как невоспитанно, — нахмурился его величество. — Идите и стучите.

— Простите, ваше величество, мне это не по чину.

— Пошлите слуг.

— Никто не пойдет, говорят, крапива у нее возле башни зело злая.

— Так ведь она же не узнает, кто стучал!

— Наоборот. Узнает немедля и сразу прикажет наказать.

— Да откуда? — заинтересовался король.

— Так ведь все следят. Дарелетта тому, кто первый доложит, серебряный дает.

— Я сам пойду. — Король сделал попытку слезть с трона, но советник сделал загадочное лицо:

— Могу предложить лучшее решение.

— Предлагай.

— Просто напишите ему, что согласны. Он тут, внизу, приписал, что этого достаточно, вашему слову он верит.

— Какой благородный человек, — подумав, одобрительно кивнул король. — Подай перо. Где подписывать? Тут? Готово. Кстати, когда будем судить банду?

— А банды больше нет, — развел руками советник. — Распалась.

— Ну а бандитки-то есть?

— И бандиток нет.

— Но ты же сказал, что лежат без сознания!

— Лежат, — подтвердил советник. — Но они больше не бандитки. Капитан элитных егерей подписал приказ о зачислении их в его роту маркитантками. А судить маркитанток нельзя по закону.

— Вот как, — подумав еще немного, глубокомысленно изрек король. — А тебе не кажется, что капитан егерей поторопился?

— Мне трудно судить, — уклончиво сообщил советник, — но могу предположить, что у женщин были очень весомые доводы, чтоб склонить его к такому решению.

Говорить королю о том, что капитан до сих пор спит, придавленный двумя парами этих очень весомых доводов, советник тоже не собирался.

Зачем его лишний раз расстраивать?

— Кушать подано, — прозвенело под сводами зала, и король мгновенно сполз с подложенной на трон подушечки, тотчас забыв про все неурядицы и тревоги.

Личный королевский лекарь утверждал, что еда только тогда приносит пользу организму, когда от нее не отвлекают никакие неприятные мысли, и его величество в это свято верил.

* * *

— Ха-ха-ха! — раздался из-под балдахина залиvistый смех, и нахальная мышка, намеревавшаяся стащить с подноса несколько крошек от пирожного, стремительно юркнула в норку.

А вот стоявший в самом темном углу комнаты незванный гость никуда бежать не собирался.

Легонько подул на собственную ладонь, с ехидной насмешкой проследил, как уронила на грудь голову златовласая девушка, закутанная в одеяло, и уверенно вышел из тени.

Небрежно бросил на придвинутый к кровати стол глухо звякнувший потертый мешок и довольно скривил красивые губы, отметив, как точно попал. Как раз между пустой чашкой со следами шоколада на стенках и подносом с последним подсохшим пирожным.

И вообще все шло точно так, как и было задумано.

Он решительно шагнул к кровати, забрал выпавшую из ослабевших рук книжку, не глядя сунул ее в широкий карман и подхватил заснувшую девушку вместе с одеялом.

А затем привычно крутнул порталный амулет.

И через мгновение стоял посреди другой комнаты, ни в чем не похожей на прежнюю.

Та спальня располагалась на самом верху высокой башни, эта — в одноэтажном павильоне.

Там напротив закопченного камина стояла высокая кровать со столбиками и балдахином, тут — низкое, заваленное подушками ложе. Напротив ложа был не очаг, а ступени в выложенный белым мрамором бассейн с непрерывно журчащей из серебряного лотка струйкой теплой ароматной воды.

Там было одно узкое зарешеченное окно, здесь — широкая дуга из двенадцати стеклянных дверей, открывающих вид на просторные и низкие

мраморные ступени, ведущие прямо в сад.

Одно было похоже — прильнувший к кровати столик, но на этом были красиво расставлены вазы с фруктами и свежими пирожными, графин с лимонадом, серебряный кувшинчик со сливками и чашка с горячим шоколадом.

Похититель твердым шагом прошел к кровати, сгрузил на нее свою пленницу и уселся в стоящее неподалеку кресло.

И лишь после этого легонько дунул на ладонь.

— А-ах, — зевнула девушка, тряхнула головой и зашарила вокруг себя рукой, ища книжку. — Тьма. Да где же...

И только тут до нее начало доходить, где она находится. Как выяснилось, больше не в своей постели и даже не в своей башне. Ровно минуту, подозрительно щурясь, принцесса оглядывала двери, занавеси, люстры, бассейн, стол и прочую мебель, старательно избегая взглядом сидящего в кресле напротив мужчину, потом презрительно скривила губы и фыркнула:

— Магия! Так и любой дурак смог бы.

— Ничуть не магия! — оскорбился маг. — А точный расчет и знание человеческих слабостей. Сначала нужно было пустить в нужном направлении слух, каким образом можно добраться до королевской сокровищницы. Потом немного пошуметь, чтобы бандиты второпях схватили корону и королевский амулет. Потом — уговорить их отдать все это мне. И, наконец, правильно составить письмо, чтоб король без споров отдал тебя за свои раритеты. Так что теперь ты моя собственность... и я жду обещанный поцелуй.

— Напрасно ждешь, — категорично заявила принцесса, вставая с постели.

На ней была очаровательная пижамка, розовая и кружевная. Лишь атласный подклад, расположенный в самых интересных местах, не позволял рассмотреть точеную фигурку во всех подробностях. Зато давал большой простор воображению.

— Почему? — обиделся он, невольно сглатывая слюнки.

— Потому что я теперь — рабыня! — гордо задрала носик девушка. — А рабыни не целуют своих хозяев по своей воле. Они против них борются и поднимают восстания.

— И среди кого ты будешь поднимать восстание? — усомнился маг. — Если у меня нет больше ни одного раба и ни одного слуги?

— Найду, — уверенно пообещала она. — Главное, найти достойную цель, а желающие бастовать всегда обнаружатся.

— Возможно, — ее новый хозяин хитро ухмыльнулся, — но не забывай — мое имение находится в двух днях пути от столицы вашего королевства, посреди проклятой пустоши.

— А я этого никогда не забывала с тех пор, как ты хвастался, что специально дал такое страшное название самому прекрасному уголку королевства, чтобы никто не портил тебе виды с балкона.

— Согласен, — мрачно процедил маг, — я был самонадеянным болваном, когда поверил твоему обещанию сбежать со мной, если я докажу, что живу не в окружении монстров и чудовищ.

— Не согласна, — скривила губки принцесса, — это называется не болван, а простофиля. Но не имеет к делу никакого отношения. И вообще, я намерена бороться против твоего произвола и насилия.

— Зато теперь я не согласен! — начал сатанеть он. — Какой еще произвол? Ты уверяла, будто папенька не отдаст мне тебя даже за самый драгоценный раритет! И дала слово, если такое произойдет, поцеловать меня первой и беспрекословно выйти замуж!

— Я в нем ошиблась, — кротко заявила Дарелетта. — Его величество оказался слабее, чем я привыкла считать с детства. И теперь у меня траур... по собственным иллюзиям. Кстати, а книжку мою ты захватил? И где в этой беседке дамская комната?!

— Дверь в умывальню сразу за кроватью, возле белого столика, а книжку ты не получишь, пока не исполнишь обещание, — холодно объявил маг, поднимаясь с кресла. — Как захочешь меня видеть, дерни шнурок вон того звонка.

И скорее догадался, чем увидел, как она тут же схватилась за этот шнур.

— Ну, чего тебе? — уставившись на Дарелетту, насмешливо осведомился маг. — Уже готова целовать?

— Готова. Но не целовать, а сообщить, что согласно законам нашего королевства издевательства над детьми и женщинами караются заключением в темницу.

— Ну, этот закон всегда казался мне несправедливым. По нему выходит, что над мужчинами можно издеваться сколько угодно, — разочарованно проворчал хозяин имения. — Но сейчас я хочу объяснений на другой вопрос. Где ты видишь издевательства?

— Тут, — уверенно ткнула принцесса пальцем в себя.

— Обоснуй, — снова опустился в кресло маг.

— Пожалуйста. — Она уселась поудобнее, подтянув колено к груди, и маг снова сглотнул слюнки. Тьма, ну до чего же аппетитная фигурка! —

Так что мы имеем? Юную девушку, наивную и беззащитную, прожившую всю свою короткую жизнь в клетке, лицемерно задрапированной роскошью! И вот, едва бедняжка подошла к совершеннолетию, как ее, не видевшую не только ни одной чужой страны, но и всех городов своей и абсолютно не знакомую ни со светлыми, ни с темными сторонами жизни, собственные родители продают в рабство! И кому? Личному придворному магу! Коварством и обманом провернувшему ради своих грязных помыслов хитроумную интригу с привлечением банды Кривой Ханы. Кстати, почему-то не пойманной много ранее этим самым магом, хотя это его прямая обязанность.

— Не отвлекайся, — решительно пресек эти измышления маг. — Мы говорили о несуществующих издевательствах.

— А разве это не издевательство?! — возмущенно вытаращила Дарелетта прелестные синие глаза. — Утащить несчастную девушку из родного дома и привычной обстановки, от любящих родителей и сестер! Да они там, наверное, от горя слезами изошли! Разве это не издевательство — заставлять девушку жестоко страдать при мысли об их скорби? Да еще и добить ее, отобрав последнее утешение, последнюю радость — недочитанную книгу! И ты еще смеешь называть эти издевательства несуществующими?!

— Ладно, я все понял, — безнадежно вздохнул маг, достал из кармана книгу и отлевитировал принцессе в руки. — Пока ты не дочитаешь, разговаривать с тобой серьезно невозможно.

— Вот зачем ты страницу закрыл? — расстроено листала она украшенные картинками листы. — Пока я теперь найду!

— Приду завтра, — сообщил мужчина и, получив в ответ рассеянный кивок, со вздохом крутнул амулет переноса.

После его ухода девушка несколько минут усиленно водила глазами по строчкам, словно знала, что за ней наблюдают через шар. Потом вскочила и вихрем помчалась в расположенную возле белого столика дверцу.

— Как она еще поест не забывает, — усмехнулся маг, накрыл шар серебряной крышкой и отправился по своим делам.

— Какой он все же негодяй, — захлеб рыдала принцесса, яростно плеская в лицо воду. — А еще говорил, что любит! Разве это настоящая любовь?! Нет уж, теперь пусть сначала докажет!

— Ну, милая, посмотрим, как у тебя дела. — Маг открыл шар и залюбовался на раскинувшуюся на кровати фигурку.

Очень заманчиво, нужно признаться, лежащую. Хоть голова и прикрыта уголком одеяла, зато туго обтянутая розовой пижамкой часть девичьего тела, для которой маг никак не мог найти приличного названия, приоткрыта для всеобщего обозрения.

«Тьфу, какие глупости от такого зрелища в голову приходит!» — хмыкнул маг. Откуда тут быть кому-либо, кроме него?!

И, стало быть, доступно это зрелище тоже только ему одному.

Демонская сила, а если это неспроста?!

А вдруг она дочитала ночью свой дурацкий романчик и задумалась о нем, о Тодгере?! И, как всякая прилично воспитанная принцесса, теперь не желает в открытую признаться, как сильно была вчера не права, и потому дает ему такой красноречивый намек...

При мысли о том, на какие действия девушки могут намекать таким образом, во рту у мага пересохло, а в душе взорвался огненный шар. И не только в душе.

Дрожащими от нетерпения пальцами он выхватил амулет переноса и крутнул камень. Всячески кляня себя за то, что не догадался вернуться в свою долину вечером.

Глядишь, и пришла бы ему в голову здравая мысль проведать Дарочку перед сном...

От дальнейших предположений огненный шар в душе мага полыхнул с новой силой, но он уже стоял посреди павильона, привычно осматривая свои владения.

Возле шкафа куча разбросанной одежды, ну что тут поделать — принцесса!

И на столике беспорядок, хотя еды заметно поубавилось, видать, сильно проголодалась малышка! Совсем перестала нормально питаться с этими книжками!

Ну ничего, теперь он сам займется ее распорядком дня, питанием, здоровьем, воспитанием...

Здравые мысли плавно угасали в голове мага по мере того, как он подходил к ее постели, зато появлялись очень яркие картинки действий, какими он займется в первую очередь...

Рука совершенно самовольно, забыв спросить разрешения у хозяина, потянулась к обтянутой розовым кружевом тугой округлости...

Маг даже глаза прикрыл и дыхание затаил, предвкушая это ни с чем не сравнимое ощущение живого упругого тепла под дерзкой ладонью...

Прикоснулся... подержал ладонь, придавил чуть сильнее...

И невольно задумался. Неужели Дарочке ночью было так холодно, что она решила натянуть под пижамку целый десяток теплых панталончиков, не менее?

Немного подумав, Тодгер тиснул запретное местечко чуть сильнее и, подозрительно нахмурившись, встревоженно распахнул глаза.

Что-то было не так, ну совершенно неправильно!

И тут вдруг до него дошло. Ну конечно! Она уже должна была все почувствовать, вскочить с постели и осыпать его хлесткими пощечинами, оскорбленными взглядами и гневными тирадами!

Да какие там, к тьме, пощечины! Это же не Анриэтта и не Бенлиетта! И даже не Генриетта!

Это Дарочка, а от нее нужно ждать вовсе не оплеух! Она сейчас должна уже ломать об его голову мебель или как минимум пытаться утопить наглого бесстыдника в бассейне!

Но раз она лежит и не убивает и не топит...

Сердце мага вмиг остановилось и упало в желудок, где все огненные шары уже успели обернуться в обжигающе ледяной ком. А в сознании, еще не успевшем постичь всю величину и необратимость постигшего его горя, как ошалевшие куры, заметались какие-то несущественные и ненужные ему мысли.

Тьма! Неужели она смогла решиться на самое страшное? Но почему? Точнее... за что? И откуда она достала яд... Или это был не яд?

Маг резко отдернул от розовой пижамки руку и инстинктивно отер о штаны. Бездыханное тело Дарочки — далеко не то же самое, что живая, смешливая и своенравная принцесса, и, кроме стремительно накатывающего отчаяния, не вызывало никаких чувств. Лишь мелькнула злая досада, что кто-то из коллег мог подсматривать за ним через шар и по-своему понять действия Тода.

Хотя у них королевство очень небольшое и, можно сказать, не слишком богатое, однако придворные маги всех соседних королей считают своим долгом за ним присматривать, так, на всякий случай.

Едва вспомнив про соседние государства, коллег и собственного короля, Тодгер помрачнел как грозовая туча. Как только станет известно, до чего он довел принцессу, позора и язвительных упреков не избежать. И ведь никому потом не докажешь, что вовсе не желал ее обидеть или унижить! Просто устал каждую ночь гоняться во сне за неуловимой, маняще прекрасной и бессердечной мечтой.

Ну вот чего ей не хватало? Любил, берег, все ее тайные мечты

воплотил, когда создавал этот неприличный павильон, насквозь просматривающийся со всех сторон!

Минут пять маг тяжело вздыхал и припоминал все, что пришлось ради нее вытерпеть, пока не осознал очень четко, что специально тянет время, лишь бы не поднимать одеяло и не смотреть на то, что осталось от его безответной любви.

Еще минут пять он обвинял себя в неподобающей магу его уровня нерешительности и даже трусости, но тут же оправдывал тем, что такое действие требует особого настроения, недюжинной выдержки и стальной силы воли.

Сто раз тьма! Ну вот почему он так сглупил вчера вечером и не вернулся сюда?

Не выбросил к демонам дурацкую книжку, не напоил упрямую девчонку зельем сжигающей страсти?

Сейчас уже выбирал бы достойные мага браслеты и подглядывал, как она меряет кружевные корсеты под свадебное платье.

Как жаль, что даже маги не могут возвращаться назад, в прошлое!

Осознав, что тянет уже слишком долго, Тодгер горестно вздохнул и осторожно потянул одеяло.

Заранее состроив подходящее случаю скорбное выражение лица и крепко сжав губы, чтоб не опозорить гордое звание темного мага безысходным стоном.

Но опозорил-таки, да не один раз!

Нет, сначала, когда увидел отчетливо проступившие на спине под розовым кружевом пижамной курточки темные пятна, Тод еще держался.

И когда спина показалась ему слишком раздутой и комковатой, тоже терпел, не желая верить своим глазам.

Но когда рассмотрел сквозь проклятое кружево рукавчиков золотые цветочки и алые горошки — вот тогда уже не выдержал.

Он стонал, рычал и скрипел зубами, разрывая эту проклятую пижамку и вытаскивая из нее все тряпки, какие напихала туда зловредная хулиганка в стремлении придать своей одежде форму человеческого тела.

А потом, не переставая грозно извергать самые страшные ругательства, ринулся к дверце, расположенной возле белого столика. Рванул ее на себя, зверем ворвался в сверкающую полированным мрамором и золотом туалетную комнату и застыл в оцепенении, абсолютно никого не обнаружив в отделанном с особым старанием помещении.

В следующий миг по павильону пронесся бешеный ураган. Разгромил кровать, вышвырнул из шкафов тщательно подобранные наряды,

перевернул кресла, разбросал остальную мебель...

Разумеется, не своими ручками Тодгер крушил так заботливо устроенное любовное гнездышко, а магией, и громил он не столько мебель, сколько собственные мечты.

В которых они с Дарочкой передвигались от стола к ложу, а от ложа к бассейну, только крепко обнявшись и шепча друг-другу самые невероятные признания.

Покончив с мебелью, смерч выбил одну из дверей и, продолжая бесчинствовать, унесся на улицу. Перевернул пару вазонов с цветами, выдернул с корнями несколько кустов, пока маг наконец не почувствовал себя совершенно успокоившимся и готовым рассуждать хладнокровно.

В мраморной резной беседке, усевшись в удобное кресло, так как темные маги — существа нежные и неудобств не переносят, Тодгер призвал свой шар и карту королевства. А затем приступил к поиску. Разумеется, сад, парк, пруд и собственный замок осмотрел в первую очередь, заглядывая под каждый кустик и за каждую занавеску.

Обшарил все до самого чердака и, расширив круг поиска, отправился дальше, к неприступным высоким стенам, окруженным широкой полосой высокого и непроходимого густого кустарника, усыпанного огромными ядовитыми колючками.

Еще никто и никогда не сумел его преодолеть: ни зверь, ни птица, ни коллеги-маги, ни толпы отчаянных авантюристов из соседних королевств.

«А уж чем только они не вооружались», — едко хихикнул Тодгер, вспоминая зал трофеев в своем замке. И амулеты, и раритетная броня, и зачарованное оружие. Не говоря уж о зельях, мертвой воде и банальных взрывных смесях, купленных у гномов.

Да ему не один десяток лет пришлось бы трудиться, чтоб на все это заработать. А эти сами пришли, сами принесли и сами оставили в колючих лапах верного стража.

Вспомнив о верном страже, выращенном когда-то магией из веточки падуба и имеющего с деревом один общий корень, маг со злости хлопнул себя по лбу ладонью — ну не дурак ли он!

Вот до чего довела проклятая любовь, совсем с этой принцессой соображать разучился!

Ведь он давно наделил падуб разумом. Разумеется, не таким, как у людей или птиц, а магическим. Колючий друг помнит лишь происходящее возле него и отвечать может только на самые простые и короткие вопросы.

В тот же миг мощный вихрь приподнял кресло и перенес к росшему у калитки маленькому кусту падуба. Единственному, которому разрешено

было расти по эту сторону стены. Поморщившись, Тодгер решительно сунул руку в колючки, подождал, пока капельки крови впитаются в лаковую поверхность листиков, и залечил ранки.

— Здравствуй, страж.

Огромная почка вздулась на одной из верхних веточек, закачалась и лопнула, превратившись в мутный зеленый глаз с огромным черным зрачком.

— Хозяин.

— Принцесса... — Маг задумался, учил он падуба этому слову или нет? И поправился: — Девушка приходила?

— Да.

— Пропустить просила?

— Да.

— Ты пропустил?

— Да.

— Почему?! — задохнулся от возмущения маг.

— Платок.

— Какой платок?!

— Кровь.

— Платок был в крови?

— Да.

— И чья это была кровь? — подозрительно осведомился Тодгер.

— Твоя.

— Откуда? — недоуменно нахмурился маг и задумался.

А потом вспомнил — было такое. Ранней весной Дарочка сидела вместе с сестрами на залитой солнцем южной веранде и вышивала подушечку. День был такой светлый и ясный, что заниматься зельями и преступниками не хотелось совершенно. Потому-то Тодгер тоже сидел там и усиленно делал вид, что создает для принцесс тень да помогает вдевать магией нитки в иголки. А сам тем временем втихомолку играл локонами своей принцессы, заставляя воздушную струйку то приподнимать их, то касаться нежных щечек, то падать в вырез платья.

И доигрался. Когда подавал девушке иголку, она неожиданно пребольно уколола его руку.

— За что? — лицемерно разобиделся тогда маг, но она насмешливо посмотрела ему в глаза и заявила, что в его возрасте рановато страдать провалами в памяти.

Но тут рассмотрела капельку крови на его руке, расстроилась, разахалась, промокнула своим платочком и позволила поцеловать пальчики

в знак примирения.

«Так вот, значит, как!» — оскорбился маг, вспомнив это маленькое недоразумение.

А он-то, дурак, потом целый день был счастлив, создавал им на клумбах необыкновенные цветы, выстраивал в небе облака в различные картины, привел из леса пугливого оленя...

А она просто нашла способ получить немного его крови, ведь про верного стража маг рассказал ей намного раньше. Нет, он знал, что у всех особ королевского рода коварство врожденное, и даже немного радовался. Жене темного мага без этого нельзя. Но так надеялся, что у Дарочки его окажется меньше, чем у остальных.

Значит, ушла... ну что ж, пусть идет.

От того, что проклятые пустоши являются самым красивым местечком королевства, они не перестали быть и самыми дикими. И, следовательно, самыми опасными.

Так пусть немного погуляет, скоро и сама назад прибежит. И вот тогда он ей все припомнит... но, разумеется, все простит, если она перестанет глупо упрямиться.

Воображение живо нарисовало эту желанную картинку: Дарочка входит в калитку, несчастно опустив голову, подходит к неприступно стоящему на крыльце Тодгеру и говорит своим нежным голоском:

— Прости меня, пожалуйста. Я поняла, что не могу без тебя жить...

А тот будущий суровый Тодгер, стоящий на крыльце в своем лучшем костюме и начищенных до блеска сапогах, насмешливо разглядывает грязное личико вредной девчонки. И порванное, перепачканное платье, и спутанные локоны, и многочисленные царапины на руках. Ведь ей пришлось пробираться через глубокий овраг, которым маг намеренно преградил дорогу к своим владениям, чтоб не шатались всякие любители приключений.

И специально населил этот овраг ядовитыми змеями и огромными жабами, кусачими крысами и шакалами.

Демонская кровь! А ведь эта дурочка и в самом деле не задумываясь полезет в тот овраг, который даже сам Тод обходит десятой дорогой!

И, само собой, никогда не сможет его пройти, несмотря на защитный медальон, который он ей лично зачаровал и велел носить не снимая!

Вот и сидит небось сейчас где-то там, под кустиком, вдыхая ядовитые испарения, окруженная стайкой жадных крыс и танцующих смертельный танец кобр!

Маг раздосадованно дернул себя за свисающую с виска почти до груди

прядь смоляных волос, щелкнул пальцами, и яростный вихрь подхватил кресло. Оно взвилось выше стены и колючей ограды, пронеслось над живописным склоном, перелетело через прозрачную реку в песчаных берегах...

Ничего этого Тодгер не видел, он глядел не на красоты природы, а в свой шар, осматривая его магическим оком каждый кустик и каждый камушек.

Безуспешно, нужно сказать: кроме стаи оборотней, нескольких русалок да медвежьего семейства, шар не обнаружил никого живого.

— Темная сила! — прорычал он, снова расстроено дернув назойливую прядку.

Кастовал на себя усиленную защиту и направил кресло в сторону оврага, даже не надеясь найти невесту живой. Если оттуда даже авантюристы в зачарованных доспехах еле живыми выползают, да и то не все, чего уж говорить о полуголой девчонке!

Тут маг припомнил, что по ночам возле его оврага любят водить свои брачные хороводы оборотни, и зарычал еще свирепее. И намного отчаяннее.

Если Дарочка случайно встретилась с этими обаятельными ловеласами, можно не сомневаться в ее целостности и здоровье. И спит сейчас принцесса вовсе не под кустиком, а в уютном домике на опушке леса, на ложе, покрытом покрывалом из беличьих шкур.

И, разумеется, не одна.

Тодгер люто закричал зубами и прибавил креслу скорости, так что полы его черного плаща захлопали за спиной, как крылья диковинной птицы, а над ними пиратским флагом взлетели смоляные пряди.

Он мчался над глубоким оврагом, поросшим колючками всех сортов и видов, тревожа обитателей этого жуткого места. Впрочем, глупые жабы провожали его беззаботно-пучеглазым взглядом, а змеи вообще не смотрели вверх, им не до таких глупостей.

Зато шакалы, поджав хвосты, лезли в самую чащу густых кустов, догадываясь, что не стоит ждать ничего хорошего от забросившего их сюда существа.

А вот крысы стремглав неслись по склонам вверх, карабкались по отвесным стенам, срываясь, падая и снова устремляясь вперед.

Им было точно известно — просто так, прогуляться или развлечься, маг ходит совсем в другое место, значит, пора спасать серые шкурки. И не важно, что мех бросовый, зато свой, родной.

Дарелетта постояла у окна, провожая взглядом стремительно улетавшего хозяина замка, ехидно хихикнула и отвернулась.

Как она и предполагала, Тодгер даже не подумал искать ее здесь.

Обшарил все до самого укромного уголочка, не заглянув лишь в единственное место — в свою собственную рабочую башню.

Не додумался, что именно туда принцесса первым делом и направится. Память у нее отличная, а маг не раз повторял, что защита его лабораторий настолько надежна, что даже муха не пролетела за последние лет десять. Не говоря уж о ком-то крупнее.

И при этом заверял Дарочку, что вложил в ее медальон защиту от всех известных ему ловушек и заклинаний. И даже проверить предлагал.

Но тогда Дарочка отказалась, сказав, что она не подопытная крыса. И что вообще полагается на его слово. Хотя на самом деле таились в ее душе сомнения, и немалые.

Зато вот теперь она ему совершенно верит.

Действительно, от всех заклинаний Тодгера она защищена, опробовано на деле.

Несмотря на то что откуда-то летели огненные стрелы, а под ногами расплывались жуткие черные кляксы, от Дарочки они отскакивали, как вода от раскаленного утюга, не причиняя никакого вреда.

Ну, разумеется, она не сразу сама сюда сунулась, что за вздор! Уговорила глупенькую колючку, пообещав ей за это сказку. Та ведь совсем как ребенок, такая же наивная и любознательная. Самую простенькую сказку про елочку прослушала четыре раза и даже не все поняла.

После стебля колючки, вооруженного медальоном принцессы, попасть в башню было довольно просто. Значительно труднее оказалось высидеть два часа у окна в ожидании появления ее личного рабовладельца. Скучно и прохладно, хотя снарядилась Дарочка по-походному. Зато зрелище того стоило.

Вид вырывающего кусты и громящего павильон смерча был очень впечатляющ. Ничего более увлекательного она за всю свою жизнь не видела, но магу конечно же никогда в этом не признается.

Ведь если разобраться, точно так же мог вести себя и владелец какой-нибудь ценной птички или зверюшки, если бы она от него сбежала.

Значит, придется продолжить испытания.

Но для начала неплохо бы умыться, переодеться и нормально

перекусить, пирожными сыт не будешь...

* * *

В кухне было все.

Сияющие чистотой котлы, котелки и котлищи, сковородки, дуршлаг и половники всех видов, разделочные доски...

И целый ряд поблескивающих отточенными кромками режущих и рубящих кухонных орудий. От крохотного ножичка, непонятно для чего предназначенного, до огромного топора, с какими в книжках ходят только орки.

Еще Дарочка обнаружила шеренги мисок, подносов и тарелок, чашек, кружек, ковшиков, вилок и ложек и множество прочей неопознанной посуды и приспособлений.

Не было только того, что она всегда безошибочно находила на кухне собственного дворца.

Подносов с пирожными и пирожками, корзин с булочками и хлебцами, накрытых салфетками пирогов и кулебяк.

Да тут даже завалящего сухарика не нашлось. Ничего! То есть абсолютно!

Зато нашлась дверца и за ней — кладовая.

Большая такая, размером с два разгромленных магом павильона.

И вот тут было все... кроме того, что пыталась отыскать Дарочка.

Висели на балках разнообразные копченые и вяленые окорока, колбасы, рыбы, птицы и даже лягушки. Всех размеров и цветов, от почти черного до бледно-золотистого.

Лежали на огромных, голубовато-прозрачных ледяных плитах туши всевозможных животных, птиц, рыб и прочих морских обитателей.

Стояли бочки с маслом, медом, сиропами и солениями-моченьями: грибами, ягодами, фруктами и овощами.

Впрочем, овощей и фруктов и свежих было столько, что возле некоторых ларей и корзин Дарочка застыла в глубокой задумчивости, не узнавая полосатых и пятнистых незнакомцев и подозревая, что маг просто сложил тут результаты своих экспериментов.

Дальше шли лари с крупами, мукой, сухофруктами, огромные банки с вареньями, приправами и пряностями, полки с разнообразными сырами и кувшинами сливок и сметаны, туюски с коровьим маслом и горшки с творогом и животным жиром, связки чеснока и перцев, трав и листьев. И

еще бочки с икрой и корзины с яйцами, шкатулки с чем-то непонятным, коротко подписанные торопливым почерком... у принцессы даже голова закружилась от этого изобилия и голода.

А за арочной дверью виднелся винный погреб: огромные бочки с кранами, стеллажи с бутылками...

Но нигде не было того, ради чего принцесса бродила между стеллажами и полками и заглядывала в бочки.

Пирогов, пирожных, печенья и вафель. Да даже простых булочек с изюмом и тех не было!

Эх, маг!

А говорил, что любит ее!

Какая же это любовь, если он даже вкусов любимой принцессы не изучил? И прежде чем тащить ее в свое логово, не забил кладовые пирогами-булками, пирожными-морожеными и шоколадом!

Только о себе, эгоист, и заботился, винища да мяска натаскал столько, что полку егерей на месяц вполне хватит!

Распаленная обидой, Дарочка двинулась в обратный путь, не забыв, однако, прихватить кружок сыра и копченого рябчика, привлечшего ее золотистым цветом и аппетитным ароматом.

Сиротливо лежащие на первозданно чистом кухонном столе сыр и рябчик выглядели приговоренными на эшафоте, а Дарочка сама себе казалась палачом, когда двинулась на них с одним из внушительных режущих кухонных орудий.

Само собой, умела она пользоваться ножом, что за вздор! И отбивную котлетку аккуратно отрезать, и книжные листы открыть. И даже кусок пирога при случае сама себе отрезала, когда, дочитав в три часа ночи книжку до описания роскошного пира, обнаруживала, что на стоящем рядом подносе не осталось даже крошек.

И потому решительно вонзила огромный нож в круг сыра, точно помня про нежность сливочных ломтиков.

Нож вошел в глянцево-желтое тело сыра не очень легко, но Дарочку это не смутило, принцессам не подобает отступать перед трудностями. «А сыр даже смешно назвать трудностью», — презрительно сморщив губки, сообщила девушка сама себе и нажала на ручку ножа со всех сил.

Нож неохотно двинулся вглубь, дошел до середины и застопорился.

Дарочка попыталась его вытащить — где там! Неведомая сила держала острое орудие крепче, чем терновый куст — кружевную накидку.

Через некоторое время принцесса устала, рассердилась и решила, что это маг специально зачаровал сыры, чтоб их не могли съесть какие-нибудь

аферисты, с которыми он время от времени борется.

Взяла новый нож, еще больше, стиснула рукоятку двумя руками и подступила ко второму приговоренному, беззаботно валявшемуся лапами вверх. «А как же ему волноваться, если головы уже нет», — мелькнула у принцессы мысль, сверкнуло ясное лезвие ножа...

В тот же миг промелькнули золотистые лапы рябчика, совершившего головокружительный прыжок со стола под буфет, и сталь со всей силы обрушилась на не предполагавший такого коварства стол.

И хотя дубовая столешница абсолютно не ожидала нападения, сопротивление все же оказала. Не сдалась внезапному удару, и нож, со всей Дарочкиной силы саданувший по ее поверхности, отскочил с таким азартом, что девушка предпочла отпустить его и резво отпрыгнуть в сторону.

Зазвенела по полу каленая сталь, заухал под потолком чей-то язвительный смех.

Дарочка стремительно отпрыгнула еще дальше и лишь после этого обернулась.

На одном из стульев с высокой спинкой, ранее тихо придвинутом к обеденному столу, сидел мужчина средних лет с очень импозантной внешностью. Чуть волнистые волосы цвета переспелой вишни львиной гривой поднимались надо лбом, в ухе поблескивала замысловатая серьга, из-под насмешливо изломанных густых бровей смотрели пронизательные зеленые глаза, а жгуче-черная мантия была расшита серебряными рунами и звездами.

— Почему ты смеешься?

— А разве не смешно? Ты не сумела себе отрезать ни сыра, ни мяса! Да я абсолютно уверен, ты даже простой каши сварить не в состоянии, не говоря о том, чтобы испечь себе булочку.

— А ты умеешь делать все на свете? — невинно поинтересовалась Дарочка и чинно уселась за стол напротив незнакомца.

О том, что убегать от него бесполезно, девушка догадалась сразу.

— Не все, но очень многое, — ехидно прищурился он.

— А сколько тебе лет?

— Магам такие вопросы не задают.

— Ладно, — кротко опустила глазки принцесса, — задам другой. Ты и в восемнадцать лет умел столько же, сколько и сейчас?

— Ну разумеется, нет. Однако обслужить сам себя, разжечь плиту и приготовить обед точно мог.

— А тебя всему этому кто-нибудь учил? Ну, хоть раз показали, как это

делается?

— Вообще-то я был очень смысленный, — гордо припомнил маг. — Мне достаточно один раз понаблюдать, и я навсегда запоминаю, что и как делается.

— И тебя не выгоняли из кухни и из всех комнат, где кто-то готовит, стирает, гладит или шьет? — изумленно ахнула девушка.

— Нет, конечно, у нас дома все что-то делали.

— А вот у нас никто из семьи ничего не делает! — горестно сообщила Дарочка. — И ходить туда, где что-то делают, настрого запрещено. Еще нельзя самой одеваться, причесываться, купаться... только вышивать да книжки читать и можно, хотя книжки стараются давать пореже, а пальцы — почаще.

— Мне уже пора начинать тебя жалеть? — насмешливо прищурил свои изумрудные глаза маг.

— Да где уж тебе, — презрительно фыркнула принцесса. — Ты за свои триста лет уже, наверное, забыл про такое чувство, как сострадание. Мне достаточно и простого понимания... или книжки, где написано, как что делать. У нашего главного повара есть, но он мне не дает. Говорит, тогда король из него самого отбивную сделает.

— А вот оскорбить меня намеком на мою старость ты пытаешься очень зря, — с легкой угрозой протянул маг. — Я ведь не Тодгер, обид тебе прощать не намерен!

— Это ты меня первый обидел, — немедленно возразила принцесса. — Обвинил в том, в чем я никак не могу быть виновата. А теперь ругаешь за то, что я защищаю себя! А ведь чувство собственного достоинства и гордости в нас воспитывает наставница, специально приехавшая из Королевского института благородных девиц Лезарии!

— Хорошо, — немного подумав, заявил незнакомец. — Я задам тебе несколько вопросов, и если сочту, что ты заслуживаешь, то переменю свое первоначальное намерение насчет твоей судьбы.

— Задавай, — крепче прижав к себе свою книжку, согласилась принцесса, начиная мечтать, чтобы хозяин замка поскорее вернулся.

Ведь вопросов может оказаться не так уж много, а незванный гость, судя по всему, настроен очень решительно.

— Но сначала мы перейдем в более безопасное место, — словно прочтя ее мысли, усмехнулся зеленоглазый. — Тодгер заканчивает громить свой овраг и как только не обнаружит там твоего тела, вернется домой. И непременно начнет расследование. Он умеет рассуждать очень трезво, пока не отвлекается на всякие глупости.

Маг сделал неуловимое движение рукой и оказался рядом с принцессой. А в следующий момент решительно сдернул ее со стула, крепко прижал к себе, и светлая, ухоженная кухня Тодгера исчезла вместе с недорезанным сыром и недорубленным рябчиком.

* * *

— Ах! — само сорвалось с губ Дарочки, но она тут же крепче стиснула ротик.

Давно поняла, читая книжки, как надобно вести себя девушкам, когда их умыкают бандиты или такие вот грозные незнакомцы. Если эти девушки не хотят, разумеется, немедленно получить пощечину, оказаться в подвале или еще где похуже.

Да и место, куда они попали, вовсе не произвело на Дарочку гнетущего впечатления.

Хотя в первый момент показались слишком суровыми черные с золотой прожилкой мраморные стены и полы, черный камень очага и металл котлов. Однако, оглядевшись, принцесса больше не замечала нарочитую черноту этого помещения, ее натренированный глаз успел рассмотреть и блюдо с пирогами, и витую корзинку того же черного металла, полную пирожных, и даже шкафы с разнообразной посудой.

И не важно, что она тоже черная, пить чай можно из любых чашек.

— А чего это ты не визжишь? — поинтересовался маг, оставив Дарочку посреди кухни и усаживаясь во внушительного размера кресло с высокой спинкой.

— Не считаю нужным, — кротко ответила Дарочка и загнула один пальчик.

— Почему?

— Чтобы тебя не сердить, — так же смиренно выдала один из мелькнувших в ее хорошенькой головке вариантов ответа принцесса и зажала второй пальчик.

— Благоразумно, — нехотя похвалил похититель. — А что ты там считаешь?

— Вопросы. — С постного личика Дарочки можно было писать ангела смирения.

— Заче... — начал маг и захлопнул рот. — Ясно. Как я понимаю, вести себя прилично и рассуждать здраво ты все же умеешь.

— Вам виднее. — Скромность принцессы расцветала, как поле

одуванчиков на рассвете.

— И это верное замечание. Тогда ответь на вопрос посложнее — почему ты издеваешься над женихом?

— У меня нет жениха. — Огромные синие глаза смотрели с искренней печалью.

— А Тодгер?

— Маг Тодгер меня купил, и теперь он мой рабовладелец, — горько вздохнула девушка.

— Но ведь прежде, чем обменять тебя на корону, он почти два года за тобой ухаживал? — Маг явно начинал злиться, и Дарочка это поняла.

Но солгать в таком важном для каждой девушки вопросе не могла.

— Нет, не ухаживал.

— Как это «не ухаживал»? Да он вился возле тебя по полдня, вместо того чтоб заниматься делами!

— Пчелы тоже возле цветов вьются, — чуть покраснев, проворчала принцесса. — По-вашему, это можно назвать ухаживанием?

— А, — догадался маг и только тут заметил, что принцесса так и стоит посреди кухни. — Садись на стул и рассказывай, как, по-твоему, должен был ухаживать за тобой Тодгер.

— Как за всеми принцессами ухаживают, — безнадежно вздохнула Дарочка. — Вот весной за Генриеттой ухаживал принц из Хадгира. Весь дворец сидел у окон с платочками! Он приезжал к ней под балкон на белом коне и пел серенады, по пять раз в день присылал ей букеты, читал стихи, катал на лодочке по большому королевскому фонтану и лично держал над Генриеттой зонтик!

— Понятно, — строго прервал принцессу маг, ясно ведь — про замечательное ухаживание принца Геррика, слывающего отъявленным ловеласом, девушка может рассказать еще очень долго. — А ты не подумала, что все люди разные? И далеко не каждый способен полночи горланить под балконом, развлекая весь дворец!

— Подумала, — сообщила принцесса, глядя на похитителя ангельски ясными глазами. — И вполне обошлась бы без серенад. И заодно без принародного лапания моих коленок.

— А догадаться о том, что он из семьи магов, а они не считают обучение изящным манерам самым важным делом, ты могла?

— Нет, не могла, — печально помотала головой девушка. — Не настолько я сообразительная. Но ведь и ты не догадался, что меня никто не обучал варить кашу и резать сыр?

— Дерзка, — прищурился маг, подумал и добавил: — Но не дура и не

истеричка.

— Спасибо, — кротко кивнула принцесса.

— Пока не благодари... хотя отправлять тебя в подарок дугрейскому султану я раздумал. Решил дать последний шанс. Окончательно все просчитаю позже, сейчас у меня срочное дело, а до того времени придется тебя спрятать. Но не волнуйся, принцесс я сажаю в камеру только в самых крайних случаях. Тебя спрячу по-другому.

Черное облачко слетело на Дарочку с потолка и, словно туман, осело на ее коже.

— Теперь тебя никто не узнает, — любезно сообщил маг, свивая пальцами в воздухе замысловатую невидимую виньетку. — А чтоб ты сама не проболталась, говорить сможешь только по моему приказу. Звать тебя буду коротко — Ре. Ну а все остальное тебе объяснит Туа. Туа! Иди сюда!

Черная дверь, совершенно незаметная на фоне стены, аккуратно раскрылась, и в комнату вошла совершенно черная женщина в черном же платье. Только чепец с оборками, завязывающийся по южной моде на затылке, да длинный фартук с крылышками были ослепительно-белыми. Она подошла ближе и молча застыла перед магом, ожидая указаний.

— Я привел тебе ученицу, — строго сообщил маг. — Научишь ее всему, что умеешь. Есть давай только ту еду, которую она приготовит сама. Поняла? Никаких пирожных.

— У-у-у! — промычала Дарочка, с ужасом понимая, что из горла не вылетает ни одного из тех словечек, какие ей хотелось выкрикнуть, когда она разглядела свои совершенно черные руки и точно такой же наряд, как на Туа.

Маг не обратил на это мычание никакого внимания, видимо, догадывался, каких слов следует ждать от пленницы. Просто поднялся с кресла и шагнул к двери, определенно намереваясь покинуть кухню. И тогда принцесса бросилась ему наперерез и торопливо нарисовала в воздухе рукой большой вопрос.

— Спросить хочешь? — догадался маг, посмотрел в глаза, ставшие такими же черными, как и все остальное, и нехотя разрешил: — Ну ладно... только один вопрос.

— Надолго? — сумела произнести принцесса и снова онемела.

— До тех пор, пока не научишься готовить, — равнодушно сообщил он и, твердо ступая, вышел прочь.

— Значит, — с ненавистью глядя ему вслед, процедила немymi губами Дарочка, — у меня будет достаточно времени, чтобы выяснить все, что захочу.

Ну а план, как отомстить за это похищение, постепенно сложится в голове сам, уже проверено.

— У! — сообщила Туа, дернув девушку за рукав, и та обернулась наконец к своей учительнице.

А обернувшись, замерла от изумления, сообразив, что мыслила в верном направлении и пока еще не все в жизни для нее потеряно. Чернокожая повариха подмигивала так дружелюбно, что не поверить в это было просто невозможно.

Ну а когда подруга по несчастью состроила ехидную гримасу и дерзко показала закрывшейся двери розовый, как у собачки, язычок, Дарочка поняла, что уже почти обожает эту кухарку.

А Туа взяла с полки стопку мисочек, бросила в корзинку и поманила ученицу черным пальцем. И та с готовностью шагнула следом, догадываясь, что нарушить приказ и выдать ей готовое пирожное женщина не сможет.

По этой кладовой они пробежали быстро и уверенно. В этот раз Дарочке не пришлось ломать голову, какие продукты нужно брать, достаточно было повторять все за сестрой по несчастью. Девушки зачерпнули одной мисочкой муки, в другую бросили желтый шарик масла, в третью плюхнули густющей сметаны, еще в одну аккуратно сложили яйца. Последней зачерпнули чего-то очень белого и мелкого, и кухарка сунула туда палец и лизнула, показывая, что ученица должна сделать то же самое.

Белое оказалось сахаром, только очень мелким, и теперь Дарочка его узнала — точно таким бывали посыпаны булочки и пирожные.

Вернувшись в кухню, Туа не стала заниматься ни мукой, ни сахаром, просто поставила корзину на стол и повела принцессу к очагу.

— Чтоб огонь разгорелся сразу, — внезапно сообщила она мелодичным голосом, — вниз положи стружек, потом мелкую щепу и последними — поленья, но сначала самые мелкие, и не плотной кучей, а сложи для огня домик.

Оглянувшись на возмущенно сопящую ученицу и выразительно показала глазами на дверь.

Тут бы и дурак понял, что маг как-то подслушивает разговоры пленниц, а Дарочка дурочкой себя не считала. И потому понятливо кивнула и принялась в первый раз в жизни строить дом не из разноцветных кубиков драгоценных сортов деревьев, а из неошкуранных чурбачков и смолистых стружек. И не для ручного хомячка, а для огня.

Туа помогала, потом достала с полки черную металлическую

шкатулку, выкатила из нее ложечкой маленький, тускло светящийся уголек и положила между дров.

— Это спящий огонек. Дунь на него.

От легкого дуновения уголек ожил, высунул призрачный язычок, лизнул одну стружку, другую и расцвел огненным цветком, пока маленьким и неярким, но очень быстро набирающим силу.

Кухарка довольно прикрыла дверцу, поставила на плиту большой чайник с водой и вернулась к столу. Там она уверенно разделила все принесенное на две равные кучки, выдала ученице сито и всыпала в него муку.

— Сей. Это просто — дергай сито то одной рукой, то другой. Да, вот так. Просеянная мука даст пышное тесто, ляжет без комочков, и булки будут высокими и воздушными.

Дарочка представила воздушные булочки, невольно облизнулась — именно такое печево она и любила — и решительно задержала руками.

А пока она сеяла муку и снова собирала ее в мисочку, вскипел чайник, и Туа, достав одинаковые широкие и невысокие котелки, налила в один ровно чашечку кипятка.

— Теперь ты.

Это оказалось не так просто — налить из большого чайника в чайную чашку, но принцесса очень старалась и пролила совсем немножко. Перелить из чашки в котелок оказалось совсем просто.

— Кладем масло. — Кухарка подержала широкий нож в горячей воде, нажала, и сливочный шарик распался пополам. — Теперь можно резать кубиками.

Отправив масло в ковшики, учительница с ученицей поставили их рядышком на плиту и всыпали по щепотке соли и ложечке сахара.

— У-у... — разочарованно хныкнула принцесса, по ее мнению, сахара следовало насыпать больше.

Много больше.

— Сахар не сюда, — отлично поняла страдания девушки черная Туа. — Это будет тесто.

И едва масло растворилось, а вода начала снова закипать, разом всыпала туда чашечку муки и принялась ловко мешать.

Дарочка повторяла ее действия, как ученая собачка, и даже кончик язычка чуть высунула от усердия, отлично понимая, что если сделает что-то не то, то и кушать будет это самое «не то». Не раз слышала разговоры кухарок, забегаая в неурочное время за булочкой, что пироги сегодня не удались.

— Теперь разбивай по одному яйца и быстро вмешивай, — отодвинув котелки на самый край, командовала Туа, ставя рядом мисочку с яйцами и чашечку. — Но если не умеешь хорошо разбивать, то сначала в чашечку. А когда льешь яйцо в тесто, старайся не попасть на дно, мы готовим не яичницу. Пяти штук хватит, яйца крупные. И не забудь: в это тесто яйца идут самые свежие и ни в коем случае не холодные. Я специально немного подержала их рядом с чайником, а прислали эти яйца только утром.

Разбить яйцо так, чтоб скорлупка лопнула ровно посередине и не смялась мелкими кусочками, принцессе удалось с третьей попытки, когда она сообразила, что удар ножа должен быть сильный и короткий. И плоды ее первых неудач Туа, бдительно следившая за девушкой, спокойно слила в мисочку из-под муки.

— Потом взобью и процежу, в тесто пойдет, — сообщила она в ответ на любознательный взгляд ученицы. — А вообще запомни: если не уверена, что яйца свежие, всегда разбивай в чашечку. Иначе можно плохим яйцом испортить кучу продуктов. Да мешай получше, не отвлекайся! Тесто должно стать послушным, тягучим и легко отставать от стенок. Вот смотри, какое у меня!

Кухарка белоснежным полотенчиком отставила в сторону свой котелок и заглянула в посуду к принцессе:

— Хорошо, молодец. Еще одно яйцо — и готово, да вот так, промешивай до дна, чтоб все было одинаковым. Не вздумай схватиться руками, когда будешь снимать, обожжешься. Ну вот, готово. Сейчас поставим выпекать, духовка уже нагрелась.

Туа достала с полки широкий металлический противень, плеснула немного масла, ловко размазала черной ладошкой и вытерла ее о полотенце. Принцесса проследила за ней и подозрительно прищурилась — на полотенце не осталось и следа масла. Значит, каверзный маг все-таки помогает служанке, и это неплохая примета. Может, он и над Дарочкой позже сжалится, доживать свою жизнь чернокожей и немой кухаркой ей совсем не хочется.

— Вот с этой стороны твои, а тут мои, — поделила кухарка лист пополам. — Я со своей стороны поперек класть буду, а ты вдоль клади. Бери чайную ложечку, обмакивай в холодной воде и зачерпывай ровненький шарик, да не размазывай! Так кучкой и клади. Снова в воду, снова на лист. Посвободнее раскладывай, они вырастут. Остатки теста соскреби со дна, там еще пара шариков выйдет, потом порадуешься. Все, открываем духовку, ставим, — чуешь, какой оттуда жар? Самое то, что нужно, чтоб тесто поднялось и испеклось. Закрываем и двадцать минут не

подходим, открывать и смотреть нельзя, сядут булочки, будут клеклые. А пока в печи угольки отгребем в сторонку, чтоб не пригорело, тут они жара на духовку не дают. Теперь идем делать начинку.

Туа ловко собрала со стола грязную посуду, составила в стоящий в уголке сундук и через минуту вынула ее назад совершенно чистенькую. Дарочка вздохнула с облегчением: огромные корыта, в которых мыли посуду в родном дворце, перестали нравиться ей уже очень давно. Это лет в десять юной принцессе казалось, что очень интересно болтать в них тарелками и ложками.

— Вот тебе венчик, вот миска, в следующий раз сама возьмешь, — подтолкнула ученицу к столу кухарка. — Начинку сегодня сделаем самую простую, сметанную. Но с сиропом, ты малину или вишню любишь? Покажи пальчиком. Я тоже малину.

И щедро наплюхала в Дарочкину миску густой сметаны. Полила малиновым сиропом, всыпала чашечку сахара.

— Взбивай! — И взялась за свой венчик. — К себе крути да поглядывай, чтоб все ровно промешалось. Готовый крем должен быть пышным, как пена с хорошего мыла, и не падать с венчика.

Это была нелегкая работа, принцесса запыхалась, рука у нее начала болеть, но она упорно крутила венчик, кушать хотелось все сильнее. И даже сама себе не поверила, когда обнаружила, что у нее в миске больше не сметана с сахаром, а крем. Самый настоящий, именно такой, какой бывал на тортиках и пирожных, пышный, нежно-розовый, вкусный даже на вид.

Украдкой сунутый сначала в миску, а потом в ротик черный пальчик подтвердил — точно, это он, родненький!

Вот теперь Дарочка начала верить, что перекусить ей сегодня наконец удастся. И можно будет не вздыхать тайком о яблоках и грушах, скормленных ради дружбы колючему сторожу.

— Готово, — сообщила Туа, — пора вынимать. На первый раз я, потом будешь ты. И не забудь: лист очень горячий, намного горячее, чем кипящий чай. Если коснешься — будет ожог.

Она распахнула духовку, ловко схватила свернутыми в несколько раз полотенчиками противень и перенесла на стол.

Принцесса во все глаза смотрела на пышные золотистые булочки, в которые превратились продолговатые шарики, и едва не плакала от умиления — они это, они! Самые любимые ее пирожные! Да она их теперь по три раза в день печь будет!

Вся остальная работа оказалась проще и приятнее. Осторожно сняв на доску пирожные, сначала дали им остыть, потом надрезали сбоку так, чтоб

верхняя половинка открылась, как крышечка на маленькой шкатулочке. И наконец большой ложкой положили внутрь каждого взбитый крем. Затем прикрыли крышечки и, разлив по чашкам чай, который оставшимся кипятком мимоходом заварила Туа, устроились со своими тарелками у обеденного стола.

— Мм, — пробуя пирожное, мурчала от удовольствия принцесса, как вкусно-то!

— Как я понимаю, пирожные ей удались, — едко изрек голос мага, и, скосив глаза, Дарочка обнаружила, что он уже сидит в своем любимом кресле. — Но не могу понять другого. Почему ты, Туа, не начала обучение поварскому делу с чего-нибудь попроще? С каши, например, или бульона? Меня вот, допустим, сначала учили чистить овощи. Я целых полгода чистил картошку и лук. Туа! Почему ты не отвечаешь, когда я задал вопрос?!

Кухарка состроила презрительную рожицу и, не обращая на мага внимания, откусила сразу полпирожного. Вот в этот миг Дарочка поняла, что уже почти обожает эту мужественную женщину.

— Туа! Я с тобой разговариваю! — В голосе мага слышалось рычание голодного льва.

— А я с тобой — нет! — отрезала черная женщина и спокойно засунула себе в рот оставшийся кусок пирожного.

— А я и не прошу со мной разговаривать, просто ответь на вопрос!

Дарочке показалось, что это заявление слегка нелогично, и Туа тоже усмехнулась очень ехидно, но тут обе тарелки с пирожными поднялись со стола и взмыли к потолку.

— Как низко, — возмутилась кухарка, — использовать в разговоре с женщиной такие недостойные честного человека аргументы!

— А я не человек, а маг!

— Ты хочешь сказать, что все маги — нелюди? — торжествующе выпалила Туа, и вот тут Дарочка начала подозревать, что кухарка на самом деле такая же наказанная женщина, как и она сама, и, стало быть, нравится ей еще больше.

— А ты даже дня не можешь обойтись без оскорблений?! — Маг рычал уже с подлинной яростью. — Тогда в наказание останешься черной и после захода солнца!

— И за это ночью в белой башне, — отрезала женщина, — вместе с этой девочкой! Но решать, какими методами обучать свою ученицу, всегда буду сама! Я же не лезу к твоим ученикам!

— Смотри не пожалей! — рявкнул маг и исчез, а через миг тарелки с

грохотом рухнули на стол.

— Псих, — презрительно фыркнула вслед Туа, и из-под потолка донеслось мстительное:

— И полное молчание!

— Пфф! — пренебрежительно засмеялась она, а восхищенная принцесса сжала в кулачок измазанные кремом пальчики и, выставив кверху большой, восторженно показала его кухарке.

В ответ та весело подмигнула и как ни в чем не бывало взяла с тарелки очередное пирожное.

* * *

— Раз, два, три, четыре... кого-то не хватает, — задумчиво сообщил король, глядя на загнутые в кулак пальцы левой руки.

Большой палец сиротливо торчал в сторону.

— Дарочки, ваше величество, — учтиво напомнил советник. — Ее забрали в обмен на корону.

— А! Так моя корона уже на месте?

— В самом надежном месте. И амулет королевский при ней.

— Какой честный человек! — восхитился король. — Ну и когда свадьба?

— Извините, ваше величество, но про это пока ничего не известно.

— Бедная Дарочка, — томно вздохнула королева и в трагическом жесте прижала пальчики к груди.

Паж мечтательно покосился на гуляющие по роскошному декольте расписные ноготки и приосанился.

— Ага, бедная, — без энтузиазма поддакнули принцессы, поглядывая на пустующее место придворного мага.

— Как это неизвестно? — задумался король. — А почему никто не поинтересовался? Я что, сам все делать должен?

— Мы бы поинтересовались, — с мученическим видом сообщил советник, — да ведь не у кого!

— Как — не у кого? — изумился его величество. — А у того, кто корону принес?

— Так ведь неизвестно, кто принес-то! Служанки пришли утром в башню, свежих пирожных принесли, глядят — принцессы нет. А на столе только грязный мешок, и в нем что-то гремит. Ну, они, разумеется, сначала упали в обморок, немного полежали и решили вызвать стражу. Капитан

егерей отнес мешок алхимику, тот проверил амулетом и определил, что в мешке королевские ценности.

— А где Дарочка, он не определил? — дрожащим голосом произнесла королева.

— Нет, — скорбно глянул на нее советник. — Это никто определить не смог.

— А по письму? Осталось же письмо! — вспомнил король. — Да что же это такое! До всего я сам должен додуматься!

— Так нету же письма, — еще тише и несчастнее пролепетал советник, надеясь, что король не вспомнит, как было дело. — Вы же лично начертали на нем ответ, канцелярия и отправила!

— А по какому адресу? Должен у них остаться адрес! — Его величество сегодня явно был в ударе.

— Не было там адреса, — горестно шепнул советник. — Только конверт черный, магический. И приписка, что ответ нужно положить в этот же конверт.

— Ну?! — нетерпеливо выдохнули четыре хорошеньких ротика, а четыре пары разноцветных глаз уставились на советника с жарким любопытством.

— Ну и положили, — совсем убито сообщил он. — И конверт тут же исчез.

— Ах! — восторженно и завистливо выдохнули принцессы. — Настоящее похищение!

— Ах, — вскрикнула королева и упала в обморок.

— Уберите нервную бабу, — приказал король, вспоминая простонародные выражения лишь тогда, когда их не могла услышать ее величество.

Паж тайком ухмыльнулся, привычно подхватил королеву и потащил прочь.

— Где Тодгер? — продолжал буйствовать его величество. — Позовите немедленно! Пусть посмотрит в свой шар и срочно отыщет мне Дарелетту и ее похитителя.

— Хозяина, — дрожащим голосом поправил советник. — Вы же помните, там было выражение: «Обменяю находящиеся у меня в собственности королевские раритеты на принцессу на равноценных условиях». То есть она теперь его собственность.

— Ах, как романтично! — в четыре голоса ахнули принцессы, и король уставился на них изучающим взглядом, в котором явственно читалось зарождение идеи об обмене еще парочки шумных девиц на что-

нибудь ценное.

— Собери совет, — приказал король. — Нужно все обсудить. Ничего без меня не можете! И придворного мага вызови, где он всегда шляется, когда у нас важные события?!

* * *

— Тьма! Она пропала! — врываясь в просторную лабораторию через распахнутое окно, отчаянно кричал Тодгер.

Он так и сидел верхом на кресле, но уже и близко не был похож на того чистенького и ухоженного молодого человека, которым выглядел всего несколько часов назад.

Одежда и волосы юного мага торчали во все стороны закопченными лохмотами, местами носили следы огня и были густо покрыты странными неопрятными пятнами. И весь он пропах гарью, потом и еще какой-то гадостью, как вырвавшийся с поля боя воин.

— Что пропало? — презрительно рассматривая мага, отозвался сидевший в таком же удобном, но снежно-белом кресле магистр. — Настойка, пентаграмма, зарядная пирамидка или подопытная крыса?

— Принцесса... — Маг горестно всхлипнул. — Дарочка моя, краса ненаглядная... колючку мою обманом провела и ушла в сторону оврага...

— Посмотри в зеркало! — не выказывая никакого сочувствия, брезгливо скривился магистр. — На кого ты похож! Даже вернувшийся из дальнего плавания матрос выглядит лучше после двухнедельной пьянки! Пугало ошпаренное ты, а не приличный маг! Тебя в таком виде даже комары не испугаются!

— Про комаров не скажу, — бросив беглый взгляд в зеркало, честно сообщил Тодгер, — не встретил ни одного. А все остальные почему-то испугались. Наверное, не знают, как должен выглядеть приличный маг. Даже оборотни... а ведь я не хотел делать им ничего плохого! Клянусь тьмой! Только спросить, не видели ли они мою Дарочку?! А эти дураки бежали аж до Синюхинского болота, догнать не мог! Пытался остановить по-доброму, несколько елок свалил на пути и пару рвов создал... так они еще быстрее помчались. Сидят сейчас у кикимор в бочажках, квасом отпаиваются и мажут лысины болотной ряской.

— Про лысины, пожалуйста, поподробнее, — учтиво произнес магистр. — Я не понял, откуда они-то взялись? Ведь ты говорил только про елки и рвы!

— Так это... — застеснялся маг, — когда они уже совсем на краю болота были, я понял, что не успеваю, и послал вслед огненный шквал.

— Бедолаги, — равнодушно усмехнулся хозяин лаборатории, поглядывая на серебряную лопаточку, мешавшую варево в небольшом котелке. — Так на них и одежды не осталось?

— Не осталось, — вздохнул гость, начиная понемногу успокаиваться. — Ни одежды, ни волос. Там на болоте вообще больше ничего не осталось, только немного воды в бочажках и кикиморы. Тоже лысые... они же любопытные дуры, вот и поплатились. Зато квас моментально созрел, они только утром завели... а сейчас уже хмельной. А чем это у тебя так вкусно пахнет?

— Кашей. Рисовой, на молоке и с маслом. Будешь?

— Буду. А почему ты сам ее варишь? Снова с Летуаной поссорился?

— Не поминай при мне это имя, а то каши не получишь. Хотя ты ее и так не получишь — за появление перед учителем в таком виде.

— Вид-то я исправлю, — убито махнул рукой маг, и его одежда вмиг стала выглядеть новенькой, а волосы оказались гладко причесаны и стянуты в тугой хвост. — А вот Дарочку...

— Ешь кашу, я пока подумаю, — угрюмо буркнул магистр, следя, как лопаточка сама раскладывает кашу по двум тарелкам, — как тебе помочь.

— Спасибо, Изрельс, — поблагодарил маг, доев кашу и запив ее кружкой кофе со сливками, и уставился на учителя в ожидании: — Ты еще ничего не придумал?

— Придумал, — неторопливо вычерпывая кашу, порадовал его магистр. — Нужно провести доскональное расследование.

— Тьма. Так до этого я и сам додумался, — огорченно выдохнул ученик. — И даже уже провел.

— Неверно считаешь. Правильно проведенное расследование приводит к нужным результатам, а твое привело к облысению половины существ, окружающих твой замок. Еще одно такое расследование — и жить будешь в пустыне, среди черепах. Они облысения не боятся, как и огненных шквалов.

— Хорошо, проводи правильное, а я полечу, прочешу лес до предгорий.

— Не нужно, — резко остановил его Изрельс.

— Что не нужно?

— Никуда лететь и никого прочесывать. Вместе сейчас пойдем.

— Куда?

— В твой замок, естественно. Начнем все сначала.

— Пойдем, — уныло согласился Тодгер, проклиная в душе тот миг, когда в его расстроенную голову пришла мысль лететь за помощью к учителю.

Бывшему, если точнее. Ведь после того, как ученики пройдут испытание и совет ковена признает их магами, каждый продолжает совершенствоваться в своем деле самостоятельно.

Вот только учителей бывших, как показывает практика, не бывает. А еще она показывает, что также не бывает и бывших учеников: каждый учитель гласно или тайком продолжает присматривать за воспитанником, которому отдал не один год жизни и не одну лигу собственных нервов. Да и повзрослевшие ученики вовсе не без основания считают, что в самом крайнем случае у них есть самый последний шанс — бросить крик о помощи своему бывшему учителю.

Невидимая лапа сцапала несчастного мага, мелькнула тьма перехода, и вокруг Тодгера встали такие знакомые стены его собственной кухни.

— Зачем ты притащил нас сюда?

— Сам съел половину моей каши и еще спрашиваешь? Подкрепиться, вот зачем, — незаметно выталкивая рябчика из-под шкафа, возмутился магистр. — А почему у тебя тут такой беспорядок? Неужели ты воевал с собственной кухней?

Тодгер собирался искренне признаться, что воевал только с собственноручно возведенным павильоном и не понимает, откуда тут могла взяться копченая птица, и тут увидал головку сыра с намертво застрявшим в ней ножом.

«Это значит, кто-то очень хотел есть и пытался отрезать себе кусочек...» — вмиг сообразил маг и так же быстро сделал и следующие выводы. Как это «кто-то»? Если никого, кроме Дарочки, на территории его замка никогда не бывало?!

Темные маги не выносят гомона и суеты.

Тьма, какой же он болван! Это же точно, Дарочка тут была! Значит, с вечера обиделась на него за книгу и решила подшутить, а потом проголодалась и пошла в замок!

Он подтянул к себе сыр, легко вытащил нож и снова задумался.

Сто раз тьма! Раз принцессе не удалось отрезать сыру и почему-то упал на пол рябчик, значит, она так и осталась голодной и бродит сейчас по замку в поисках еды! А там у него ловушки, обманки, капканы...

— Дарочка! — взвился под потолок отчаянный крик, и многострадальное кресло сорвалось с места, едва не впечатав своего хозяина в спешно распахнувшиеся створки двери.

— Неизлечимо, — мрачно проворчал магистр, одним движением брови зажигая огонь в печи и ставя на плиту огромную сковороду.

Хотя вкусно поесть он любил даже в самые спокойные времена, но от расстройства у всех темных магов просыпается просто зверский аппетит.

— Изрельс!

Магистр страдальчески поморщился и, не оглядываясь на дверь кухни, с грохотом распахнувшуюся перед хозяином дома, перевернул лопаточкой внушительную отбивную.

Не сходя с кресла, разумеется. Не для того он мучился столько лет, изучая заклинания телекинеза и левитации, чтобы лично стоять у брызжущей раскаленным жиром сковороды. Вторая пара невидимых рук тонко нарезала многострадальный сыр и ломала на куски чуть подогретого в духовке рябчика, еще одна — мешала уже нарезанные овощи с горчичным соусом.

— Она была тут, моя Дарочка! — Кресло Тодгера рухнуло на пол неподалеку от кресла учителя, и маг сразу протянул руку за куском рябчика. — Представляешь, какая умница! Сама сообразила, как пройти защиту! И ничего в лаборатории не разбила и не сломала, даже стулья не перевернула! Только вылила на мой письменный стол банку чернил и написала на стене большими буквами: «Позор рабовладельцам!» Тьма, ты не представляешь, Изрельс, какая она принципиальная!

— И где она сейчас, твоя принципиальная? — перевернув вторую отбивную, едким вопросом вернул ученика на землю магистр.

— Не знаю, — задумался тот. — Как выяснилось, мыслит она очень нестандартно. Пока еще не оправдала ни одного моего предположения. И это замечательно, учитель, ты же сам столько раз говорил, что нет ничего хуже для мага, чем влюбиться в простую, предсказуемую и кроткую женщину. Нельзя нам на таких жениться, слишком долго мы живем, чтобы не впасть через некоторое время в уныние или отчаяние от вида покорного и безропотного личика. Нам нужны женщины самостоятельные и умные, озорные и непокорные. Как твоя Летуана.

— Это да, — кисло согласился магистр и припомнил: — Но я вроде запрещал тебе произносить при мне ее имя?

— Прости, просто я сейчас немного не в себе, — покаялся Тодгер, с тоской глядя на вырвавшуюся из рук и взмывшую к потолку недоеденную ножку рябчика, — и вспомнил не со зла.

— Понимаю, что не со зла, — хмуро проворчал Изрельс, и кость смачно шлепнулась на стол перед бывшим учеником. — И понимаю, что не

в себе. Сейчас пообедаем и будем возвращать тебя в себя.

— Как это? — насторожился Тодгер, но вместо ответа получил слетевшие с полки тарелку и вилку.

— Увидишь, — зловеще буркнул магистр, ставя на стол полное блюдо отбивных, окруженных половинками отварных картофелин, щедро политых маслом и присыпанных зеленью. — Сначала поешь как следует.

* * *

После чаепития чернокожая Туа распахнула ведущую из кухни дверь, и обилие света на миг ослепило принцессу. В просторной прихожей, куда они попали, все было белоснежным. Мрамор пола и колонн, ступени уходящей вверх лестницы и шелк занавесей, обрамляющих высокие окна.

— У! — сообщила Туа и указала на лестницу.

— Угу, — согласилась принцесса и зашагала вслед за учительницей по ступеням.

Как она вскоре убедилась воочию, в этой башне белоснежным было абсолютно все. Кроме нее и Туа.

На втором этаже оказалась гостиная, на третьем и четвертом — удобные спальни с купальнями и балкончиками, полностью закрытыми ажурными решетками. Себе Туа взяла спальню на третьем этаже, а Дарочку отправила на четвертый, очень доходчиво объяснив на пальцах и на белоснежном циферблате огромных напольных часов с выпуклыми цифрами, что отдыхать они будут два часа.

Принцесса с энтузиазмом закивала и бодро потопала в свою комнату, размышляя о том, что жизнь рабыни мага не настолько уж беспросветно черна, как ей показалось сначала.

* * *

— В общем, так, — постановил король, умеющий становиться очень суровым, когда ему перечили. — Готовьте отряд к походу. И как только появится маг — выступайте.

— Куда? — робко заикнулся командир элитных егерей.

— А тебе не все равно, куда? — начал выходить из себя его величество. — Вот куда маг скажет, туда и пойдете. Полагаю, в сторону проклятой пустоши, именно там у нас гнездится все зло. Но пусть он сам

вам подробно объяснит.

— Так, может... — командир егерей в последнее время стал слегка нерешительным, — мы сразу и выступим, чтобы время не терять, а он нас догонит и укажет более точное направление?

— Можете ведь соображать, когда захотите, — похвалил король и оглядел из окна расположившихся на плацу воинов, разбавленных яркими нарядами маркитанток. — А как поставите командный шатер, наше величество приедет с проверкой.

— Но ведь это опасно! — ахнула королева, и король неодобрительно на нее покосился: не хватало еще, чтобы она падала в обморок на военном совете.

Отсюда ее уносить некому, пажа, как лицо сугубо штатское, в кабинет не допустили.

— Я король, дорогая, и это мой долг!

— Ах! — все-таки упала в обморок королева, и советник поторопился растворить дверь, за которой обнаружился предусмотрительный паж.

— Унесите нервную бабу.

Паж привычно подхватил свою госпожу на руки и потащил прочь, и король, с благодарностью глядя ему вслед, подумал, что, пожалуй, пора представить мальчика к награде. Вон какие плечи накачал на такой трудной должности, форменный камзолчик так и лопается.

* * *

— Ну, рассказывай!

— Что рассказывать? — с опаской осведомился маг, поглядывая на блаженно раскинувшегося в кресле учителя, довольно поглаживающего ухоженную бородку.

Никогда ведь не угадаешь загодя, чего от него ждать. Мало кто знает, отчего некоторые маги зовут себя темными, но ему-то, Тодгеру, это отлично известно. Просто их собственные желания, мечты и способы достижения желаемого до последнего мига остаются скрыты мглой неизвестности для них самих.

— Все, — видя сомнения ученика, подбодрил тот. — С самого начала и поподробнее.

— С какого начала? Как я родился?

— Нет. Не нужно мне таких страстей, несварение будет. Про любовь рассказывай. Как ты решил, что любишь именно Дарелетту, а не красавицу

Генриетту и не будущую королеву Анриетту, как за ней ухаживал, как объяснялся в любви? Как сделал предложение, наконец!

— А, это... — Маг расслабился и блаженно вздохнул. — Это было почти два года назад. Примерно на пятый день после того, как я вступил в должность придворного мага. К этому времени я успел получить пятнадцать писем с признаниями в любви и был очень занят расчетами, на которое из них ответить.

— Принцессы тоже писали?

— Ага. Все четыре... тогда я искренне считал, что их именно столько. Ну вот, в тот день пришел главный садовник и сказал — если я срочно не сотворю хороший дождь, то вся ответственность за неналившиеся вишни и горькие огурцы будет лежать на мне. Сам знаешь, темные маги не любят никакой ответственности, поэтому я немедля прочел заклинание.

— А нельзя ближе к теме?

— Так куда же еще ближе? Не успел ливень как следует разгуляться, смотрю — бежит. Она. Платице летнее, тонкое, промокло вмиг... Эх! — Тодгер мечтательно облизнулся. — И тут молния, удар грома! А она — на молнию никакого внимания, грома словно не слышала, зато увидела меня! И сразу ринулась напрямик ко мне! У меня внутри моментально словно факел вспыхнул... в сердце.

— Угу, — едко хмыкнул магистр.

— Я руки расставил — поймать... ну, чтобы не поскользнулась... — утонувший в сладких воспоминаниях маг не замечал ехидного блеска зеленых глаз бывшего наставника, — и схватил... а она и не вырывалась. Такая вся мокрая, гибкая, живая... Сразу размахнулась и толстенной книжицей как врежет прямо в нос. И тут снова молния... у меня в мозгу... и я понял — это и есть любовь.

— А потом?

— Потом дурак садовник вылил на меня ведро замоченного на удобрение навоза... ближе ничего с водой не нашел. Думал, мне недостаточно ливня.

— Я помню этот запах, — задумчиво пробормотал магистр.

— Не можешь ты его помнить, я заклинание очищения кастовал и розовым маслом кожу протер.

— Ну да, я не стал тогда спрашивать, где ты достаешь такие гадкие духи, думал, сам создаешь. Но сейчас мы не об этом. Рассказывай, как ты объявил принцессе, что влюблен?

— А зачем ей мои объявления? — искренне поразился ученик. — Она же сама все видит! Ты не представляешь, какая Дарочка умница!

— Теперь представляю, — загадочно сообщил маг. — Но давай уточним. Выходит, ты за два года ни разу не рассказал принцессе, как ты ее любишь? Как жить без нее не можешь, как видишь каждую ночь во сне бегущей по заросшему белыми розами лугу, как мечтаешь узреть в свадебном венке и шлейфе, чтобы надеть на ее тонкий пальчик свое неснимаемое кольцо, как...

— Нет, — расстроено вздохнул Тодгер, — ничего такого я не говорил. Я просто старался поддержать ее невидимой рукой, когда она скакала на самом горячем коне, привязывал невидимой лианой к качелям, когда Дарочка поспорила с Анриеттой, кто сильнее раскачается, выращивал ей под ногами ромашки и незабудки, когда она гуляла. Да закреплял туманной пеленой зимними ночами ее ставни, чтобы не стучали и не пропускали холодных сквозняков... ну и еще кое-что по мелочи. Но ты же сам заявлял: главное — это не слова человека, а его дела.

— Это правило не для всех без исключения, — веско объявил магистр. — Оно касается только умных людей вроде темных магов. А вот романтичным девицам чем больше сена в уши натолкаешь, тем больше они верят в твою любовь. Вот посмотри, например, на элитных егерей. Три дня пробыли осенью на учениях в городке, не будем называть его вслух, а через два месяца после передислокации роты — в городке... хм, в том самом городке, эпидемия скороспелых свадеб. А еще через семь месяцев там же — эпидемия преждевременных родов. И младенчики все как на подбор красавцы. Меня вызывали проверить, нет ли какого наговора. Так что ты думаешь, егеря эти три дня, какие там пробыли, лютики сажали или ставни чинили? Ничего подобного, они девушкам про любовь «как океан» и про глаза «как звезды» на ушко нашептывали. Вот и получили полный доступ к... сердцу. У девушек все с доверия начинается. А тебе твоя Дарочка небось ни капли не верит, так как ты не пожелал ей объяснить, как сильно ее любишь.

— Откуда мне было все это знать, — возмутился Тодгер, — если я стараюсь запомнить то, что ты мне говоришь, а не всякую болтовню? Да ты и сам, наверное, никогда Летуане ничего подобного не говоришь, потому вы и ссоритесь через день.

— ТАК! — разъяренно рявкнул магистр, с которого все благодушное настроение слетело в один миг. — Я тебя предупреждал, чтобы сегодня ты не поминал при мне это имя? Два раза, между прочим. Теперь пеняй на себя. Я найду твою Дарочку и не стану отправлять в подарок дугрейскому султану за то, что она осмелилась измываться над темным магом. Но и тебе ее не отдам, пока не исполнишь мое условие.

— Какое?.. — еле слышно прошептал побелевшими губами маг.
— А вот сначала разберусь с ней, потом и объявлю, — мстительно сообщил Изрельс. — Я не люблю принимать непродуманных решений!

* * *

Не успела Дарочка умыться, вернее, перебрать и перенюхать все флакончики, плоски с мылом и баночки с кремами, стоящие в белоснежном шкафчике, как в дверь ванной раздался стук.

Наверное, хозяин вернулся и обнаружил, что черные рабыни не варят кашу, а отдыхают, мигом сообразила Дарочка.

Пришлось срочно бросать увлекательное занятие и выходить. Маг показался ей очень недобрым и крайне неуравновешенным, и злить его было опасно, принцесса это чувствовала незнамо каким местом.

К ее радости, пришел к ней вовсе не хозяин.

— Пей! — В руках черной Туа была крошечная серебряная рюмочка на витой длинной ножке, и принцесса немедленно отрицательно замотала головой.

— У-у! — отступая к умывальне, отчаянно мычала Дарелетта.

Вот про то, что девушки не должны брать из рук людей, в коих не уверены окончательно, никаких рюмок и фужеров и пить какие-либо вина или зелья, ей тысячу раз говорили и маг, и няньки, и солидные гувернантки.

Оставшиеся такими важными и порядочными именно оттого, что свято помнили это правило.

— Девочка, — ехидно усмехнулась Туа, — если бы я хотела тебя отравить, то сыпанула бы чего-нибудь в твой крем, пока ты пилила ножом пирожные. Пей быстрее, пока Изрельса нету дома.

Последние слова оказались тем самым паролем, который заставил мозги принцессы сработать в нужном направлении, а ее ручки — цепко схватить рюмку и без раздумий вылить в рот.

«Вода как вода. Ну и зачем нужно было так спешить?» — еще размышляла Дарочка, а Туа уже дернула ее в сторону кресла, толкнула в него и шлепнулась в другое, напротив.

— Рассказывай.

— Мм? — засомневалась в ее умственных способностях принцесса, но кухарка только нетерпеливо прикрикнула:

— Не мычи, а рассказывай! За что Изрельс тебя сюда притащил?

— Кто такой Изрельс? — заинтересовалась принцесса и озадаченно

смоклла, услышав собственную речь.

Как же так, а заклинание? Она же молчать должна! Или это та водичка так действует? Тогда нужно выпросить у служанки флакончик... побольше.

— Изрельс — хозяин этого замка! Темный магистр. Это он назначил меня твоей учительницей.

— А! — поняла Дарочка и заторопилась: — А ты кто? Почему он тобой командует? И как ты сумела снять заклинание? Он же приказал молчать? И дай мне немного этой воды.

— Заклинание я сняла, потому что я тоже магистр — алхимии. — Туа ехидно фыркнула, видимо припомнив что-то свое. — И он мной не командует. Просто я проспорила... — Тут женщина досадливо хмыкнула и сердито уставилась на принцессу. — А ты плохо воспитана, раз вместо того, чтобы ответить на примитивный вопрос, начинаешь задавать кучу встречных.

— Я принцесса, — обиделась Дарочка, — и поэтому никак не могу быть плохо воспитанной! Меня с рождения целый отряд нянек и гувернанток воспитывает.

— Тогда почему ты такая упрямая?

— Это характер такой, в бабушку. Как его ни воспитывай, он все равно проявится — врожденное. — Принцесса решила быть повежливее, наслышана была, кто такие алхимики, а тут еще и целый магистр! — А он меня нагло украл, этот Извергс! У мага. И принес сюда.

— Не может быть, — нахмурилась Туа. — Ты ничего не путаешь?

— Как я могу путать, если сидела на кухне, сыр резала... — неожиданно для себя всхлипнула Дарочка, — фрукты кончились, а Тодгер улетел...

— Кто-о улетел? — угрожающе осведомилась Туа, но Дарочка никогда не была боязливой и как-то не верила, что кухарка может причинить ей зло.

— Маг Тодгер. Ну, это наш придворный маг. Он меня у отца купил... за корону и королевский амулет. И принес в свой замок.

— Когда это было?

— Вчера, — честно глядя в бездонно-черные глаза алхимички, кротко сообщила принцесса. — Под вечер.

— А потом? Ну, что было потом?

— Потом я с ним поругалась, сказала, что он рабовладелец, — несчастно призналась пленница, — а рабыни не могут любить своих хозяев... и он ушел. А я сбежала и спряталась. А он... — она снова всхлипнула, — разгромил все в павильоне... и улетел. И я пошла на кухню...

— Стоп! Дальше я слышала, — решительно остановила ее коллега по наказанию и вынула из кармана еще один флакон. — Пей! — налив в рюмку, протянула принцессе, и та послушно проглотила.

Ну не спорить же с магистрами?

Затем кухарка налила себе, решительно выпила и, вылив остатки на платочек, небрежными росчерками написала на белоснежной стене несколько слов. И вот ведь как странно: платочек был белоснежный, вода тоже как будто обычная, а на стене мигом начали проступать угольно-черные буквы.

Однако прочесть их Дарочка не успела — женщина крепко схватила ее за руку и шваркнула об мраморный пол очередной флакончик.

Он взорвался осколками стекла, сверкнувшими в свете яркой вспышки бриллиантовыми брызгами, Дарочка зажмурилась, живо представив, как ударят во все стороны острые стеклянные иглы, — и расслышала тихий смех:

— Можешь уже открывать глаза!

— У? — недоверчиво протянула принцесса, приоткрывая немного один глаз.

Обнаружила, что больше вокруг нее нет ничего ни белого, ни черного, изумилась и распахнула оба глаза:

— Ух ты!

Мир вокруг резко стал ярок и многоцветен.

А кроме того, из него исчезли прямые линии и углы. Все.

Круглая комната была заставлена круглыми столиками, мягкими даже на первый взгляд диванчиками и креслами обтекаемой формы, немыслимо изогнутыми полками и вазами. И везде валялись сшитые из самых разнообразных тканей яркие подушечки, изображающие огромные овощи, сказочных животных, цветы и сердечки. На столиках стояли вазы со всевозможными сладостями и пирожными, и Дарочка поняла, что она попала именно туда, куда мечтала попасть все детство.

В домик к самой доброй из всех сказочных фей.

И сама она, белокожая и пшеничноволосая, уже полулежала на ближайшем диване в ярко-алом халате, затканном золотыми цветами, серебряными птичками и изящными изумрудными виньетками, и смотрела на Дарочку смутно знакомыми карими глазами.

— Ты кто?

— Попробуй угадать, — язвительно буркнула женщина, внимательно разглядывая принцессу, и ее голос Дарочка узнала сразу.

— Туа!

— Нет. Туа я только тогда, когда этот упрямый осел кастует на меня непроницаемую черноту. А в этом виде, и тем более в собственном доме, я — магистр Летуана. А ты очень хорошенькая, даже странно, что он и в самом деле не отнес тебя в дар султану.

— Сволочь, — вспомнив мага, выдала принцесса вовсе не подобающее ей по статусу словечко.

— Кто?

— Магистр Извергс!

— Не скажи. У султана хорошеньким дурочкам райское житье. Кормят сплошными деликатесами и пирожными, одевают как куколок, ухаживают как за жар-птицами, развлекают, артистов и жонглеров нанимают. И попасть туда далеко не так-то просто.

— Но зато там нужно спать! С этим, с султаном!

— С чего ты взяла? У него двенадцать жен, им самим ласки не хватает, а султан уже немолод. Ему гарем скорее для авторитета нужен, у ханов мода такая, чтобы гарем был больше, чем у соседа. Но тебе это уже не грозит. Раз Изрельс сразу туда не отнес, значит, счел сообразительной. А вот я пока не поняла, почему Тодгер не попросил у твоего отца твоей руки как положено. Или он не хотел жениться?

— Хотел, — безнадежно вздохнула принцесса, усаживаясь напротив хозяйки. — Так и сказал, когда пришел в себя, что женится на мне.

— Откуда пришел?

— Из обморока... или это по-другому называется? Я его географическим атласом по носу ударила.

— Когда?

— Два года назад. Мне атлас привезли, толстенный и с картинками, и я в саду спряталась, чтоб вышивать не заставили. Лежу себе на травке, картинки рассматриваю. Денек ясный был, тепло, хорошо, бабочки... И вдруг гром, молния, потемнело в один миг, и как рванет!.. Целый водопад с неба. Я пока до дворца добежала, нитки сухой нет, платье всю облепило. А он стоит на ступеньках, так довольно ухмыляется и разглядывает меня нагло, как букашку под лупой. Даже из приличия глаз не отвел! И тут молния, гром, я даже оглохла, а он еще шире расплылся. Ну я и обозлилась... прямо ладонь зачесалась пощечину отвесить! Вот бегу к нему, а он руки расставил, схватил и к себе, как свою собственность, прижимает! А я ведь принцесса! А позади него слуги на эту картину смотрят! И управляющий! А этот жук всегда и все его величеству папеньке доносит! Ну и въехала магу по роже со всей силы, даже забыла, что в руке атлас. Он и шлепнулся на ступени, а управляющий с перепугу полил его из

ведра, чтоб очухался. И тут такой смрад пошел... Оказалось, там у садовников какая-то дрянь киснет, для огурцов. Все смеются, а он встал, грязный, запашистый, и говорит, что женится на мне!

— Любовь с первого взгляда, — вздохнула магистр.

— Ну, Летуана! Какая же это любовь, если он мне за два года ни разу не сказал, что любит! Ни одного букетика не принес, ни одного слова нежного! Про что-то более сложное я и не говорю, все время только облапить норовит, как кухарку! Меня уже все сестры дразнят, и фрейлины хихикают! А за Генриеттой принц так ухаживал, что даже служанки навзрыд рыдали! А я ведь ничем не хуже ее!

— Ты лучше ее, — уверенно подтвердила Летуана, — даже не сомневайся. Иначе Тодгер уже давно бы про тебя забыл. Времени, чтобы изучить твой характер и недостатки, у него было предостаточно.

— Спасибо, — вспыхнула от удовольствия Дарочка. — Ты очень добра.

— Ничуть, — твердо помотала головой алхимичка. — Я объективна. Раз Тодгер не заметил других принцесс и фрейлин, следовательно, в своем дворце, а может, и во всем королевстве, ты самая хорошенькая и сообразительная. Но это вовсе не значит, будто ты лучше других принцесс из соседних королевств. Тодгер — очень видный жених, он богат и умен, да и характер у него лучше, чем у многих темных магов. И если ты хочешь выйти за него замуж, тебе придется доказать, что ты любишь его по-настоящему. До сих пор ты этого никак не обнаружила.

— Летуана! — Дарочка отказывалась верить собственным ушам и от возмущения даже все слова перезабыла: — Т-ты чт-то эт-то т-такое говоришь! С к-каких эт-то п-пор девушки д-доказывают, к-как они кого-то люб-бят?

— А, так ты еще и заикаешься! — нахмурилась алхимичка. — Но это я, так и быть, вылечу. А вот насчет того, что девушки не должны доказывать, ты не права! Если супружество подразумевает, что это добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, то почему свою любовь должен доказывать только мужчина? Кстати, Тодгер свою любовь тебе уже почти доказал, только красиво преподнести не сумел, но это недостаток большинства темных магов. Слишком все они реалисты и рационалисты. Хотя Тод очень сообразителен и быстро исправляется. Достаточно намекнуть, и он завалит тебя цветами, подарками и серенадами в исполнении дриад и русалок. А вот тебе придется потрудиться, до сих пор ты изо всех сил успешно делала вид, будто он тебе совершенно безразличен и даже противен.

— Да мне достаточно сказать одно слово, и он будет на седьмом небе от счастья! — вскипела праведным возмущением принцесса.

— Уже нет. Теперь я сама присмотрю, чтобы все было по справедливости.

— Летуана! — потрясенно взывала принцесса. — Я думала, ты за меня!

— Я за справедливость. И за то, чтобы после свадьбы люди не начинали портить друг другу жизнь упреками и претензиями! Ну и, разумеется, я забочусь о Тоде, все-таки он мой младший брат!

— А! — горестно всхлипнула принцесса и вытерла слезы вышитой подушечкой. — Так ты золовка — змеиная головка!

— Пока еще нет. И от тебя зависит, стану я ею или нет.

— Не станешь. Я отказываюсь, мне нипочем ничего не доказать человеку, который относится предвзято. Да тебе самой Святую Элторну приведи, ты и у нее найдешь десяток недостатков! Все, сдаюсь, отправляй меня на кухню к Извергсу... или сразу к султану.

— Ре!

— Дарелетта!

— Ре! Давай разберемся во всем спокойно!

— Спасибо, уже разобрались. Больше не хочу ничего слушать.

— А меня теперь не интересует, — зловеще протянула Летуана, — чего ты хочешь! Меня интересует, чего хочет Тодгер! И еще меня волнует его будущее! Потому что капризная жена может существенно сократить жизнь мага! И он вместо пятисот лет проживет всего триста! А я потом почти двести лет буду жить и мучиться раскаянием, что в свое время не помогла ему избежать ошибки!

— Чего?! — ахнула принцесса и, вцепившись зубами в угол подушечки, замотала головой, мыча, как от боли: — У-у-у...

— Ре?! Ре! Да Дарелетта же! Чего ты воешь?! — Алхимичка некоторое время ошалело смотрела на принцессу, из глаз которой потоком катились слезы, потом спохватилась.

Вскочила с места, метнулась к полкам, раскрыла яркую шкатулку и вернулась к Дарочке с двумя флаконами. Пустым, с широким горлышком и притертой пробкой, и туго завинченным кругленьким, наполненным светящейся серебристым светом жидкостью. Сначала коснулась ее головы именно этим круглым, и едва его цвет сменился на темно-фиолетовый, торопливо поднесла к щекам принцессы пустой флакон.

Она собирала слезинки так скрупулезно, как скряга сметает со стола хлебные крохи: ловила каждую широким горлышком пузырька, плотно прижимая к коже, водила по мокрым щекам, стремясь не потерять ни

мельчайшей капельки. А когда измученная принцесса, заинтригованная этой странной деятельностью, совершенно не похожей на заботу о ней, прекратила наконец плакать, Летуана тщательно вытерла ее щеки крохотным кусочком батиста и спрятала его в отдельную коробочку. А фиал с собранной со щек принцессы влагой накрепко закрыла пробкой и убрала в шкатулку.

— З-зачем ты это сделала? — неприязненно осведомилась Дарочка, напоследок обиженно шмыгнув носом.

— Невероятно ценный ингредиент, — довольно сообщила магистр алхимии. — Слезы принцессы-девственницы!

— Какая ты...

— Рациональная, — твердо пояснила Летуана. — К тому же давно доказано: чем больше сочувствуешь и утешаешь — тем дольше человек ревет. А так — и ты быстрее успокоилась, и я с драгоценным сырьем. Ну и почему ты плакала?

— Неужели непонятно? — снова всхлипнула принцесса, и алхимичка мигом метнулась за новым пузырьком.

А вернувшись, устроилась напротив Дарочки с таким заинтересованным видом, что плакать принцессе разом расхотелось.

— Раньше я не знала... нет, не так... думала, это просто сказки, про пятьсот лет! Люди больше ста пятидесяти не живут! А раз ты говоришь... пятьсот... он будет еще молодой... а я старушка... и вокруг молодые магини... не хочу-у-у!.. — Слезинка снова повисла на ресницах принцессы, и магистр алхимии ловко сняла ее пробиркой.

— Жаль, маловато, — огорченно вздохнула она, заворачивая пробку, при виде того, как мигом высохли от возмущения глаза принцессы. — Выходит, Тодгер не сказал тебе, что маги проводят для своих жен ритуал разделения жизни и те живут столько же? Значит, не был уверен в твоей любви и боялся, что ты выходишь за него замуж из корысти.

— Ну и дурак! — внезапно вспыхнула негодованием принцесса. — Или совсем уж дурочкой меня посчитал! Это же не корысть, а чистая дурость — подписаться на пятьсот лет жизни с нелюбимым мужчиной!

— А! — понимающе хмыкнула Летуана. — Значит, на это ты бы не польстилась. А про то, что жен магов принимают в академию ковена на отделение алхимии, он тоже не говорил?

— Нет! — сначала рявкнула Дарочка, но сразу же спохватилась: — А при чем тут алхимия?

— Ну, это же понятно! Как только человек становится учеником, сразу начинает получать зелье сохранения жизни, и потому алхимики живут

ничуть не меньше магов, даже если не выходят за них замуж. Потому-то алхимиков и больше — все дети магов, у которых нет дара, идут в академию.

— У меня нет способности к алхимии, — вздохнула принцесса. — Ни одна гувернантка не заметила. Никогда я не любила возиться с кремами, пудрами и помадами.

— А гувернантки и не способны такое замечать, — усмехнулась Летуана, задумчиво вертя в пальцах флакончик. — Для алхимии главное чтобы в голове пусто не было.

— Наш советник говорит, что это главное для любой работы, — не согласилась принцесса. — А мне работать не положено.

— Это было раньше! — резко махнула рукой, словно что-то отрубая, Летуана. — Раз Тодгер тебя купил и ты теперь собственность семьи, отныне на тебя больше не распространяются подобные правила.

— Спасибо! — обиженно шмыгнула носом принцесса, но вспомнила про пробирку и мигом подобралась. — Оказывается, на мою бедную голову свалился не один рабовладелец, а целая семья!

— Не благодари, я пока не решила, как с тобой поступить.

— А магистр Извергс отнять меня у тебя не сможет? — засомневалась Дарочка, совершенно не верившая в способность Летуаны выстоять со своими пузырьками против всемогущего мага.

— Про него и думаю! — сердито рыкнула алхимичка. — Вот если бы ты уже получила от братца брачный браслет, можно было бы тебя записать в академию, ученики алхимиков имеют статус неприкосновенности.

— Ну а толку-то, — презрительно скривилась Дарочка. — Если выучишься и сразу этот статус потеряешь!

— С чего ты взяла? Магистры алхимии магам тем более не подчиняются!

— Да? А почему тогда ты сама на кухне Извергса в черном теле кашу варишь, да еще и говорить не имеешь права? — победно уставилась на нее принцесса, довольная, что вывела алхимичку на чистую воду.

— У меня особая история! — огрызнулась Летуана, и настроение у нее сразу испортилось.

Это Дарочка поняла немедля и втайне очень пожалела, что так сглупила. Нужно было еще немного поплакать, глядишь, за ее слезы сестра Тодгера и рассказала бы еще что-нибудь про свою жизнь.

А главное, про свои планы насчет новоявленной семейной рабыни. Зато теперь придется исправлять свою оплошку, а исправлять испорченные отношения всегда труднее, чем не портить с самого начала, это Дарочка

сама изобрела и нашла подтверждение в прочитанных книжках.

— Значит, так... — Магистр алхимии встала с места и начала перебирать разноцветные пузырьки, коробочки и баночки. — Ты — собственность семьи, и отдавать эту собственность я не намерена никому, даже Изверг... тьфу! Изрельсу!

— Летуана... — Принцесса постаралась придать своему голосу ровно столько кротости, сколько требовалось, чтобы упросить отцовского советника принести тайком в ее комнату несколько новых книжек. — А может, не стоит торопиться? Ведь он назначил тебя моей учительницей? Ну и давай ты будешь учить меня варить кашу, а сама потихоньку придумаешь, как поступить?

— Что?! — обернулась та от полки. — Что ты сказала? Впрочем, не повторяй, это у тебя скорее всего неосознанно вылетела здравая мысль, но мне она нравится. Иди за мной!

И она помчалась из комнаты так стремительно, что Дарочке пришлось почти бежать, чтобы не отстать.

Они пересекли светлый зал, уставленный такой же мягкой, округлой и яркой мебелью, и вошли в небольшую комнату, где почетное место занимал ярко-зеленый круглый стол. Вокруг него стояло несколько разноцветных кресел, и хозяйка мимоходом толкнула Дарочку в одно из них:

— Посиди! — А сама занялась непонятным делом: снимала с полок шкафов, стоявших по углам комнаты, шкатулки всех цветов радуги, шарила в них и отставляла в сторону, бурча, что где-то он у нее был...

Мнение принцессы об алхимиках как об очень аккуратных и педантичных существах разваливалось стремительнее, чем песочная крепость на жарком солнце, но она теперь поумнела и никак этого не показывала, очень надеясь, что настроение хозяйки от бесплодных поисков не станет еще хуже.

— А! — Торжествующий вскрик алхимички показал, что она все же отыскала нужный ей предмет, и принцесса уставилась на шкатулку во все глаза, ожидая увидеть какой-нибудь флакон особой формы или в крайнем случае драгоценный амулет.

Однако в руках магини был всего-навсего лист пожелтевшей бумаги, и принцесса разочарованно сморщила носик.

— Значит, твое полное имя — Дарелетта?

— Дарелетта Девианна Дэйларния, — гордо отчеканила принцесса. — Нам по одному имени не положено.

— Отлично, так даже надежнее! — непонятно чему обрадовалась Летуана и заскрипела золотым пером с вечными чернилами, незыблемой

приметой принадлежности к клану магов или алхимиков. — Сего дня, месяца цветения... иди сюда, не бойся!

И едва Дарочка шагнула к ней, крепко схватила за руку, повернула и уколола пером пальчик.

— Ай! — возмущенно дернулась принцесса, но алхимичка уже прижимала ее пальчик к неведомому документу:

— И скреплено собственной кровью и отпечатком пальца!

— Что скреплено? — не поняла Дарочка, сунув в рот больной пальчик, и тут же получила по руке ощутимый шлепок.

— Начинаем обучение! Правило первое. Никогда не совать в рот пальцы, если к ним прикасался незнакомый или чужой предмет. Никогда не совать в рот пальцы, если находишься в чужом доме! Никогда не совать в рот пальцы, если не уверен в их идеальной чистоте! И последнее! Лучше всего отучиться от этой плохой привычки сразу и вообще никогда не совать в рот пальцы. Потому что у алхимиков это правило номер один!

— И много их у вас, таких жутких правил? — подув на пальчик, мрачно осведомилась Дарочка. — И ты мне на вопрос не ответила.

— Правил ровно двенадцать. Основных. И через неделю ты должна будешь знать их наизусть и уметь дать точное пояснение, почему они непреложны! А подписали мы обоюдный договор, по которому я взяла тебя в ученицы. Мне такое право было двенадцать лет назад пожаловано... за особую заслугу. Вот и пригодился указик-то!

— Чего? — ошарашенно вытаращилась на алхимичку принцесса, забыв даже про пальчик. — К-какая т-такая уч-ченица? А м-меня т-ты спросила?

— Дарочка! Не задавай глупых вопросов, а то буду звать тебя дурочкой! А твоим заиканием мы займемся немедленно!

— Да это у вас семейное — кого-нибудь обзывать! — взорвалась в праведном гневе принцесса. — И заикания у меня никогда не было, пока не попала к вам в рабство! А быть алхимичкой я никогда не хотела, это так нудно — стоять у котла и часами мешать вонючие зелья! Я книжки хотела писать, вот!

— Ну точно дурочка, — усмехнулась Летуана. — И о чем ты можешь написать? О жизни, которую знаешь с чужих слов? Сама-то ведь ты еще ни разу не любила и не теряла, не сгорала от страсти и не таяла от поцелуя, не разбивала нос о чужие предательства и не падала в пучину горя! А чужие чувства — они и есть чужие чувства... Вот выучишься на алхимика, попутешествуешь по королевствам, изведаеть сладость любви и горечь измены, заработаешь себе на дворец, обретешь кучу свободного времени,

найдешь верных друзей и постоянных врагов, тогда и сядешь у окна и напишешь об этом роман... если еще будешь этого желать. Идем на кухню, там у нас будет первое практическое занятие.

— Какое занятие?

— Алхимическое, разумеется. До прихода Изв... Тьма! Вот привязалось! В общем, до его прихода ты должна уже приступить к обучению. Не отставай!

Кухня алхимички оказалась еще более светлая, яркая и разноцветная, чем гостиная, хотя Дарочка наивно считала, что это уже невозможно.

У одной стены стояла печь, расписанная такими затейливыми узорами, что хотелось гулять вокруг и рассматривать, рассматривать, рассматривать...

Вдоль остальных стен тянулись разноцветные полки, заставленные всяческой посудой. И большая часть ее была не пустой. Блюда с фруктами и овощами всех видов и цветов, прозрачные банки и кувшины с вареньями, соками и настойками, миски и туески с ягодой, орехами и пряными плодами. С потолка свешивались связки янтарного и фиолетового лука, алого и зеленого перца, белого и синего чеснока. По углам и на лавках стояли корзины и плетенки с морковью и кабачками, томатами и баклажанами, капустой всех разновидностей и совершенно неизвестными Дарочке овощами.

— Иди сюда!

Легкие занавеси на окне цвели диковинными цветами, под ними уютно примостился вместительный овальный стол, и на нем обнаружился полный набор горячо обожаемых принцессой предметов. Чайный сервиз, расписанный разнообразными бабочками, несколько ваз с конфетами, засахаренными орешками и печеньем, сахарницы с кусочками белого и разноцветного сахара и трехъярусное блюдо с пирожными.

— Садись, начнем с самого простого. — Подтолкнув ученицу к стулу, Летуана налила в чашечку перед ней горячей воды из чайника. — Положи сахар и мешай.

Дарочка хотела взять малиновый сахар, но хозяйка ловко подсунула сахарницу с обычным.

— Я же сказала — с самого простого! Помешала? Теперь скажи, что у тебя получилось?

— Сладкая вода, — хмуро буркнула принцесса, начиная подозревать, что алхимичка принимает ее за трехлетнюю глупышку.

— Неверно. У тебя получился пятипроцентный раствор сахара.

— Где? — неверяще разглядывала воду принцесса. — Не вижу!

— Ты сахар в воде растворила?

— Ну да.

— Значит, получился водный раствор сахара. Все кусочки сахара в этой сахарнице — по пять гран, а в чашке воды было около ста гран. Значит, раствор получился пятипроцентный. Поняла?

— А если я положу два куска? — Принцесса сопровождала свои слова действием. — Что получится?

— Снова раствор сахара, но уже десятипроцентный.

— Летуана! — раздался из-под потолка грозный голос темного мага. — Кто тебе позволил уйти из замка?

— Я на время разрываю наш договор, — небрежно отмахнулась алхимичка. — У меня появилось очень важное дело!

— Какое? — Изрельс появился в стоящем у окна кресле и едко уставился на сосредоточенно болтающую ложечкой в чашке принцессу. — Пирожные жевать?

— Нет. — Летуана забрала у Дарочки чашку, поставила вторую и снова налила воду. — А теперь насыпай соль и мешай. В чайной ложечке ровно пять гран. Что получится?

— Раствор, — сообразительно сообщила принцесса, избегая поднимать взгляд на хищное лицо темного мага, — соли. Снова пятипроцентный.

— Молодец. Я в тебе не ошиблась, — важно похвалила Летуана. — Значит, первый вывод: если мы растворяем в какой-либо жидкости какое-либо растворимое вещество, получается раствор.

— А как узнать, — заподозрила подвох принцесса, — какое вещество растворимое?

— Просто заучить список. Сначала — простейших ингредиентов, затем — более сложных.

— Летуана! — начиная свирепеть, рыкнул маг. — Прекрати представление! И немедленно отправляйся на кухню!

— Это ты прекрати тут шуметь, не видишь — у нас урок?

— Какой еще урок? Это моя рабыня, и ты должна учить ее варить кашу!

— Нет, это бывшая рабыня Тодгера, а значит, нашей семьи. И по всем темным законам ты не имел никакого права отбирать у нашего семейства законную добычу, если не желал, конечно, чтобы мы объявили тебе войну! Но теперь ее статус изменился. Я воспользовалась правом, дарованным мне директором алхимической академии, и вписала имя Дарелетты в пожалованный мне указ. Теперь она — моя законная ученица, и на все

время ее обучения расплату по тому спору я прерываю. Таков закон.

— Что?!

В голосе мага появились такие странные интонации, что Дарочка не удержалась и скосила на него глаза, проверить, убивать их он сейчас начнет или заплачет?

Но он не заплакал.

И даже никого не убил и ничего не разбил. Просто прорычал такое замысловатое словосочетание, каких элитные егеря, по утрам бегающие нестройной толпой вокруг дворца, явно не знали. Потому как если бы знали, то обязательно бы выкрикивали, когда в конце пробежки командир собственноручно выливал на каждого ведро колодезной воды.

В этом Дарочка была убеждена. Все, что они кричали, она слышала не по одному разу и давно запомнила наизусть, окна ее любимой башни выходили как раз на тот самый колодец.

«Да и то посудить, — здравомысляще вздохнула бывшая принцесса, — откуда простым егерям взять такие мудреные слова? Они ведь магических академий не кончали». А кто знает, чем тренируют память юные маги, может, как раз такими вот труднопроизносимыми и малопонятными предложениями.

Летуана ответила на этот шедевр словесного искусства очень емко и коротко:

— Вон!

— Пожалеешь! — прошипел маг, махнул рукой и исчез, хотя Дарочка поняла это не сразу.

Просто от взмаха Извергса все разом стало угольно-черным: и стены, и мебель, и даже они с алхимичкой. Может, и он где-то тут притаился, с сомнением оглядывалась Дарочка, пока Летуана, тихо всхлипывая, шарила в совершенно черных ящичках.

— Свинья, — коротко и ясно выругалась она наконец, села на стул и заплакала навзрыд.

— Летуана! — Дарочка оглянулась, поняла, что воды она сейчас найти не сможет, просто обняла учительницу за голову и начала гладить по черным волосам. — Успокойся. Найдешь свое зелье, и снова все будет веселым. А на него можно пожаловаться... есть же у вас, у магов, куда жаловаться?

— Ну, есть, а что толку? — обиженно всхлипнула алхимичка. — Если семейные споры они не решают!

— А при чем тут семья? — не поняла ученица.

— Так ведь муж он мне, гад этот! — зло прорыдала Летуана.

— Что?.. Как?! — Дарочка так и села — чуть не угодила мимо стула, в последний момент спохватилась.

Да и как тут угадать, когда все вокруг черное, как сажа?

— Очень просто, — шмыгнула носом Летуана. — Люблю я его. Потому и вышла замуж.

— А он тебя любит? — недоверчиво прищурилась принцесса, совершенно не так представлявшая себе любовь, и даже пояснила это черным глазам, недоуменно поблескивающим на черном лице: — Ты же сама говорила — стоит намекнуть любящему мужчине, и все будет красиво: серенады, букеты, салюты и нежные слова. Почему же ты не намекнула?!

— Но это действует только на ухажеров, — вытирая слезы, небрежно буркнула алхимичка.

— Как это? — потрясенно уставилась на нее принцесса, и если бы уже не сидела на стуле, то упала бы снова. — Значит, пока ты ему ничего не позволяешь, ни ручку целовать, ни коленку гладить, он на все готов — и на цветы, и на лодку в бассейне? А как только выйдешь замуж и разрешишь целоваться, сколько ему хочется, он больше не будет ничего этого делать? Ни цветы носить, ни салюты палить?

— Ну, так уж устроено, — меланхолично отозвалась Летуана. — Все, когда женятся, перестают дарить букеты и говорить нежные слова. Вот какие слова говорит твой батюшка матушке? А когда-то ради нее победил на трех турнирах!

— Он говорит... — припомнила Дарочка, — «унесите нервную бабу»... Что-о-о?! Летуана! Это значит, и про меня Тодгер будет так говорить? Ну уж нет! Вот как чувствовала я, какой-то подвох с этим замужеством! Сначала на турнирах побеждают и на лодках катают, а потом говорят «нервная баба» и превращают в черных рабынь! И как ты такое терпишь? А показалась мне такой смелой! Нет, мне подобного счастья не нужно! Теперь я знаю, как проверить воздыхателя! И вовсе не букетами, раз все мужчины знают про этот хитрый ход! Нужно тайное испытание... и такое я вполне могу придумать!

— Думай, — мстительно дозволила магиня, стирая злые слезы. — А я тебе помогу. Как учительница. И засчитаю за практику в мелких каверзах и подвохах. Но сначала верну дому прежний вид и поставлю особую защиту. Раз он так... то и я так! Война — значит, война!

С этим воинственным настроением хозяйка пробормотала не менее непроизносимое словосочетание, чем ее рассвирепевший муж, и черная краска на стенах и вещах начала постепенно тускнеть, словно выгорая.

— Как хорошо, — запрыгала от счастья Дарочка, рассмотрев, как проявляются из тьмы разноцветные картинки, занавески, стол и посуда. — А почему ты раньше так не делала?

— Каждый маг, особенно такой слабый, как я, должен беречь свою силу, — наставительно произнесла Летуана, вставая со стула и начиная перебирать ящички. — Где же он был?.. А, вот! Сейчас мы с тобой отправимся в Айгорру, столицу владений темных магов, в салон мадам Трюне. Ничто так не поднимает мне настроение, как ее услуги. Правда, раньше еще был Изрельс... — Магиня несчастно всхлипнула и резко захлопнула дверцу. — Вот оно! Иди сюда, дай руку... вперед!

* * *

— Теперь я понимаю, — расслабленно объявила Дарочка через три часа, наблюдая, как молчаливая черная рабыня мягкой кисточкой полирует ей ногти на ногах, — почему ты сюда пришла! Даже наши королевские банщицы не умеют так мягко разминать спинку. Но вот бочка с синим супом мне не понравилась!

— Ты не права, это очень полезная вещь, синие водоросли Сизайского моря. Они могут съесть человека живьем, если он выпадет за борт судна или свалится с летучего плота и его никто вовремя не спасет. А вот за пять минут успевают всего лишь сжевать на теле лишние волосы и всякие мозоли, потому-то под крышкой есть немного места для головы. Ты ведь не желала бы лишиться своей чудесной прически?

— Летуана, — задумчиво прищурилась Дарочка, — а для мужчин таких салонов не бывает?

— Почему же. Во второй половине этого дома держит мужской салон господин Трюне, муж мадам. А почему ты спросила?

— Я, кажется, изобрела первое наказание для коварных магов, — хищно усмехнулась ученица темной алхимички. — Ты вроде говорила, будто ваша семья богата? Значит, сможешь достать пару бочек такого синенького супчика?

— Очень просто, — сообразительно прищурилась Летуана, — но о тонкостях поговорим в другом месте. Мадам Трюне! Нашу одежду!

— Сию минуту, госпожа магистр! И кстати, если вас интересуют синие водоросли, я могу продать сколько угодно по сходной цене.

— А почему ты так легко делишься такой редкостью, хотела бы я знать? — небрежно осведомилась магиня, словно невзначай помахивая

перед носом мадам Трюне своим душистым батистовым платочком.

— Так ведь они же растут, — хитренько хихикнув, сообщила хозяйка салона, сама не понимая, с чего это так охотно выкладывает посетительницам свой главный секрет. — Хорошо едят, вот и разрастаются, приходится отдавать хозяину бойни по пять медяков за бочку. Он ими кур и уток очищает.

— Вот как, — задумалась Летуана. — А почему тогда он сам их не разведет? Ведь они растут!

— Так ведь в этом и вся соль! — воскликнула мадам и засияла счастливой усмешкой. — Он добавляет простую воду, а они привыкли к соленой!

* * *

— Хотел бы я знать, — буркнул Тодгер, отстраненно наблюдая, как Изрельс создает иссиня-черных доппельгангеров его сестры и ставит их в строй у дальней стенки, — чем тебя так обозлила Ле... хм, твоя жена?

— Узнаешь, — свирепо пообещал Изрельс, отдавая первый приказ шеренге черных женщин, одетых в жгуче-черные строгие платья и белоснежные переднички горничных.

С полчаса Тодгер скушаяще наблюдал, как вся эта толпа синхронно бегают, прыгает, приседает в реверансах и покорно кланяется, трет невидимыми тряпками стены и пол и накрывает на стол. На учителя он не смотрел. Никакого интереса унылое лицо старшего магистра, с каждой минутой делавшееся все более ожесточенным и одновременно несчастным, не представляло.

— Если ты сейчас заставишь их раздеться и отнести тебя в бассейн, — бесстрастно заметил придворный маг, когда шеренга приторно покорных доппелей начала извиваться в танце, смутно похожем на ритуальные пляски хальгарок, — я начну подумывать об усмирителе. Самому тебе, похоже, уже не справиться.

— Ты ничего не понимаешь! — разъяренно прорычал магистр. — Я провожу эксперимент! Чем мы, маги, отличаемся от обычных людей?

— Открой том первый большой магической энциклопедии и прочти. Там этому посвящено сто семьдесят первых страниц. — Тодгер взял со стола бокал и осторожно пригубил вино. — А причинам появления у темных магов приступов немотивированной ярости и способам избавления от них посвящен весь третий том.

— Тодгер! Не зли меня!

— А это мне и не под силу, — невозмутимо сообщил ученик. — Ты уже в том состоянии, когда разозлить тебя сильнее просто невозможно, я тебя за эти годы хорошо изучил.

— Я всегда говорил, что ты готов учить всякие глупости вместо обязательных для темного мага заклинаний! — Разъяренное шипение магистра напомнило ученику свирепые звуки, какие издают при нападении атакующие скальные горгульи.

— Ну так ты выяснил, чем отличаешься от бездарных людей? — сразу вспомнил Тодгер самое лучшее правило, как избежать немедленного и совершенно незаслуженного наказания.

— Всем! — с мрачным превосходством объявил магистр. — Когда от одного из фермеров, продающих мне мясо, сбежала с бродячим фокусником жена, я создал ему ее доппельгангера, и он до сих пор каждый раз горячо благодарит меня при встрече.

— Ну еще бы, — презрительно фыркнул Тодгер. — Если бы ты создал пяток доппелей хальгарок для отряда наемников, они бы бесплатно добыли тебе горгульи слезы. Мы, маги, в этом отношении совершенно иные создания. Кстати, а что ты взял с фермера?

— Ничего, — магистр хитро прищурился, — но он сам таскает мне мясо и гусей за пополнение амулета стабильности. Без него, как сам знаешь, доппели у меня развоплощаются через сутки.

— Понятно, — хмыкнул ученик и скушаяще покосился на исправно отплясывающих двойников Летуаны. — Тогда я пойду, попытаюсь придумать, как найти Дарочку. Вернусь завтра в это время.

— Сидеть! — грозно рыкнул магистр и одним щелчком тонких нервных пальцев убрал доппельгангеров. — Я знаю, где она. Но тебе туда соваться бесполезно... оттуда и меня выгнали.

— Где?! — так и подпрыгнул Тодгер. — Говори же!

— Сначала свяжу тебя «недвижимостью». — Изрельс невозмутимо сопровождал свои слова движениями гибких рук. — Вот так. И не пытайся возмущаться, иначе еще и голоса лишу. Так вот, твоя рабыня — у твоей сестры. Она ее забрала как семейную добычу и приняла в ученицы.

— Но как она ее нашла? — изумился Тодгер и подозрительно уставился на учителя: — Изр! Ты что-то недоговариваешь! Летуана никогда раньше не совалась в мои дела! Без спроса. И никогда бы не забрала мою принцессу!

— Ну да, — мрачно проскрипел маг и нехотя признался: — Сначала я ее забрал. Хотел немножко научить покорности... для твоего же блага,

учти! Ты ведь из-за нее все дела забросил, новые заклинания не учишь, о самосовершенствовании не думаешь!

— О-о-о... — горько простонал Тодгер. — Да какое, к демонам, самосовершенство! А кто, кстати, разрешил Летуане брать ученицу? Ведь она же всегда говорила, что терпеть не может учеников!

— Был у нее указ, давно валялся, я думал, уже потеряла. За особые заслуги от директора академии полученный. Вот его она и активировала. И теперь я не имею никакого права вмешиваться в ее дела. Как ты знаешь, маг или алхимик, которому дозволено взять ученика, обладает полной свободой в выборе методов и неприкосновенностью на все время обучения.

— Что? — Несколько мгновений Тодгер ошеломленно смотрел на мрачно кривящего красивые губы учителя, все сильнее постигая степень свалившегося на него несчастья.

А затем разразился гневной тирадой, в которой не было ничего вразумительного, одни образные выражения. Королевские егеря отдали бы месячное жалованье за каждое, чтобы иметь возможность повторять их по утру командиру у колодца. Тот определенно проникся бы. А вот Изрельс слушал, презрительно ухмыляясь и держа наготове сложенные щепотью пальцы, чтобы немедленно усыпить ученика, если тот попытается выпутаться из «недвижимости».

Однако тот не попытался. Он вдруг смолк, задумчиво оглядел учителя, кухню и едко улыбнулся. Потом хихикнул, раз, другой, а через пяток секунд хохотал так, словно попал в академию на урок первокурсников, когда те пробуют впервые самолично сваренное зелье иллюзии. Через минуту с него спала «недвижимость». Как всем известно, в каждом темном заклинании заложено противодействие, и смех был именно тем ключиком, какой чаще всего использовал Изрельс. Истинный смех, разумеется, и вот это взбесило магистра сильнее всего. Даже тупица не мог бы не понять, что лучший ученик так заливисто хохочет сейчас именно над бывшим учителем, а темный маг тупицей вовсе не был.

Потому и не сумел стерпеть, хотя еще минуту назад был уверен в своей способности держать чувства под контролем! Но теперь просто взорвался фонтаном выражений, за какие егеря не раздумывая отвалили бы по три жалованья, а затем попытался набросить на ученика усиленную связку сразу из трех заклинаний — недвижимости, покорности и молчания, совершенно выпустив в горячке из виду, что сам же когда-то учил Тодгера ставить против нее щиты. Тот и ее кастовал, причем с легкостью и изяществом, за какие несколько лет назад учитель, несомненно, поставил бы ему четверку. Пятерку он никогда не ставил ни одному из учеников,

объяснив однажды Тоду под благодушное настроение, что и сам не знает всего на пять.

Щитом ученик не ограничился, он закрыл себя еще и сферой непроницаемости, мгновением раньше бросив в дальнюю стену горсть выхваченных из кармана шариков хаоса. Изрельс рассмотрел этот жест и даже успел послать вслед подлым снарядам «сжигание», но в том-то и была их особенность — эти шары никогда не летели туда, куда должны были по законам обычной физики. Едва соприкоснувшись с какой-либо поверхностью, шарики отскакивали в самом непредсказуемом направлении, одновременно увеличиваясь в размерах, так действовала на них сила удара.

Прорывав последнее, самое мозголомное проклятие, Изрельс тоже накрыл себя сферой и несколько минут угрюмо наблюдал через ее прозрачные стенки, как подросшие и приобретшие металлический блеск шары размером с пушечное ядро яростно крушат стены его прекрасной белоснежной гостиной, куда он самолично так легкомысленно притащил шурина. Посланный им самим огонь в это время весело дожирал шелковые занавеси с тончайшей вышивкой и мебель из драгоценного снежного дерева, но снимать сферу и попытаться спасти хоть что-нибудь из ценнейшей утвари магистр и не подумал.

Эти шары пробьют его и не заметят, и хотя Изрельс давно поставил себе все семь из существующих видов регенерации, испытывать их на деле не имел никакого желания. Лучше подождать, пока шары достигнут критичной массы и рассыплются прахом, создания хаоса очень нестабильны.

— Счет на восстановление моего жилища я пришлю тебе завтра, — снимая сферу, с ледяной яростью возвестил магистр, когда последний шар исчез в огромной дыре, украшавшей стену. — А сейчас исчезни... иначе я за себя не отвечаю.

— Ответишь, — таким же ледяным тоном отозвался Тодгер, не убирая свою защиту, и учитель только сейчас заметил, как ученик что-то быстро пишет на листке магическим стилем, — за все и сполна, не беспокойся. И за проникновение без разрешения в мой замок, и за похищение моей рабыни, и за выдачу ее без моего согласия и в нарушение всяких законов темного ковена в ученицы своей жене. А также за совершенное в отношении свободного мага насилие и за накладывание на него же заклятий, допустимых лишь в обращении с учениками. Еще за принуждение к перемещению и за прочие, унижающие достоинство темного мага высказывания и действия. Я отправляю послание верховному

магистру и требую разрешения на поединок чести.

Несколько минут Изрельс потрясенно, словно не узнавая, рассматривал бывшего ученика, затем поджал губы и решительно пошагал прочь. Но далеко уйти не успел: веселая трель магического вестника, возвещавшая о прибывшем письме, заставила магистра замереть всего в полушаге от обугленных остатков двери.

Застыл и Тодгер, ему этот звук был знаком ничуть не хуже: только письмам от Летуаны Изрельс позволял звенеть так громко и беззаботно.

— Сюда, — протянул руку маг, и ему на ладонь из лопнувшего вестника выпал чуть косовато скрученный листок бумаги, перевитый зеленой ленточкой и завязанный кокетливым бантиком.

Тодгер заинтересованно следил, как шурин с показной небрежностью развязывает этот бантик и расплетает тесемку, даже не замечая, как все сильнее дрожат от нетерпения его тонкие пальцы.

Лист развернулся с легким шорохом, и по разгромленной комнате сразу поплыли, сменяя друг друга, ароматы малинового варенья, коричных булочек и цветочных духов.

— Милая... — так же неумолимо расплывалось в счастливой ухмылке лицо Изрельса. — Соскучилась!

— Если она предложит перемирие, — поспешил договориться Тодгер, — предложи вернуть Дарелетту!

— Ты пока письмо отправляй, — едко буркнул учитель. — У верховного магистра как раз сейчас прием посетителей и жалоб.

— Изр, ну ты же здравомыслящий маг...

— До сегодняшнего дня я думал, что ты тоже, — рассеянно бормотнул его шурин, углубившись в чтение. — Что такое?

— И что?

— Она с ума сошла?

— Не знаю. Но надеюсь на лучшее. У нас в семье нет сумасшедших.

— Тетушку Меркелину ты, разумеется, забыл?

— Так она же троюродная! И дружит с нами только по праздникам — таким, когда можно приходить в гости без подарков.

— Дядюшка Пертос — тоже дальний родич?

— А он вполне нормален, — начал злиться Тодгер. — И вообще, с чего это ты начал переводить разговор на моих родичей? Не забыл еще, что последние десять лет они и тебе не чужие?

— Пытаюсь докопаться, откуда растут ноги у безумия моей жены.

— Боюсь, это место тебе знакомо намного лучше, чем нам всем! — зло рявкнул бывший ученик, помолчал, вздохнул и тише добавил: — Но

надеюсь, ты не думаешь, будто я имею в виду ее материальное тело? Ведь именно ты своими дурацкими спорами и унижительными условиями пытаешься сделать из Летуаны подобие доппельгангера! И даже не догадываешься, почему тебе противны сами доппели! Ведь они не могут делать милые глупости и придумывать небольшие, но чертовски приятные сюрпризы!

— Такие, какие тебе придумывает твоя рабыня с королевской родословной!

— Дарочка была моей рабыней лишь формально, и то всего лишь до того момента, пока не согласилась бы на свадебный ритуал! И я бы ее уговорил... дня через три... но вы с женой влезли... — В голосе мага против его воли прорвалось горькое отчаяние.

— Ладно, не ной, — внезапно смягчился Изрельс и бросил ему свернутый в трубочку листок. — Лучше прочти, тебя тоже касается.

— Надеюсь, — торопливо разворачивая бумагу задрожавшими пальцами, осведомился Тодгер, не отрывая взгляда от послания, — тут нет ничего такого?..

— Как раз есть, — едко фыркнул темный магистр, размашисто что-то чиркая на именном листе. — Но, к сожалению, касается не одного меня.

И резким взмахом руки отправил куда-то послание.

— Милые... — по мере того как бывший ученик читал, его лицо расплзлось в глуповато-умиленной улыбке, — ну какие затейницы! А я больше всего боялся...

— Что они про нас забудут? — В голосе Изрельса появилось прежнее превосходство.

— Нет, я не про это, — не согласился маг. — Не такие уж мы обыденные и серые, чтобы нас так легко было позабыть. Но вот найти повод к примирению с темными магами очень трудно, мы ведь все слишком самолюбивые, чрезмерно подозрительные и невероятно гордые. И Летуана тоже такая, вся в маму. И если она сумела переступить через себя, значит, ты еще более грязная свинья, чем я думал раньше. Потому что только последний гад может так издеваться над женщиной, которая его искренне любит.

— Ну надо же, как ты заговорил, — вяло съязвил Изрельс. — А ведь я тебя пока еще не простил!

— Если я немного приоткрою завесу над твоей личной жизнью перед родителями, тебя никогда не простит весь наш род... вместе с дядюшкой Петорсом!

— Ты просто пока слишком зеленый и не понимаешь — это игра

такая, — нехотя просветил его бывший наставник. — И Летуана ничего не имела против. Но сейчас разговор вовсе не о том. Как я понимаю, ты согласен на их предложение?

— Я же не белый маг...

— А вот об этих вслух не нужно. Я вызвал парочку должников. Хотя все восстановить уже не удастся, но магия созидания у них, как сам знаешь... Пойдем-ка в кабинет, обговорим детали.

* * *

— А вот и ответ. — Изящная ручка, сверкнув драгоценными камнями, осыпавшими многочисленные кольца и браслеты, ловко поймала выпавший из ниоткуда свиток.

— Ну, что там? — с шелковым шуршанием ринулась к ней кипа оборок, воланов и кружев. — Читай же!

— Тут сначала лично для меня... Наглец, он еще и надеяться смеет! А... вот: «Но мы согласны, и, если у вас есть какие-то пожелания, достаточно намекнуть».

— А разве мы еще не намекнули?

— Ты мало знаешь мужчин. Написать, что мы могли бы встретиться с ними на нейтральной территории для переговоров, — означает практически ничего не сказать. Нужно обозначить круг этой самой территории как можно точнее и отдать выбор им. Мужчины слишком подозрительны, а темные маги подозрительны вдвойне. Дай бумагу и стило! Так, пишем... «Цветочный магазин госпожи Зитийне, кондитерская господина Батрона, ювелирный — Гарбенса, меховая лавка — Лиссони или модный салон мадам Трюне».

— А вдруг они выберут кондитерскую? Или ювелирный?

— Похоже, я зря хвалила твою сообразительность. Что делают девушки в кондитерской? Скромно сидят за столиком и обедают. А в ювелирном и того хуже. Тоже сидят, но только перед зеркалом и смотрят лишь на себя, пока приказчики застегивают на них кольцо и серьги. Изрельс в таких магазинах начинает звереть уже через пять минут. Никогда не поверю, что он сразу же этого не припомнит. А Тодгер не пойдет в цветочный, у него поздновато проснулся основной дар, и родители, желая понемногу приучить к ремеслу алхимика, взяли ему в наставники травника. А тот замучил Тода детальным изучением всех растений нашего мира. Ну а самое главное, почему они должны выбрать нужный нам

вариант: в салоне всем женщинам необходимо раздеваться, а это любимое слово всех мужчин, и темных магов особенно. Все, отправляю. Идем готовиться к встрече.

— Летуана... — спускаясь следом за ней по лестнице на первый этаж, неуверенно позвала принцесса, — мне, конечно, очень не нравится, когда ты называешь меня несообразительной, но я все равно спрошу.

— Стоп! — круто развернулась наставница. — Разъясню один раз, повторять не буду! Несообразительность — это когда человек знает все исходные данные, но не желает сложить их в мозгу и сделать простейший вывод. А если человек желает узнать что-то новое и задает вопросы — это называется живой любознательный ум и, наоборот, приветствуется. Так что ты хотела спросить?

— Как по-твоему, Изверг не убьет мадам Трюне? Ведь он же сразу узнает, кто продал нам салон.

— М-да... — Летуана снова повернулась к ступеням и неторопливо пошла вниз, придерживая подол роскошного бирюзового платья. — Я не подумала о третьем варианте. Когда нетерпеливость опережает желание самому найти ответ — это называется легкомыслие. И тебе как принцессе по рождению совершенно непростительно. Как, по-твоему, поступит Изрельс, узнав, что давно знакомый ему салон мадам Трюне сменил вывеску?

— Ну, раз ты говорила про подозрительность темных магов... — задумалась Дарочка, — значит, он решит, будто она с нами в сговоре.

— Изр подозрителен, но не дурак. И сначала проверит, куда делась Трюне. А когда узнает, что она продала салон темной магессе, забудет про мадам навсегда. Нет такого человека, который смог бы противостоять темному магу, если тому придет в голову какая-нибудь блажь.

— А магессе он ничего не сделает?

— Сначала попытается ее найти. А когда узнает, куда она уехала, сразу поймет, откуда у Сарлезы такие деньги. И больше не будет ее искать. Ни один темный не в силах устоять, когда ему предлагают просто баснословную сделку.

— Как-то жаль, — задумчиво оглядела принцесса салон, чудесным образом преобразившийся за последние два часа, — твоих денег и работы.

— Мне весьма нравится твоя хозяйственность, — покровительственно похвалила ее Летуана. — Больше всего я боялась, как бы Тод не влюбился в ветреную дурочку или мотовку. И потому скажу тебе по секрету: ничего, кроме прибыли, этот салон нам не принесет.

— Ты так надеешься, что они не будут его жечь и крушить?

— Наоборот. Я просто уверена — они все тут разгромят. Потому и посоветовала Сарлезе застраховать покупку на двойную стоимость. А пока я отдаю последние указания, осмотри еще раз стол. Мне кажется, неплохо бы добавить еще цветов, хочется, чтобы от него веяло торжественностью и романтикой.

— Не нужно цветов, — осторожно воспротивилась Дарочка. — Ты же сама недавно сказала, почему Тодгер их не любит. И не смотри так самодовольно — я могу понять, почему кому-то не нравятся цветы, книжки или пирожные. Но так хотелось бы, чтобы и он догадался, как все это люблю я.

— А вот это нам и нужно им показать! — непреклонно поджала губы наставница. — И потому все же добавь цветов. Ведь когда на стол накрывают мужчины, они первым делом ставят на него пыльные амфоры с древним уксусом и бутылки с гномьим самогоном, окрашенным жженым сахаром.

— Тогда я и пирожных еще добавлю.

Дарочка взяла принесенную из кондитерской корзинку и обошла стоящий в глубокой, просторной нише круглый столик, возле которого были расставлены усыпанные подушками кресла и диваны, докладывая в вазы сладостей. Подумала и, опасливо оглянувшись на дверь, за которой скрылась наставница, положила возле одной из чашек небольшой томик своих любимых стихов. Что бы там ни изрекала Летуана, в одном она, несомненно, права. Как ни обидно, но мужчинам действительно нужны намеки, и чем их больше, тем лучше.

А ей так хотелось, чтобы он сам догадался, ну хотя бы не обо всем, но хоть немножко...

Дарочка тайком всхлипнула и поспешила стереть слезинку. Девушки должны быть терпеливыми и настойчивыми, Летуана все время это повторяет.

* * *

— Изрельс! Ну долго ты еще?

— А мы куда-то опаздываем? — не отрывая взгляда от информационного шара, безразлично огрызнулся темный магистр.

— Но ведь ты же сам назначил на пять часов пополудни!

— Просто удивительно, как я просмотрел этот пробел в твоём воспитании! Теперь сам и расхлебываю.

— В моем воспитании нет пробелов, — обиделся Тодгер. — Я сдал экзамены по этикету, когда принял предложение стать королевским магом. Мне никто и никогда ни единого замечания не сделал.

— Кроме Дарелетты, — ударил в самое больное место Изрельс. — Хотя, бесспорно, вести себя в обществе ты умеешь. Но мы сейчас говорим вовсе не о королях и советниках, а о девушках. И, как выясняется, вот тут ты совершенный неуч. Слушай и запоминай: они никогда не являются на свидания вовремя, и я открою тебе самую страшную женскую тайну, если ты спросишь — почему?

— Почему? — недоверчиво буркнул Тод.

— Очень просто. Боятся оказаться первыми. А вдруг мужчина, обнаружив возлюбленную на условленном месте, решит, будто он девушке нравится и она тоже мечтала о встрече, потому и бежала бегом? Вот и сидят, выжидают минутки.

— Но это же глупо!

— Не скажи. Наоборот. Ведь если ты догадаешься, что Дарелетта страстно желала тебя увидеть, то можешь сразу перейти к той части отношений, которая нравится тебе. Начнешь девицу обнимать и все остальное.

— Мне кажется, ты напрочь запутался, Изр. Сначала говоришь — девушка опасается показать свои чувства, а потом заявляешь, будто ей неприятны объятия.

— Не так! Против объятий никто из них ничего не имеет. Как и ребятня — против конфет. Но сначала, точно как дети, девицы желают рассмотреть обертку, полюбоваться ею, пошуршать... и спрятать на память. На будущее, когда конфет уже не будет.

— Что ты имеешь в виду под фантиками? — подозрительно уставился на него бывший ученик.

— Все, сложенное вон в те корзины. Не забудь, твоя — с белыми розами, девушки не брезгают изучением языка цветов и очень настороженно принимают алые букеты.

— А что там еще? — всерьез заинтересовался Тодгер, подступая к корзине.

— Все, что любит твоя бывшая рабыня. Коробки с пирожными, связка новых книг, розовый веер и кольцо из аметистов.

— Но откуда ты про все это узнал? — нахмурился молодой маг.

— Купил сведения у ее камеристки. А ты как думал? Если любишь девушку, то первым делом нужно выяснить, какие вещи или развлечения любит она сама.

— Изрельс! Если ты сейчас скажешь, что влюбился в Дарочку...

— Разве я похож на дурака? Хотя одну несомненную глупость сегодня сделал, когда принял решение помочь тебе ее завоевать. Но не благодарю, для себя стараюсь. Хотя ты бы и сам мог догадаться, заглянув в корзинку, которую я приготовил Летуане. Только не открывай коробку, обтянутую алым шелком, это личное.

— Я уже заглянул, — мрачно сообщил Тодгер, — и начинаю думать, что совершенно не знал собственную сестру.

— Ты ее знал, но не с той стороны. Не смотри так кровожадно, я имею в виду многогранность женской натуры. На иную посмотришь — ну курица и курица. А она за своих цыпляток вмиг в тигрицу превращается. Мы, мужчины, в этом плане более предсказуемы: либо отчаянные, либо осторожные, за редким исключением. Ага... пришло сообщение от нотариуса... темной магессе Сарлезе Дирвез продала свой салон мадам Трюне. Вот теперь мне все понятно, а то я думаю, откуда в столице новый салон взялся? Даже заподозрил было...

— Что заподозрил?

— Теперь не имеет значения. Впрочем, шансов и сразу было маловато, но и не проверить глупо.

— Изр, иногда ты меня пугаешь. Ведь там была куча мест на выбор!

— Но я-то знаю, что именно салон с расслабляющей ванной и массажем лучше всего помогает моей жене сбросить все тревоги и обиды.

— Значит, ты ее все-таки обижаешь! Я так и подумал!

— Не начинай сначала! В этот раз ты обидел ее не меньше моего.

— Я? Да я с ней даже не виделся!

— Ты плохо осведомлен о том, как относятся нормальные женщины к младшим братьям. Особенно если они темные магессы или алхимики! Они просто обожают опекать юных родичей и устраивать их личное счастье. Если бы я заранее рассказал Летуане о твоих сумасбродствах, связанных со своенравной принцессой, она бы уже давно либо высватала ее для тебя, либо выдала замуж за ловкого и пронырливого принца из южного королевства.

— Вот потому-то я никогда никому ничего про Дарочку и не говорил, но позабыл, что мой собственный наставник вполне может замещать в тайной полиции темного ковена целый взвод сыскарей, — горько съязвил Тодгер.

— Ты мне льстишь, но я не против, это так приятно. Продолжай.

— Продолжение тебе не понравится. Как только мне удастся поговорить с Дарочкой и сестрой, я подниму над своим замком

семислойный щит и ни для кого не буду делать исключения.

— Хорошая идея. А если ты еще сумеешь убедить Летуану, чтобы она отдала тебе твою капризную принцессу, я тоже поставлю такой над своими владениями. А теперь вставай и идем, коляску подали.

— Какую еще коляску? — вытаращился Тодгер. — Зачем ты ее нанимал? На ней мы будем добираться в три раза дольше! Может, просто портал откроешь? Или на диванчике полетим?

— Как много я, оказывается, упустил в твоём воспитании! Пойти покаяться главе ковена и попросить продлить срок обучения еще на годик?

— Не пугай, теперь я имею право выбирать учителя, если сам сочту нужным. Но не могу понять, ради чего ты намерен ехать в коляске, когда тут всего три минуты лететь на диване?

— Все просто, и сам мог бы сообразить. Когда ты приезжаешь на коляске, это видят все окружающие, и потом еще не один день подружки твоей женщины будут лить на ее душу бальзам, ахая и закатывая глазки, щебеча о том, как это было красиво и романтично! Родной муж с огромным букетом лично тащил корзину подарков! И этим самым они будут работать на меня, поэтому оплата коляски окупится многократно.

* * *

— Подъехали. Бери в руку чашку и пей понемногу, больше ни для чего открывать рот не разрешаю.

— А...

— Сама с ними разберусь! У тебя никакого опыта!

— Но...

— Не перечь учительнице. Впрочем, позволяю строить Тоду несчастные глазки, но только молча.

— Туа!

— Тсс... они уже близко!

Дарочка посмотрела в сурово нахмурившееся лицо учительницы и огорченно прикусила язык. В том, что и темные маги, и алхимики умеют очень доходчиво наказывать за неповиновение, принцесса успела убедиться. А она абсолютно не терпела никаких наказаний, как, впрочем, и все истинные принцессы.

Звякнул колокольчик над дверями гостиной, и створки тотчас широко распахнулись.

— Добрый день, любимая!

Огромный букет алых роз прошествовал к креслу Летуаны и опустился к ее ногам, а рядом с ним встала не менее огромная корзина, наполненная многоцветными фруктами, коробками и шкатулками, обернутыми в яркую бумагу и перевитыми золотыми ленточками.

— Добрый день, радость моя, разреши преподнести...

Огромный букет белоснежных полураспустившихся цветов и бутонов упал перед Дарелеттой, и принцесса рассмотрела осунувшееся и побледневшее лицо придворного мага, держащего в руках корзину с упакованными в белую атласную бумагу пакетами.

— Тут книги... самые новые... и твои любимые пирожные.

— Поставь на тот столик, — холодно приказала брату Летуана, сделав вид, будто не слышит огорченного сопения сообщницы. — Я потом проверю, какие из этих романов можно читать моей ученице. У нее теперь нет времени на всякие глупости.

— Но Лета! — оскорбленно вскинулся маг. — Она моя невеста! И я ее люблю!

— Да? — Его сестра широко распахнула глаза в притворном изумлении. — А почему тогда Изверг... прости, Изрельс, привел ее мне в качестве своей рабыни и отдал в ученицы кухарки? Ты считаешь, что каждая невеста обязательно должна пройти перед свадьбой через подобные испытания? Видимо, чтобы до глубины души проникнуться любовью жениха и заботливостью будущих родичей!

— Твой муж ее нагло выкрал! — мгновенно вспыхнул Тодгер. — Вы оба постоянно грубо вмешиваетесь в мою жизнь!

— Я и не думала вмешиваться! Даже представления не имела о твоей личной жизни, пока мне не привели чернокожую немую ученицу со строгим наказом кормить только той кашей, какую девочка сумеет сварить сама!

Дарочка горестно шмыгнула носом.

— Что?! — Яростно сверкнув глазами, придворный маг лирского короля резко обернулся к учителю, и на кончиках его пальцев засветился зарождающийся огненный фаербол.

— Подождите! — нахмурился Изрельс и легонько дунул, гася неразгоревшийся огонь. — Мы ведь собрались тут не для того, чтобы ссориться? Давайте поговорим, как воспитанные темные маги.

— Я так и хотела, — с преувеличенным огорчением сообщила Летуана, помолчала и тяжело вздохнула: — Но теперь отчетливо понимаю, насколько это непросто. Думаю, сначала мне нужно успокоиться... где там потерялась прислуга?

Эти слова алхимички сопровождал яростный звон крошечного колокольчика, терзаемого ее нетерпеливыми пальчиками.

— Чего изволите, госпожа Летуана? — словно из-под земли возник красавец-доппельгангер, копия всем известного столичного ловеласа.

— Для нас с ученицей бодрящий раствор уже готов?

— Все, как вы приказали, — услужливо шаркнул доппель обтянутой светлыми бриджами ногой.

— Тогда сначала мы идем принимать процедуры, — решительно поднялась с места Летуана и бесцеремонно потянула за руку Дарелетту. — Да, эти корзины отнесите в наши комнаты. Ну и букеты.

Гордо задрала украшенную затейливой прической и алмазной диадемой голову и лебедем выплыла из гостиной.

Доппель ловко собрал цветы и поспешил к двери, не замечая черных грозовых туч и молний, посверкивающих в глазах магов.

— Прислуга! — свирепо рявкнул Изрельс, хватая колокольчик. — Считаю до трех!

— Чего желаете, господин магистр? — опасливо озираясь, заглянул в комнату немолодой приказчик.

— Какие процедуры заказала госпожа Летуана?

— Очищающие растворы, расслабляющий массаж и омолаживающую ванну, — уверенно перечислил прислужник.

— А для нас? — подозрительно прищурился магистр.

— Извините, но вам госпожа ничего не заказывала. Она сообщила... как бы это поточнее...

— Как есть, так и говори!

— Госпожа пояснила, что какую бы процедуру она для вас ни заказала, именно ту вы и не пожелаете принимать. И вздохнула, мол, бесполезно метать бисер... дальше я, извините, забыл.

— Как же хорошо она тебя изучила! — едко проскрежетал Тодгер и пристально уставился на приказчика: — А процедуры у вас все те же, какие были при мадам Трюне?

— Как можно! — оскорбился приказчик. — Добавились магические пиявки, необратимая смена цвета волос и управление их длиной, исправление недостатков фигуры, голоса и слуха. А также организованы различные развлечения.

— Например? — подозрительно осведомился Изрельс.

— Вместо слуг — только доппельгангеры высшего класса. Причем клиенток обслуживают доппели-мужчины, а клиентов — доппели женского пола.

— Как интересно, — свирепо пробормотал Тодгер и, резко развернувшись, ринулся в ту сторону, куда недавно так важно удалилась его сестра.

— Вам туда нельзя! — бросился было за ним приказчик, но мощный порыв ветра отбросил его к стене, и мимо промчался темный магистр.

За ним несли его бывший ученик.

— Какая умная женщина, — еле слышно вздохнул прислужник, доставая с полки загодя приготовленную бумагу и стило. — Даже страшно становится!

* * *

— ЛЕТА! — Разъяренный рык Изрельса прозвучал с такой силой, что принцессе показалось, будто именно этот рев распахнул настежь дверь в дамскую гардеробную, и от неожиданности она даже взвизгнула.

— Чего ты так кричишь? — ледяным тоном отозвалась Летуана, оборачиваясь от зеркала, перед которым миленькая служаночка-доппель помогала ей раздеться.

— Где... — В голосе ее мужа еще слышалось рычание, но его цепкий взгляд уже успел рассмотреть все детали представшей перед магами картины.

И не нашел в небольшой комнатке, где клиенты обычно раздевались перед процедурами, никаких доппелей мужского рода. Была пара девчонок-служанок, но доппели — не фантомы и мгновенно менять пол и вид не умеют. На губы начавшего понимать свою ошибку магистра непроизвольно выползла кривая виноватая ухмылка:

— Это приказчик... он нам неправильно объяснил.

— Что именно? — оскорбленным тоном осведомилась Летуана и потрясла дежурный колокольчик.

— Прости, Лета, это мы сами не так поняли... — поторопился повиниться ее застывший на пороге брат. — Он сказал... доппели...

Изрельс кисло поморщился — ну вот зачем он лезет объясняться с сестрой вперед наставника? Раз не имеет никакого представления о том, как нужно обращаться с обиженными женщинами, так подождет бы, пока без него разберутся.

— Сейчас узнаем, чего вы там придумали, — строго произнесла Летуана и, словно лишь теперь вспомнив, что одета только в обольстительный пеньюар из ярко-алого полупрозрачного шелка с

множеством кружавчиков, оборочек и завязочек, набросила на плечи черную ажурную шаль.

Впрочем, алхимичка могла бы и не торопиться, все равно на алый шелк смотрел лишь ее собственный муж. Потерявший дар речи Тодгер мечтательно рассматривал не менее соблазнительное одеяние своей бывшей рабыни. Букетики небесно-синих незабудок и чуть лиловых подснежников, вышитые шелком на тончайшем батистовом халатике принцессы, немыслимым образом делали более юным и трогательно-невинным ее порозовевшее от смущения личико. И хотя падавшие на грудь девушки длинные распущенные локоны надежно скрывали все, что мог бы подсмотреть настойчивый мужской взгляд, зато давали необычайный простор горячему воображению.

— Дарелетта! Завернись в шаль, иначе кому-то ночью кошмары сниться начнут.

Строгий голос наставницы словно холодной водой окатил, и вздрогнувшая от внезапности принцесса едва не ответила так, как отвечала замковая охрана, но тут же спохватилась, крепче стиснула зубы и потянулась за шалью.

— Звали, госпожа? — приторно-вежливым голосом осведомился вкатившийся в комнату приказчик.

— Чем таким ты напугал своих гостей? Они принеслись сюда так резво, словно спасались от пожара!

— Помилуйте, госпожа Летуана, как я мог! Нечем тут у нас пугать! Наоборот, рассказывал о новшествах и удобствах, какие завела для удовольствия посетителей новая хозяйка. Но они вдруг побежали сюда, а меня и слушать не стали... ветром, как щенка, отбросили. Я вот жалобу написал — применение магии в общественном месте, создание опасной для жизни обстановки. Я же теперь работать спокойно не могу... вот видите, руки дрожат? За кого меня клиенты примут?

— Продай мне эту жалобу, — печально вздохнула Летуана, — я хорошо заплачу. И иди домой, сегодня тебе и правда нужно отдохнуть. А доппелям прикажи, пусть отведут пригласивших нас магов туда, куда им захочется. Но сначала дай мне ключ от двери, я желаю хоть часок спокойно отдохнуть от этих господ.

— Лета! Я все объясню...

— Вон! Через час я, возможно, найду силы поговорить с вами, а сейчас уходите! Пока у меня тоже руки не затряслись!

— Какая красавица...

— А иначе я бы никогда на ней не женился! — самодовольно усмехнулся темный магистр.

— На ком? — нахмурился Тод.

— На Лете, разумеется! Совсем с ума сошел со своей принцессой?! Хотя она тоже миленькая, но не в моем вкусе. И какая-то пресная...

— А мне показалось, тебе как раз пресные и нравятся! Ты же минуту назад сказал, что женился на Летуане только ради внешности и вопреки ее характеру! Потому теперь и делаешь из нее постоянно черного доппеля!

— Вот, выпей лучше вина и успокойся, я же тебе сказал, все у нас с Летой прекрасно.

— Ты сказал, но я с каждым часом все менее склонен тебе верить! И отойди от стола — не видишь, как празднично он накрыт? А тут книжка... значит, Дарочка лично помогала, это же ее любимые стихи. Темные силы, ну какой же я глупец! Так, значит, они надеялись помириться с нами и сесть отмечать это примирение! А позже можно и процедуры, оттого я и не вижу тут других клиентов!..

— А ты молодец... А ну-ка, идем! — Темный магистр вихрем ринулся прочь.

— Где хозяйка? — минуту спустя допрашивал он красавца-доппеля.

— Нам неизвестно.

— А где приказчик?

— Ушел домой.

— Какие выдал распоряжения?

— Когда клиенты уйдут, запереть дверь и убирать салон.

— А где клиенты?

— Вы — клиент. И господин Тодгер. Еще госпожа Летуана и ее ученица.

— Все, как я и говорил. Лета не хотела вмешивать в семейные дела чужих, — вздохнул Тодгер.

— Госпожа Летуана действительно выкупила на сегодня весь салон? — пристально уставился на доппеля Изрельс.

— Нам ничего не известно, — с честнейшим выражением на смазливой физиономии отчеканил доппель.

— Ну что ты к нему пристал! Сам знаешь, высшие создания могут говорить и выполнять приказы, но думать им не положено.

— А показать, какие процедуры они могут предоставить?
— Все, — скромно сообщил доппель. — Куда желаете?
— Я иду в очищающий бассейн, — решил Тодгер и приказал доппелю:
— Веди в раздевалку. Надоело изображать из себя параноика.
— Зачастую это слово является синонимом слова «мудрый», — едко просветил магистр.
— Не перемудри. Сколько у вас очищающих бассейнов? — остановил маг прислужника вопросом.
— Восемь. Четыре в мужском отделении и четыре в женском. Но там два заняты, — с готовностью доложил красавчик.
— Я бы пошел в женское, — задумчиво сообщил Изрельс.
— Я тоже, — мечтательно вздохнул Тодгер и тотчас насупился: — Но кто-то разозлил Лету, и она заперла дверь.
— Слишком уж она стала... несдержанной!
— Потому что она хоть и одаренный, но все же человек, а не доппель! А у людей обиды понемногу накапливаются, и наступает момент, когда любой пустяк вызывает лавину. Неужели тебе никогда не приходилось оказываться в подобной ситуации? — вспыхнул Тодгер.
— Ладно, — примирительно проворчал Изрельс и направился к двери. — Полежу четверть часа в бассейне, чувствительность кожи после него просто невероятная.
— Еще бы душа у тебя после него обрела такую же чуткость, — обреченно бормотал Тод, следуя за ним, но бывший наставник предпочитал сделать вид, что временно оглох.

* * *

— Одевайся! Быстрее... они уже сели в бассейны.
— А разве мы на них не посмотрим?
— Только через шар. Я замаскировала среди пузырьков с солями и духами пару следящих кристаллов.
— А как мы возьмем букеты и корзинки?
— Никак! Ты же не хочешь, чтобы подозрение тут же упало на нас? А так станут думать, будто и нам не повезло, и не сразу начнут искать, а только после того, как немного остынут.
— Но Летуана! — едва не расплакалась принцесса. — Как ты не понимаешь! Это у тебя сотый или не знаю какой букет, а у меня — первый! Понимаешь? САМЫЙ первый! Он ведь мне до этого даже простой

ромашки не сорвал, хотя они словно нарочно под ноги попадались!

— Ладно, только не рыдай, я и сама такая романтичная. Разрешаю выбрать семь цветков и один пакет с подарком... Но поторопись! Я открываю портал!

* * *

— Изрельс?

— Ну чего тебе еще?

— У тебя вода какого цвета?

— Синяя, она же с особыми водорослями, — пояснил магистр. — Причем водоросли явно свежие... посижу еще минуту и выбираюсь.

— А как именно ты намерен выбираться? — раздался встревоженный голос ученика еще через несколько секунд.

— Откину крышку и вылезу.

— Она заперта на замок, — безнадежно сообщил маг. — А вода почему-то стала не просто синей, а с фиолетовыми разводами.

— Не может быть, сейчас посмотрю. Темные силы... два олуха! Попались, как неоципаные петухи в суп!

— Почему неоципаные? — мрачно пошутил Тодгер. — Щиплет как раз все сильнее.

— Потому что замок на моем баке закрыт стандартным охранным заклинанием, какие продает штатный маг столичной службы безопасности, — любезно сообщила голова темного магистра, торчавшая из небольшой дыры, прорезанной посередине внушительной серебряной крышки. — И если я решусь его вскрыть, следственно-поисковая команда будет тут через пару секунд. У них к этому заклинанию привязан маячок портала. Представляешь, как они будут веселиться, когда рассмотрят наши тела? И можешь не сомневаться, именно об этом будут сегодня вечером говорить во всех кабаках и гостиных. Тебе хочется, чтобы над нами смеялась вся столица?

— Убью...

— С женщинами нельзя так поступать... к сожалению, — ехидно сообщил магистр, спешно перебирая в уме варианты освобождения и не находя среди них ни одного достойного.

— Я не про них, а про тебя! Это ты довел Летуану до такого состояния своими глупыми спорами и играми в горничных! Привык иметь дело только со служанками и продажными девицами, вот тебя Лета и не

устроивала! А я только сейчас сообразил — она ведь раньше всегда веселая была... целыми днями пела и смеялась... ходила в таких смешных разноцветных платьях! А теперь стала совсем другой, скучной и вспыльчивой! И это именно ты ее испортил! Со своим дурацким чисто белым домом и черными слугами!

— Не паникуй, я нашел выход. Не совсем беспроезжий, но и не позорный. Нырять глубже и пробираться к люку, через который меняют раствор. Он открыт, я проверил.

— Так он же узкий!

— А заклинанию расширения я тебя зачем учил? Но не волнуйся, я его уже бросил. Кстати, в моем баке вода теперь тоже фиолетовая...

Однако магистру никто не ответил, и он замер, прислушиваясь. А через несколько томительно долгих мгновений услышал громкий всплеск, словно какой-то силач перевернул большой чан с бельем, следом за ним — шлепанье босых ног и облегченно вздохнул. Кастовал на себя предусмотрительно заготовленное заклинание подводного дыхания и нырнул в фиолетовую глубину бака.

* * *

— Уходим, срочно! — Летуана стремительно набросила цветастый платок на большой шар, внутри которого двигались довольно отчетливые изображения двух темных магов, и сунула сверток в огромную корзину, доверху наполненную разноцветными мешочками, туесками и узелками.

— Но Лета... — взмолилась Дарочка.

— Потом поговорим! Берись за багаж! — Дождалась, пока недовольно поджавшая губы ученица вцепится правой рукой в витую ручку, левой крепко прижимая к груди охапку цветов и перевязанный ленточкой пакет, и швырнула под ноги флакончик с порталом.

Об истинных возможностях брата и мужа она знала намного больше юной принцессы.

* * *

Вывалившись из люка, магистр, как был, весь в густых потеках похожего на черничное варенье настоя, не раздумывая ринулся в освежающий бассейн. В эту пахнущую цветами воду принято было

добавлять алхимические настои из разных трав, призванные приводить клиентов в расслабляющее состояние и возвращать им частицу молодости.

— Молодости не нужно, — рычал Изрельс, торопливо вымывая из своей роскошной гривы проклятые водоросли, — добавьте немного ума!

Барахтавшийся неподалеку Тодгер высунул из воды руку, рассмотрел расцветающие на ней кружевные букетики из васильков и незабудок, яростно скрипнул зубами и невпопад пробормотал:

— Жаль маму...

Его наставник перебрался в бассейн с чистой водой, пристально оглядел свои руки, потом ноги, поочередно поднимая над поверхностью, и неожиданно благодушно поинтересовался:

— У моей любезной тещи проблемы со здоровьем?

— Нет, — мрачно сообщил маг. — С детьми.

— А что с ними не так? — Вытащив руку, Изрельс с загадочной усмешкой любовался проявляющимися на коже фиалками и ирисами, сплетенными в изящный узор. — Кадерн, насколько мне известно, еще год назад получил повышение по службе и теперь главный придворный маг кайсамского хана, ты в своем маленьком королевстве и вовсе единственный магистр. Ну а о Лете и вообще нечего говорить, у нее и муж очень солидный, и сама умница.

— Изр, я знаком с тобой двенадцать лет, дольше, чем твоя жена. Поэтому обмануть меня тебе не удастся. Ты сейчас нарочно представляешься таким спокойным, милым и понимающим, чтобы с моей помощью подобраться к ним поближе. А как только окажешься рядом, так сразу покажешь свое истинное лицо и возьмешь девушек за горло. Я сам темный маг и точно знаю, у всех наших тактика одинакова. И уверен — ни один из темных магов никогда и никому не простит такого издевательства и обиды.

— Невысокого же ты обо мне мнения. Ну а сам как думаешь с ними поступить?

— Про меня разговор особый, — угрюмо усмехнулся Тодгер, — но тебе я ничего объяснять не буду. Отныне нам не по пути.

— А вот об этом мы поговорим спокойно и не здесь.

— Вот именно! — Тодгер выпрыгнул из бассейна, махнул рукой и оказался полностью одет в форменный костюм темных магов.

Даже кисти рук спрятались в щегольских черных перчатках, а лицо скрывала расписанная рунами серебряная маска.

— Тод, погоди...

Не часто магистру приходилось о чем-то просить своих учеников, и

они это очень ценили. А вот придворный маг лирского короля даже не оглянувшись, сделал сложный пасс левой рукой, пробормотал нечто неразборчивое и тотчас исчез в моментально раскрывшемся портале.

* * *

— Где это мы?

— В гостях, — Летуана торопливо развернула шар и присела к столу, — у одного друга. Его имя ничего тебе не скажет...

Алхимичка смолкла, пристально вглядываясь в картинку, расцветшую в шаре.

— Ну... что они там делают? — попыталась заглянуть через ее плечо принцесса, но наставница торопливо прикрыла от нее шар рукой:

— Рановато тебе смотреть такие картинки.

— А когда можно будет?

— Вот выйдешь замуж...

— Ты говоришь точно так же, как ее величество, — пренебрежительно скривила губки ученица. — Ну рассуди сама, и зачем мне тогда нужно будет подглядывать в шар?

— Ладно, иди смотри, они уже в расслабляющий бассейн влезли. И даже не подозревают, голубчики, что я туда вылила ведро закрепляющего зелья.

— Пфф! Ну и на что тут смотреть? У меня каждое утро под окнами взвод королевских гвардейцев в таком виде бежит. В смысле без рубашек. Эту часть тела у мужчин я уже очень хорошо изучила.

— Куда, интересно, смотрели твои гувернантки, когда ты подглядывала за полуголыми мужиками? — ехидно скаламбурила Летуана. — Хотя таких красавчиков ты точно не видела.

— Тод очень миленько смотрится в васильках, — определила принцесса и хихикнула. — Но лицо у него намного злее, чем было в тот раз, когда я отправила всех молодых служанок мыть его покои.

— Неужели Тод не был рад? Служаночки в вашем дворце довольно миленькие, — попыталась поддеть ученицу алхимичка, но ее подколка не удалась.

— Ну да, миленькие. А у него двери были заперты на магический замок.

— В таком случае ему не повезло, через преграду они не прошли, — разочарованно протянула Лета.

— Не прошли, — проказливо усмехнулась ее ученица. — Но послушаться приказа не могли. И каждая подергала за ручку... досталось всем. Кого водой полило, в кого огнем пыхнуло... еще была краска, нюхательный табак, смола и сажа.

— Да ты, выходит, вредина и злючка! — возмутилась Летуана. — А казалась такой доброй девочкой!

— Он тоже казался честным, когда врал, будто служанки ему прохода не дают и по ночам в покои толпами ломаются, — оскорбилась Дарочка. — Вот я у них и спросила, зачем они бедного мага преследуют. А девочки обиделись и сами вызвались проверить, пройдет там хоть одна или нет. Но без распоряжения они не могли — за это строгое наказание. А проверить им хотелось не меньше, чем мне, это я только потом сообразила.

— А додуматься, что Тод таким образом пытался доказать тебе свою ценность как мужчины ты не могла?

— Конечно нет! Да я наоборот — всяких бабников просто терпеть не могу! Я ведь во дворце выросла!

— А при чем тут дворец? — отставив шар, заинтересованно оглянулась Летуана. — Вроде у вас в королевстве довольно строгие правила?

— Сразу видно, во дворце ты никогда не жила, — с превосходством усмехнулась Дарочка, усаживаясь напротив учительницы. — У нас ведь там все время крутятся придворные и столичные франты. А они, как всем известно, чтут себя выше всяких законов. В их компании вообще считается особым шиком каждую луну менять возлюбленную. А брошенные девицы потом обливаются слезами в беседках и в дамских гостиных, жалуясь подружкам. Да и в маменькином будуаре только про это и говорят, мы с сестрами ведь не слепые и не глухие.

— Но ведь за вами должны были следить бонны и гувернантки? — засомневалась наставница, начиная понимать, насколько права Дарелетта и как неверно она представляла себе жизнь принцесс.

— Они и следили. Но ведь они все тоже женщины! И потому тоже постоянно сплетничали обо всех этих романах и изменах. Разумеется, шептались они потихоньку, да и мы никогда нарочно не подслушивали, но просто невозможно ничего не слышать и не замечать. Особенно если принцесс пять и они делятся между собой добытыми сведениями. Когда мне было всего девять, Анриетте уже исполнилось пятнадцать, и за ней начали ухаживать все эти светские ловеласы. Но мы-то уже знали им цену... Теперь ты можешь догадаться и сама, почему у наследницы до сих пор нет жениха.

— Ох, темные силы, — вздохнула в этот момент алхимичка, снова следившая за магами, — они поссорились! Тод заявил, что больше не доверяет Изру, и ушел неизвестно куда.

— Как — ушел? — уставилась в шар Дарочка, но там уже торопливо одевался ее недавний хозяин.

— Все, — решительно набросила на шар платок алхимичка, — больше ничего не увидим. Мало у меня следящих кристаллов, вот во всех комнатах прятать и не стала — боялась, что они начнут крушить наш салон.

— Могла бы у меня спросить, — огорченно пробурчала принцесса. — Я уже характер Тодгера хорошо рассмотрела, он жадный, чужое ломать не станет. Ведь потом платить заставят.

— Все-таки ты злая, — рассердилась Летуана, — и понимаешь все неправильно. Тодгер не жадный, а хозяйственный, думает о будущем семьи. Ему ведь детей кормить и растить, а сундуков с наследством темным магам никто не выдает. У нас принято самим всего достигать.

— Мне тоже теперь никто даже шкатулки не выдаст, — невесело вздохнула принцесса и тихонько всхлипнула. — Меня как козу купили. Где ты видела, чтобы козам приданое давали?

— Козам — не видела, — нахмурилась ее наставница. — А ты — принцесса, тебе положены и сундуки, и шкатулки, и дворец — хоть заваливающий, но с мебелью и перинами. Как это Тод просмотрел... ну ничего, теперь я сама займусь, если, конечно, ты подойдешь нашей семье. Матушка мечтает о милой и покорной невестке, которая умеет готовить любимые блюда мужа.

— Вот ты как раз такая, — опустив глаза, кротко подтвердила Дарочка. — Умная, послушная и хорошо готовишь. Пробовала я те грибочки — объедение. Наверное, свекровь тебя просто обожает, и муж тоже. Держит целыми днями на кухне в черном теле... извращенец.

— А ты еще и ехидная!

— Зато никому не позволю сделать из меня черную рабыню... — Дарочка хотела еще что-то добавить, но в дверь постучали.

Достаточно деликатно, но твердо.

— Входи, — махнув ученице, чтобы села в сторонке, разрешила Летуана.

— Я нашел место, где вас не отыщет никто из темных магов, — уверенно сообщил вошедший блондин с выцветше-голубыми глазами. — Это остров в Южном море, у моего друга там домик и несколько служанок. Вот портал, он приглашал меня в гости, но не обидится, если придете вы. Решайте поскорее, сыщики темного ковена уже получили заказ на вашу

поймку, у меня там есть уши.

— А как мы вернемся с этого острова? — засомневалась Дарочка.

— Как только захотите, все будет зависеть лишь от вашего желания.

— Отправляемся прямо сейчас, — постановила Летуана, упаковывая шар в небольшую походную корзинку. — Открывай портал. А наши сундуки переправишь позже.

— Хорошо, — рисуя в воздухе вставленным в массивный перстень огненным пиропом узкий овал, пообещал хозяин дома, проводил прыгнувших туда девушек взглядом и, пряча кольцо в карман, задумчиво сообщил: — Хотя, как мне кажется, они вам там не понадобятся.

* * *

— ...и первым делом пришлешь мне стряпчего. А затем проверишь все записи нотариусов в банке ценного имущества, мне нужны сведения о покупках магессы Сарлезы Дирвез и моей жены.

Изрельс захлопнул медальон связи, провел рукой над блюдом со своими фаршированными грибами, проверяя на яд и заклинания аппетитное кушанье, и хмуро усмехнулся.

Ни того ни другого в еде не было и в помине. А вот запах от маслянисто поблескивающих румяными бочками шариков исходил просто восхитительный. Удержаться было совершенно невозможно. Изрельс и не стал отказывать себе в таком малом удовольствии. Съел один, затем еще... и еще... а потом, уразумев, с какой заботой готовилось его любимое блюдо, со всей силы врезал кулаком по столешнице. Настроение с каждой секундой становилось все отвратительнее.

Стол выдержал и даже не дрогнул, хотя напоенные магией кольца послушно добавили удару силы. «Надо же, настоящий мореный дуб», — постучал маг по столешнице костяшками пальцев и угрюмо вздохнул. Мебель не виновна, как и Тод. Вообще никто не виновен в произошедшем.

Кроме него самого.

Но как же обидно, просто невероятно досадно, достигнув всего, о чем только мечталось, вдруг обнаружить невосполнимую пропажу. И осознать, что из твоей жизни исчезло нечто неуловимое и неопределимое, но, как оказалось, самое главное и нужное. То, без чего не имеет смысла ни замок в горах, ни роскошный особняк в столице, ни собственный островок в теплом море, куда он собирался осенью увезти Летуану.

«Лета...» — больно дернулась в сердце застрявшая там утром ледяная

заноза, и магистр яростно скрипнул зубами.

Дурак... ох, каким же он был непроходимо упрямым дураком! Ну почему сам не осознал той малости, какую заметил даже его обычно слегка рассеянный ученик?! Отчего все свое время и силы отдавал устройству удобных и роскошных дворцов и домов, но совершенно не занимался значительно более важным — защитой того восхитительного, ни с чем не сравнимого тепла, какое согревало его душу при одной лишь мысли о жене?

Нет, пока он еще никуда не исчез, светлый огонек его счастья, слава всем высшим силам! Однако злой лед глупых обид, недомолвок и недоверия, нарастающий стремительно, словно изморозь на стеклах в суровый мороз, безжалостно и неумолимо пытается его задавить.

И все сильнее смертельной хваткой сжимает сердце жуткое предчувствие страшного момента, когда свирепая стужа вытеснит драгоценное, но такое ранимое и беззащитное тепло. А отчетливое осознание безвозвратности грядущей потери пробуждает дикое желание завывать по-звериному.

«Лета, Лета! Что же я наделал... что мы наделали! Ну почему ты мне всегда потакала, отчего не остановила, ничего не объяснила?»

Тонко звякнул медальон связи, и магистр мгновенно щелкнул застежкой, открывая крохотное, как зеркальце кокетки, оконце.

— Сарлеза Дирвез купила салон у мадам Трюне сразу после обеда и застраховала на огромную сумму. А через час уступила салон вашей жене с немедленным вступлением в права и наследованием всех договоренностей.

* * *

— По-моему, — озадаченно произнесла Дарочка, обведя взглядом окружающий их редкий лес деревянных колонн, держащих высоко поднятый свод помещения, — он немного поскромничал, называя это домиком.

— А по-моему, — хмуро отозвалась Летуана, успевшая рассмотреть и еще некоторые, более странные детали, — он немного ошибся в направлении... лиг на пятьсот. Но сначала нужно осмотреть дом и остров, точнее я пока ничего сказать не могу.

— Вай! Какой красавис! — Пухлая усатая личность, одетая в спускающуюся ниже колен полосатую рубаху и парчовые туфли с загнутыми носами, умиленно рассматривала принцессу с наставницей,

сложив ручки на круглом брюшке. — Идите за мной, самый лучший шатер получить.

— Нам и в этом зале неплохо, — сквозь зубы процедила Летуана и повернула в другую сторону. — Дарелетта! За мной.

Дарочка послушно шагнула к учительнице, оставаться с этим подозрительным типом казалось ей по меньшей мере неприличным и неблагоразумным. Да и все сильнее верилось в могущество алхимии, с помощью которой Летуана легко освободила их из-под власти собственного мужа.

Несколько шагов они сделали в полной тишине. Толстяк даже не подумал остановить или преследовать незнакомок. И никого на помощь не позвал.

И эта его невозмутимость напугала Дарелетту сильнее, чем сердитое сопение куда-то бегущей алхимички. Ведь так беспечно ведут себя только коты, абсолютно уверенные, что пойманная ими мышка никуда не сбежит. Ну просто некуда ей бежать.

Темные колонны, покрытые замысловатой резьбой и потрескавшимся лаком, расступались, как деревья в парке, куда принцесс вывозили на прогулку.

И уже виднелась впереди такая же темная деревянная стена с узкими и высокими сводчатыми окошками, когда Летуана вдруг сбавила шаг и тихонько прошипела сквозь зубы одно из словечек, какими осыпали по утрам своего командира brave королевские егеря.

Дарочка хотела было предложить наставнице не стесняться и говорить во весь голос, все равно она уже знает это ругательство. Но тут Лета круто свернула в сторону, и Дарочка начала понимать, отчего она так рассвирепела. Окна были закрыты необычайно тонкими ажурными решетками, в точности совпадающими рисунком с переплетами рам, поделенных на небольшие квадратики. И пролезть сквозь такое отверстие не смог бы и годовалый ребенок.

А еще под окнами стояли низкие широкие лежанки, обитые бархатом и засыпанные кучами подушечек и ковриков, а кое-где между решетками и колоннами были натянуты веревки, и на них висели занавеси из темного полосатого полотна, отгораживающие небольшие комнатушки.

— Тут служанки спят и повара, — так же коверкая язык, доброжелательно сообщил толстяк, выныривая из-за ближайшей колонны. — А для вас, красавицы, у меня приготовлено намного более удобное местечко.

— Мы лучше прогуляемся, — с неприязнью поглядывая на местного

домоправителя, решила Летуана.

— Я покажу, выход в другой стороне, — безмятежно развернулся он и важно пошагал мимо одинаковых колонн, находя между ними путь по каким-то своим собственным приметам.

— Потом вот сюда приходите, — скользя мимо комнаток, стенами которых были гобелены и бархатные ковры, мимоходом сообщил странный туземец. — Тут шатры свободные есть и бассейн недалеко. Выход тоже рядом.

— Спасибо, — едко обронила алхимичка и ринулась мимо него к светлеющему проему распахнутой двери.

Дарочка, не отставая, мчалась следом. Оставаться в доме, о предназначении которого она с каждой секундой догадывалась все отчетливее, принцесса не желала. Ей вообще все сильнее хотелось сесть и поплакать, особенно когда вспоминались несчастные глаза Тодгера и огромный букет роз. Корзинка, полная свертков, тоже мелькала в памяти, но теперь они интересовали Дарочку далеко не так живо, как прежде. Теперь принцессу больше волновали умения придворного мага, бывшие, как она начинала подозревать, намного мощнее, чем нужно для устройства фейерверков и охранных щитов на дверях в сокровищницу.

И вот эти умения, как становилось понятно принцессе, очень не помешали бы сейчас Дарелетте с наставницей.

Но тут же всплыло замечание Летуаны о куда-то убежавшем Тоде, возникла перед глазами гневно нахмуренная физиономия вишневоволового Изверга, и всякая надежда на помощь магов начала таять, как снежинка на горячей ладони.

* * *

— Пиши — платим двойную цену! — диктовал его величество, разгуливая по комнате в фиолетовом шлафроке и мягких туфлях. — И пусть поторопятся!

Помолчал и буркнул для себя:

— Долго я этого не вынесу!

Да и как вынести, если трапезы не приносят более того удовольствия, каковое доставляли всегда?

Вот уже три дня, как все обеды, ужины и вторые завтраки превратились в настоящие битвы с собственными дочерьми! Слава богам, на первый завтрак и полдник, каковые его величество привык вкушать в

тиши своего кабинета, пока никто не покушается!

— Возможно, вашему величеству поможет развеяться охота?

— А может, мне лучше тебя туда отправить? — Когда король бывал сильно расстроен, в нем неизменно просыпался дух противоречия. — Или лучше в столицу к темным магам? Сразу и решишь все вопросы — и где наша дочь, и где наш придворный маг, и почему не появляются затребованные нами сыщики. А попутно прикажи принести полдник.

— Но ведь вы пьете чай в пять часов!

— Я пью чай тогда, когда захочу, и отныне это новое правило! — окончательно разозлился король. — Иди! И не забудь приказать, чтобы к чаю подали побольше закусок. Боюсь, к ужину у меня разыграется мигрень, день сегодня выдался трудный.

* * *

— Я заплачу вам двойную цену! — свирепо рыкнул Изрельс, и сыщики опасливо попятились. — Переверните в Темной долине все гостиницы и постоялые дворы, но найдите след... вот амулеты, настроенные на обеих девушек. И учтите! Если вам посчастливится их найти, хватать или ловить никого не нужно! И даже на глаза показываться не вздумайте! Просто тут же отправьте мне вестника. Кстати, пришлите сюда того сыщика, который нашел моего ученика. Я лично дам ему инструкции.

* * *

— Как красиво... — потрясенно охнула принцесса, выходя вслед за наставницей на широкую террасу.

Прямо перед ними широко раскинулась синь моря, плавно переходящая где-то вдали в синь неба; сбегало вниз, к золотому пляжу, не менее сотни широких ступеней из белого камня, окаймленных с обеих сторон пышно цветущими кустами.

— А это еще кто такие? — кто-то лениво процедил неподалеку явно женским голосом, и Дарочка резко повернулась.

Вся терраса была устелена коврами, и на них стояли тонконогие балдахины. Сверху они были покрыты белоснежными войлочными кошами, а по бокам — занавешены тончайшими шелковыми и кисейными

занавесями. Под каждым балдахином валялись бархатные тюфячки и цветастые подушки и стояли небольшие столики с фруктами и напитками.

И везде лежали, сидели и что-то изнеженно грызли яркие, как цветы, девушки. И все они сейчас рассматривали Летуану с ученицей.

Кто-то лениво, кто-то с интересом, а некоторые даже с откровенной неприязнью.

— Добрый день, красавицы, — широко улыбнулась им принцесса и направилась к ближайшему навесу. — Как прелестно вы одеты!

Правильнее было бы сказать «раздеты», но Дарочка не зря прожила всю свою жизнь во дворце в окружении сестер, гувернанток, камеристок, служанок и фрейлин. И теперь она точно знала, как важно с первых слов показать старожилкам свое дружелюбие.

— Мы-то красавицы, и день у нас добрый, — едко и далеко не доброжелательно усмехнулась жгучая брюнетка, — а вот вы кто такие? И откуда тут взялись?

— Из Айгорры, — несчастно пробормотала Дарочка и внезапно горько всхлипнула: — Но мы сюда не хотели... это один друг... поживите, говорит, на острове... отдохните...

Девушки сочувственно завздохали.

— Темные маги — они такие, подлые. Рассердятся за какой-нибудь пустяк и сразу то в овечку, то продавать, — поддакнула одна из прелестниц.

— Но этот не сердился... он нам другом был... — еще сильнее пригорюнилась принцесса, не обращая внимания на возмущенное сопение Летуаны.

И когда наставница незаметно дернула ее за подол, призывая к молчанию, девушка, изловчившись, так же незаметно отпихнула алхимичку локтем.

Это ей казалось, что незаметно, внимательные прелестницы кое-что углядели.

— А твоя подруга какая-то злая...

— Какая она мне подруга! — искренне возмутилась Дарочка. — Она моя учительница! И еще будущая золовка... если нам, конечно, удастся отсюда уйти. А вас всех тоже насильно привезли? И где ваш муж?

— Хан? Он нам не муж, — почему-то вовсе не огорченно сообщила одна из красавиц. — Мы заложницы.

— Час от часу не легче, — выдохнула Летуана, шагнула под навес и, бесцеремонно усевшись на подушку, махнула ученице: — Чего стоишь? Садись. Пора придумывать... как я буду его убивать.

— Кого, хана? — опасливо осведомилась Дарочка, устроившись с

другой стороны от столика.

Ей уже давно хотелось есть, парочка тайком умыкнутых грибочков, над которыми Летуана колдовала почти два часа, только раздражила аппетит.

— Да при чем тут хан! Убью я... впрочем, никаких имен тебе знать не обязательно, — злобно, как рассвирепевшая рысь, прошипела Летуана. — Мне соучастницы в этом деле не нужны!

— Понятно, — вздохнула принцесса, хотя на самом деле не особенно понимала, как можно убить того гада, который их сюда отправил. Ведь он же остался где-то далеко! Но ведь глупо спорить с обозленной алхимичкой. — А можно мне взять грушу?

— Бери все, чего хочется, — великодушно разрешила черноволосая прелестница в ответ на кроткий вопрос Дарочки, и принцесса немедленно воспользовалась этим разрешением.

— А почему вы заложницы, а не наложницы? — задумчиво поинтересовалась она, откусив первый кусочек, и приготовилась слушать прелестниц, но ей неожиданно ответила Летуана:

— Кайсамский хан Бейдизар уже давно собрал в своем дворце всех разрешенных ему по положению жен и наложниц. Но остановиться никак не может, такова уж мужская натура. Хотя он уже немолод, и большая часть из сотен живущих во дворце женщин так никогда и не увидела его без халата.

— Без шаровар, — хладнокровно уточнила брюнетка и лениво бросила в рот виноградинку. — Но мы — совсем другое дело.

— Разумеется, — едко фыркнула Летуана. — Ведь к вам приводят всех важных гостей Бейдизара, и если они остаются довольны приемом, то одна из вас получает разрешение покинуть это место.

— Немного не так, — заспорила подошедшая от соседнего навеса блондинка. — Нам выписывают премию, и, когда она будет достаточной, чтобы оплатить долги отдавшего нас в залог, мы можем уйти. А можем и остаться, чтобы накопить на старость. Ведь возвращаться домой никто не хочет.

— Какой ужас! — уронила вмиг забытую грушу Дарочка. — И вы так спокойно об этом говорите?! Но какой негодяй вас вообще сюда сдает?

— Эти подлецы — их собственные отцы и братья или даже возлюбленные, — невозмутимо просветила ученицу Летуана, перебиравшая свои флакончики. — Сначала проиграются или прогорят на неудачной сделке, а потом ищут, как бы расплатиться, не теряя ни дома, ни лавки. Ну и первым делом приходит на ум сестра или подросток дочка. И

если не находится жениха, готового отдать за нее достаточный калым, ведут бедняжку одному из сановников хана.

Последние слова она почти прорычала, и Дарочка заподозрила, что не совсем верно поняла, кого именно собирается убить Летуана.

— Это мы сейчас так спокойно об этом говорим, — невесело усмехнулась рыженькая заложница. — Привыкли уже. Кормят, поят, одевают и развлекают. А вот сначала все рыдают и бегут к морю топиться.

— К морю и я бы пошла, — мечтательно облизнулась Дарочка, глядя на кружево прибоя, лижущего золотой песок.

— Оно мелкое и очень соленое, — вздохнул кто-то из заложниц. — Утонуть не сумеешь, а волосы от соли потом будут жесткие, как солома.

— Но я не топиться, а купаться.

— Вон там, слева, бассейн, иди купайся сколько хочешь. Там и переоденешься — в своих нижних юбках ты тут очень скоро изжаришься живьем.

— Сначала выпей глоток вот этого, — остановила ученицу Летуана, сосредоточенно капавшая в бокал какое-то из своих зелий. — Если не хочешь, конечно, развлекать гостей Бейдизара.

— Не имею никакого желания никого развлекать, — твердо объявила принцесса и глотнула предложенного снадобья, а только потом догадалась спросить: — И как оно действует?

— Ты превратишься в жабу, — совершенно серьезно сообщила Летуана, строго посмотрела на ученицу и назидательно добавила: — Я пошутила. Но ты получаешь двойку за этот урок. Второе святое правило алхимика — никогда не пробовать незнакомые или лично не проверенные на подопытных зелья.

— Но ты моя учительница! — мгновенно нашлась возмущенная принцесса. — И тебе я должна доверять! А кроме того, мне кто-то обещал список важнейших правил, но так и не дал!

— Ладно, исправлю двойку на тройку, — хладнокровно согласилась Лета, отхлебнула из бокала и насмешливо оглядела заложниц: — А вам, так и быть, поясню. Это зелье невидимости. Через десять минут мы станем невидимыми и неосязаемыми, и все, что надето на нас, — тоже. Кто хочет на часок почувствовать себя свободной — может отхлебнуть глоточек, тут всем хватит.

— А нас потом за это не отправят под плетки?

— Я обещаю вам защиту. Ваши продавцы действовали против закона. Большинство из вас не похожи на подданных хана, значит, некоторые расплачивались пленниками или похищенными девушками,

предварительно удочерив их. Потому вы и сидите на необитаемом острове, иначе те, кто ищет пропавших, уже нашли бы этот домик. И я собираюсь им всем отомстить — так, чтобы никому неповадно было.

— Я выпью, пожалуй, — оглянувшись на ласковые волны, вздохнула рыженькая. — Меня уже пороли, потерплю, если что.

И торопливо, чтобы не передумать, отхлебнула из протянутого ей бокала.

* * *

— А тут она открыла портал... самонаводящийся. Откуда у девушки, не имеющей достаточного магического дара, могут быть такие мощные штучки, не подскажешь?

Сыщик бережно спрятал в футляр поисковый амулет и требовательно уставился на заказчика.

— Угадай сам откуда, если у нее два брата и муж — темные магистры, — мрачно буркнул Изрельс, вовсе не желавший признаваться, что это он сам когда-то в припадке щедрости подарил жене несколько таких одноразовых переходов.

Хотя сейчас он готов был подарить ей в сто раз больше, в тысячу... лишь бы она вернулась. И желательно целой и невредимой. Как выяснилось, он почти совсем не знал собственную жену и ни малейшего представления не имел, на какие отчаянные поступки она способна, когда иссякнут последние капли терпения.

Но даже в таком состоянии его любимая оказалась не в силах причинить настоящей боли или истинного унижения ни ему самому, ни Тоду. Покрывавшие лицо и руки магистра изящные ирисы, которые он и не думал прятать, явно заинтересовали сыщиков, и хотя виду они не подали, зато весьма внимательно, пусть и исподтишка, рассмотрели необычайное украшение.

Теперь Изрельс был совершенно уверен — недалек тот день, когда все центральные площади и улицы Айгорры заполонят толпы темных магов и магинь с разнообразным орнаментом на лицах. И подстегнет их не только внушительная цена и способ нанесения рисунка на кожу, а еще и невозможность сделать это самим или где-либо в другом месте.

Едва в салоне появился стряпчий, Изрельс первым делом оформил патент на украшавший его кожу рисунок и заставил доппелей вывесить объявление о новой услуге.

— Портал довольно мощный и был направлен на юг, поэтому выход может оказаться в любой точке на довольно обширной местности, — объявил сыщик то, о чем Изрельс и сам знал ничуть не хуже. — Но мы постараемся все проверить в течение ближайших двух дней.

— Поторопитесь, — тихо, но веско буркнул магистр и поставил на стол шкатулочку с заряженными кристаллами. — Если не будет хватать магии — пользуйтесь, не экономя.

Разумеется, это было намного более оговоренной за работу суммы, и он знал, что уже не увидит ни одного камня из этой шкатулки, но не жалел ни капли. Почти физическая боль, сдавливающая грудь, заставляла замирать сердце от нехороших предчувствий и плавила душу запоздалыми раскаяниями.

Ну вот почему даже самым сильным магам не дано хоть ненадолго повернуть время вспять! Всего на пару часов... и все было бы совершенно по-другому.

* * *

— Какая добыча!

Из прорезей черной кожаной маски на пленника насмешливо взирали карие глаза.

— Отпусти, — пробормотал тот, стараясь не смотреть вниз.

— Ты уверен? — задумался сидевший в мягком кресле маг в черном костюме и перчатках и покосился на бушующий под ними поток.

— На тропу отпусти, — поторопился уточнить сыщик.

— Но ведь ты так долго за мной следил, — снова засомневался маг, поймавший шпиона воздушной петлей, и поднял добычу на уровень своих глаз. — Должен же я узнать зачем? Или по чьему приказу?

Тодгер откинулся на спинку зависшего над стремниной кресла и ожидающе уставился на сыщика.

— Один... человек... — замялся тот, отлично понимая, насколько невыигрышно его положение, — просил присмотреть... помочь в случае надобности.

— Какой добрый человек, — саркастически заметил маг и создал второе кресло, в которое втиснул своего облегченно вздохнувшего пленника. — А разве он тебя не предупредил, что я темный магистр? И не терплю никакой слежки?

— Он сделал заказ гильдии, — понемногу сдавал заказчика

сыскарь. — Отказаться было невозможно, у него же семь черных камней!

— Вот как. Знаю я одного такого, — едко прищурился Тодгер. — В таком случае я тебя забираю, но сначала надень мой амулет и поклянись. Не люблю, когда спутники устраивают мне ловушки.

— А куда мы пойдем? — осторожно осведомился сыщик, догадываясь, что улизнуть ему не удастся.

— Куда мне нужно, туда и пойдем, — доставая из кармана амулет верности, отрезал маг. — Нагни голову, я сам надену.

* * *

— Пощадите, господин! — Распростертый на полу толстяк старался как можно незаметнее отползти подальше от разгневанного гостя. — Мне неизвестно, куда они ушли...

— Не зли меня, Обай-баба! — грозно рыкнул маг и мановением пальца приклеил незадачливого стража к полу. — Куда могут уйти на этом крохотном островке три десятка девушек? К морю, в бассейн или в сад, больше некуда.

— Простите, господин, я три раза проверил и дом, и сад, и бассейн! А море тут мелкое на тысячу локтей, каждую рыбку видно со ступеней. А они не рыбы, разве я осмелился бы послать тревожное послание, если бы знал хоть щелку, куда могут спрятаться мои красавицы! Все тридцать две исчезли разом. Лежали на веранде, щебетали как птички...

— И улетели! — язвительно закончил за стража маг и встал с подушки. — Я сам их найду, раз ты даже считать не умеешь! По всем документам их ровно тридцать!

— Да-да, ваше темнейшество, так и было до сегодняшнего полудня! А потом пришли две девы... одна постарше, пышная роза райского сада, вторая юна, но не подросток, а бутон в алмазной росе, и обе такие строптивые... я сразу понял, скоро у нас будут важные гости... возможно, даже принц Угдиссир... он любит непокорных.

«Потому как скотина блудливая», — мысленно подытожил его пояснения маг, начиная плести поисковую сеть и попутно отпуская стража. Все равно от него никакой пользы, так пусть хоть на кухне распорядится, чтобы сделали холодного лимонада. Здесь и так жарко, а в черной мантии мага и вообще было бы невыносимо, если бы он не кастовал легкое заклинание сквознячка. Но теперь от него придется отказаться, поисковую сеть нужно чувствовать, да и энергию она просто жрет.

Девушки нашлись очень быстро, маг даже самодовольно усмехнулся, почувствовав прикосновение сети к кучке теплых огоньков, сгрудившихся совсем неподалеку, в одном из шатров. Оставалось только ткнуть в эту толпу носом незадачливого стража и придумать ему наказание. Такое, чтобы надолго запомнил, как опасно отрывать от дел занятых темных магов.

Но прежде чем туда идти, гость убрал сеть и налил себе полный бокал лимонада, не забыв провести над ним амулетом от ядов. Нет, он не думал, будто кто-то из местных прелестниц решится его отравить, да и где им взять яд, если перед отправкой сюда всех тщательно проверяют и все отбирают? А по морскому мелководью не сможет подойти незаметно не только корабль, но и простая лодка.

Проверил просто по привычке, спрятал амулет и, поднеся бокал к лицу, принялся неспешно и с удовольствием отпивать холодный напиток, попутно обдумывая неожиданно возникшую идею остаться здесь на часок-другой. Посмотреть на танцы невольниц, выпить несколько бокалов легкого сладкого вина... просто чтобы расслабиться, декада выдалась неимоверно суетливая.

Ну а потом...

Маг сладко потянулся, представляя, какие шалости он позволит себе в тот момент, когда на небе зажжется первая звезда, и вдруг услышал тихую, загадочно прекрасную музыку. Она, словно солнечный дождь, лилась на него сверху, ветерком налетала с моря, томным туманом выползала из дверей летнего дворца.

А вслед за музыкой появился аромат — роз и полыни, фиалок и лавандового масла. И легкий, словно крадущийся, звук шагов.

Маг опасливо оглянулся и тотчас посмеялся над собственной подозрительностью. Не могло тут быть ничего опасного и никого чужого, он сам вместе с главным ханским магом закрыл этот островок щитами и отводом глаз.

А к нему неторопливо приближались потерявшие прелестницы, невесомо ступая по коврам босыми ногами. Все они были с головой замотаны в яркие просторные шелковые покрывала и при каждом шаге покачивали бедрами в такт все усиливающейся музыке.

Маг ожидал приближения прелестниц, не сводя с них взгляда, и лишь пару раз отвлекся, чтобы промочить резко пересохшее горло.

А вереница невольниц уже скользила мимо, и к аромату цветов добавился запах теплых женских тел, душистых масел и ванили. Маг удобнее устроился на подушках, с предвкушением ожидая, чем закончится

это загадочное шествие, и пытаюсь угадать, ради чего прелестницы прятались от стража. Просто захотели пошалить или напомнить о себе? Ведь наверняка невольницам очень скучно целыми днями сидеть в бассейне или лежать на подушках.

Последняя прелестница проскользнула мимо мага, и вереница исчезла в дверях дворца, построенного по кирсамской традиции в виде просторного деревянного шатра, в котором можно почти мгновенно выгородить коврами любое помещение для новой прелестницы или для гостя.

Оттуда донесся призывный женский смех, музыка ускорила и зазвучала громче, и маг сообразил, для кого именно так стараются невольницы. Усмехнувшись, допил сок, отставил бокал и поднялся с подушек. Красавицы явно желали развлекаться в прохладе, и он ничего не имел против этого намерения.

Вереница невольниц змейкой скользила между колонн, и никак нельзя было угадать, в какую сторону эта яркая цепочка свернет в следующую минуту. Но маг и не собирался угадывать. Он уже рассмотрел горку подушек, сложенных посреди зала на пушистом ковре, и неторопливо направился туда, посматривая на невольниц. Они одна за другой теряли где-то верхние, плотные покрывала, но под ними оказались другие, одинаково синие, и ни рук, ни лиц по-прежнему не было видно. Зато движения женских тел стали более смелыми и призывными, тонкая ткань словно ненароком вдруг обтягивала то круглую коленочку, то плечико или грудь, и эта игра нравилась гостю все сильнее.

А когда змейка, изогнувшись, вдруг направилась прямо к нему, маг невольно затаил дыхание, ожидая, чем намерены порадовать его прелестницы. И они не обманули тайных надежд, хотя сделали намного меньше, чем предвкушал мужчина. Словно ниоткуда перед ним возник маленький столик, на нем были бокал и графины с напитками, ваза с фруктами и блюдо с маленькими тарталетками, наполненными всяческой закуской.

Музыка вдруг сменила темп, стала тягуче-медленной, томной и околдовывающей. А живая синяя змея продолжила свой путь так же неторопливо и завораживающе бесшумно, только походка прелестниц стала более похожа на танец. Синие фигуры больше не прятались за колоннами, теперь они тесным кружком двигались перед забывшим обо всем мужчиной, то плавно изгибаясь, то клонясь до пола, словно постепенно распускались и оживали лепестки диковинного цветка и манили к себе, звали встать в этот тесный и теплый живой круг.

Маг не глядя плеснул себе в бокал из первого попавшего под руку

графина, махом вылил напиток в пересохшее горло и, гибко поднявшись с ковра, ринулся в кучу прелестниц.

Но они неведомым образом умудрились ускользнуть из его рук, прыснули в разные стороны и с игривым смехом рассыпались по залу искорками драгоценного ожерелья.

Охота! Сладостная игра, в которую так заманчиво играть вдвоем, но иногда можно и добавить дичи...

И тем приятнее поймать желанную добычу, чем сильнее она дразнит и упорнее убегает!

Гость включился в эту игру с азартом и пылом опытного охотника и не стеснялся применять для поимки прелестных беглянок небольшие магические хитрости. Однако они умудрялись раз за разом ускользать от захвата, оставляя в руках преследователя очередное волнующе-душистое покрывало. Но это ничуть не расстраивало охотника, он бегал за добычей все проворнее и улыбался все хитрее.

А музыка играла все громче, словно под потолком устроился незаметный оркестр, и девушки казались все ближе... вот еще шаг, еще рывок — и забьется, затрепещет в мужских руках упругий, горячий девичий стан.

* * *

— И будь очень осторожен! Мальгис ушел туда еще вчера, но до сих пор от него не получили ни одного вестника.

— Я постараюсь. Но, возможно, он просто решил отдохнуть, последние дни мы работаем очень напряженно.

— Вполне допустимо, и он имеет на это право. Однако Мальгис очень осторожный и ответственный маг и никогда бы не позволил себе забыть про доклад. Поэтому лучше предположить самое невероятное, чем проявить беспечность.

Главный придворный магистр молча кивнул в ответ на это разумное утверждение старого лиса и открыл портал, стараясь немного сместить точку выхода, чтобы не оказаться в центре зала, как обычно. И одновременно не желая попасть мимо острова.

Разумеется, он не утонет и даже не угодит в воду: все опытные маги, отправляясь в подобные опасные места, загодя создают под ногами воздушную подушку или даже целый ковер. Но и оказаться на мелководье под прицелом тридцати пар женских глаз, кроме дюжины служанок и

надзирателя, не считал для себя возможным.

Воздушный ковер завис над светлыми ступенями ведущей к морю лестницы, и Кадерн мгновенно метнулся в сторонку, под кроны обрамляющих спуск деревьев.

А потом набросил на островок поисковую сеть и начал постепенно сжимать ее вокруг дворца. Ничто и никто не должно было ускользнуть от его внимания. Попутно маг проверял целость щитов и наложенные на них незаметные посторонним секреты, позволяющие сразу определить, не нарушал ли защиту кто-нибудь чужой.

Как выяснилось, за последние три дня сюда было открыто всего два портала, и если последним пришел младший придворный маг Бейдизара, то первым — новенькие невольницы от одного из темных магов Айгорры, уже не первый раз подрабатывающего подобным способом. Впрочем, магистр его не осуждал, каждый ищет свои пути к процветанию, а девицы обращались к нему за помощью по собственному желанию. Благоразумные, послушные и скромные сюда не попадали.

Сведениями, полученными с помощью сети, магистр остался доволен: все девушки были тут, и Мальгис с охранником — тоже. Судя по докладу поисковика, просто спали посреди зала, и маг решительно направился туда, начиная подозревать, как прав был в своих предположениях. Немного перегулял младший коллега... или девушки замучили... бывает.

Однако чем ближе подходил магистр, тем сильнее грызло его странное предчувствие, вернее, интуиция магов, которая никогда не появлялась и не заставляла тревожно сжиматься сердце в поистине безопасных мостах. Магистр привычно набросил на себя все щиты и активировал все амулеты, сжал в кулаке боевой жезл и вот так, во всеоружии, вступил под высокие, отлично защищенные от жары своды летнего дворца.

Здесь властвовали полумрак и прохлада, а еще ароматы, присущие только толпе женщин, и внешне все казалось совершенно мирным и безопасным. Но висела надо всем какая-то неестественная и оттого еще более подозрительная тишина, какой просто не может быть в помещении, где живет три десятка прелестниц.

Шаг за шагом, не отпуская поисковиков и не опуская щитов, Кадерн приближался к центру зала, где сеть нашла сторожа и Мальгиса. И все чаще по сторонам бдительным взглядом, пытаясь засечь хоть шорох или движение.

Картина, открывшаяся ему, могла бы показаться безобидной и естественной, если бы ее не портило несколько совершенно невозможных вещей. Маг, спавший в куче подушек в обнимку с женским покрывалом,

был одет всего лишь в подштанники. Но вовсе не разноцветные цветочки, украшавшие этот предмет одежды, насторожили магистра. Неподалеку от мага сладко посапывал сторож, крепко держа в руках черную мантию, вышитую серебристыми рунами.

И вот это было нарушением всех правил и привычек темных магов. Свои мантии, пояса с потайными карманами и амулеты они не доверяли никому и никогда.

Придворный маг поспешно воздвиг вокруг себя самый сильный из магических щитов, почти прозрачный, переливающийся радужными разводами энергии, как вода на болоте, и опасливо, словно брел по зыбкому мостку, шагнул к Мальгису.

Шаг... другой... третий...

На нежную музыку, еле заметным аккордом возникшую под потолком, он в первый момент не обратил внимания. Место тут такое — женщины, музыка, вино, сласти... полутемные уголки с мягкими лежанками и горами подушек — рай для уставшего от нескончаемых забот мужчины. А мелодия постепенно набирала силу, проливалась на душу целебным бальзамом, теплой, душистой струей ханского фонтана, смывающей напряжение и тяжелые думы, светлой зарей, манящей в страну, где каждый день будет весенним праздником.

Звуки крепили, пьянили, как вино, будили в памяти полузабытые воспоминания и грезы, свивая их в единый, пока неторопливый хоровод, обещавший превратиться в упоительный смерч страсти и нежности.

Маг пропустил то мгновение, когда из-за колонн плавно выплыла череда замотанных лишь в полупрозрачные одеяния девушек, но, едва заметив их, уже не мог отвести взгляда. Да и ни один здоровый молодой мужчина не смог бы, а он как раз именно таким и был. И давненько не находил времени наведаться в то крыло ханского дворца, где жили гибкие, веселые и ласковые танцовщицы. Именно для того и жили, чтобы гостям и друзьям хана не приходили крамольные мысли о его собственном гареме. Хотя теперь там осталось всего сотни три наложниц и пять положенных по закону жен — шестая, ревнивая злюка Галитья, недавно отравилась ядовитыми грибочками. И где только достала, хотелось бы знать, если такие растут только в непроходимых северных чащах?

Цепочка дев, которых тут звали заложницами, гибко покачивая бедрами и поднятыми над головой руками, неслышно скользила между колонн, показывая новому гостю то рядок стройных спинок, то тонкие талии, плавно переходящие в округлые бедра, перечеркнутые низко опущенными, богато вышитыми поясами, украшенными подвесками из

камней и монеток. А иногда взгляд притягивался к пышным холмикам высокой груди, так хитро обтянутым шелком и шифоном, что уже не нужно было ничего домысливать или подозревать. Только тянуться туда с единственной мыслью — ощутить в ладонях их тяжесть и упругость.

Кадерн внезапно почувствовал, что ему стало невыносимо жарко в черной мантии, усиленной защитными сеточками из заговоренного серебра, и неприятно давит на бедра набитый оружием и зельями пояс. Да и сапоги хотелось снять, пройтись усталыми ступнями по мягким, прохладным коврам, опуститься в призывно сложенные кучкой подушки и припасть к одному из бокалов, которые неизвестно откуда появились в руках танцовщиц. А после...

Едва представив это «после», маг уже сочувственно покосился на сладко спящего Мальгиса, и теперь ему стало предельно ясно, почему страж так нежно обнимает мантию мага. Кому же, как не ему, парень мог доверить самое ценное, когда испытал такое же жаркое желание насладиться прохладой, напитками и нежными прикосновениями женских рук?

Ну и не только рук, а и всего остального, что так яростно тоскует тут без постоянного мужского внимания. И можно понять, почему Мальгис теперь дрыхнет тут без задних ног, укатали небось прелестницы, разве могли у него в тот момент появиться силы, чтобы писать донесения? Да он о профессиональном долге небось и не вспомнил, и если честно, то правильно сделал. Хан со своими прожеками о присоединении народностей пустыни уже загонял всех советников, придворных магов и генералов, совещания устраивает то в полночь, то на рассвете...

Мысли мага текли плавно, в такт обволакивающей музыки, глаза с разгорающимся азартом следили за приближающейся лавиной страстной красоты, а руки сами расстегивали пряжки и распутывали завязки, снимали ловушки и щиты.

К демонам проклятую работу, совсем с ней забыл, как много нежности и наслаждения можно получить всего за несколько подносов сластей, — единственный дар, который разрешалось приносить на этот островок.

* * *

— Наглец, — возмущенно шипела Дарочка, отодвигая руку мага от своих ног, почему-то показавшихся гостю стройнее, чем у других девушек. — Развратник и бабник!

Хотя дотянуться до них он так и не успел — уснул, сраженный сонным зельем Летуаны.

— Неправда, — почему-то встала на защиту мужчины алхимичка, — он никогда не был наглым. И бабником тоже. Он вообще слишком много работает, даже родичей редко навещает, а о том, чтобы завести свою семью или гарем, и не думает. Хотя ему по должности положено до тридцати женщин.

— А откуда это ты так хорошо осведомлена о его трудностях? — ехидно прищурилась Дарелетта. — Не прозевал ли Изверг лиса в собственном курятнике?

— Не дерзи наставнице, а то будешь ближайшие три дня радовать глаз окружающих зеленым цветом.

— Хоть фиолетовым, — огрызнулась принцесса, наблюдая, как ее учительница тщательно проверяет карманы мантий и поясов. — Зато меня не посадят в темницу за воровство. Хотя я и подозреваю, что это в нашем положении не самое страшное. Как я помню из рассказов Тода, у хана очень сильный главный придворный маг... и очень бдительный. И все его амулеты имеют какой-то подвох, а ты гребешь в свои карманы все без разбора.

— Оказывается, у тебя хорошая память, — удовлетворенно кивнула Летуана, пряча очередной амулет. — И Тодгера называешь очень мило. А главный маг у хана действительно сильный, и именно его ты сейчас видишь перед собой. — Алхимичка протянула руку и заботливо откинула с лица спящего гостя длинную прядь. Потом погладила его по щеке и сокрушенно вздохнула: — Только отдыхает совсем мало... Придется, когда вернусь, самой заняться его личной жизнью.

— Боюсь, если нам суждено будет вернуться, великий извращенец сделает тебя не просто черной и немой, а еще кривой и хромой. — Настроение Дарочки явно было далеко от радужного.

— Не переживай, вернемся, — с угрозой пообещала наставница и поднялась с пола. — Вставай, пора уходить. Девушки, все, кто не передумал покинуть этот рай, быстро скажите ваши имена, я запишу. Но чтобы потом не отказывались! И еще. Магов без меня не обижать, любить и заботиться, как о самых родных. Идем, Дара.

* * *

— Куда?! — Яростный рык магистра казался ужаснее рева

разгневанного гигантского саблезубого льва, грозы приморских степей. — Куда она ушла?

— В дом к магистру Рандолизу, — опасливо отодвинулся сыщик. — Он живет в пригороде Ойма. Мы уже с трех сторон проверили линию портала, хотя маг и затер входной контур. Но дальше живут купцы и градоначальник, и у всех хорошая защита без следов вторжения. А кроме того, этот Рандолиз когда-то жил по соседству с семьей вашей жены, дружил с Кадерном и даже, простите за подробность, ухаживал за госпожой Летуаной.

Сыскарь вжал голову в плечи, проклиная и тот миг, когда взялся за этот контракт, и невозможность отказаться от дальнейшего расследования. Судя по всему, оно заведет в такие дебри — поневоле придется использовать амулет экстренного переноса. И это действие мгновенно сожрет всю предполагаемую выгоду от непростой работы, если еще, конечно, успеешь его активировать. А в ином случае никакая выгода тебя уже вообще не будет волновать, и не важно, кто именно достанет незадачливого сыскаря, сам заказчик или темный маг Рандолиз.

— Откуда ты это взял? — хрипло рыкнул помрачневший, как туча, Изрельс.

— Из секретных сведений, — храбро произнес маг и нехотя добавил: — И из показаний матушки вашей пропавшей жены. Ну не смотрите так сердито, ведь могла же она просто пойти проведать родителей? Мы всегда в первую очередь проверяем самые простые версии.

— А подумать, что я и сам сначала искал ее в доме тестя, вам было некогда? Или в этот раз вы напрочь забыли про простоту? — Ехидство просто сочилось из прищуренных глаз темного магистра.

— Не забыли, — отодвинулся еще дальше сыщик. — Но тут ведь вот какая заковырка... вам они могли и солгать. Ну, если дочка попросит не выдавать, какая мать скажет зятю правду? Правильно, никакая. Вы и сами свою дочурку будете всячески прикрывать от наглого проходимца, который уведет ее из родного дома.

— Какую еще дочурку? — раздраженно огрызнулся Изрельс и тут же смолк, внезапно припомнив тихий шепот Летуаны: «А может, будет дочка... такая маленькая, зеленоглазая, проказливая... похожая на тебя...»

Сердце взорвалось теплой нежностью, горьким сожалением и оглушающим пониманием, каким же он был идиотом! Изрельс не помнил сейчас, какими словами отказался тогда от немедленного осуществления планов жены по увеличению их семьи, наверное, отшутился как-нибудь легкомысленно, сказал что-то вроде: «Мы еще слишком молоды для такого

важного шага, а ты сама еще девочка», или: «Мне пока и на тебя времени не хватает». Она тогда как будто не обиделась, даже засмеялась, он помнит точно. Но теперь совершенно ясно понимает — любимая все же солгала, и от этого невидимая лапа, вот уже третий день не дававшая его сердцу биться ровно, снова безжалостно стиснула его, как сминает гончар неудавшуюся чашку.

— Ну будут же у вас дети, — хитро ухмыльнулся сыщик и, опасливо отодвигаясь к самой двери, провокационно добавил: — Если вы захотите, конечно, забрать вашу жену из дома Рандолиза.

— И что ты имел в виду, — заледенел взглядом Изрельс, ловя сыщика в магическую петлю, — когда делал последнее предположение?

— Так ведь многие знают... э-э-э... — пролепетал маг, пытаясь распутать замысловатое плетение удавки, — чем зарабатывает Рандолиз.

— Продолжай!

— Помогает девушкам... э-э-э... попавшим в трудную ситуацию, найти себе надежных и богатых покровителей!

— Богатых... кого?! — Прежние угрозы магистра показались сыскарю невинным блеянием беленьких ягнят перед этим безумным грозовым раскатом.

Так мог бы рычать только дракон с далеких вершин огненного мыса, обнаружив пропажу самых ценных драгоценностей из своей пещеры. Сыщик на миг оглох и ослеп, почти сраженный вырвавшейся из руки магистра ветвистой молнией, разом выжегшей все семь слоев усиленного щита.

— Вы что творите, магистр Изрельс! Я подам жалобу верховному магистру! — суматошливо пытаюсь активировать припасенный на крайний случай амулет, завопил сыскарь, хотя даже не надеялся докричаться до разгневанного клиента.

Однако Изрельс его все же услышал. Некоторое время смотрел в упор, словно решая, как с ним поступить, потом шагнул к столу, набросал на листке бумаги несколько фраз и легким щелчком отправил письмо в неизвестность. И только после этого снял с сыскаря свою петлю, одним взглядом восстановил на нем и защиту и слегка задымившийся костюм и мрачно приказал:

— Давай привязку.

Спорить сыщик не осмелился, подал шарик, в котором застыло запечатленное магией изображение солидного дома в окружении подстриженных кустов и статуй, и через несколько мгновений вдыхал напоенный ароматом незнакомых цветов воздух Ойма.

Рядом стоял темный магистр, и его лицо было напряженно-жестким. Сыщик нахмурился, сосредоточился, и ему удалось рассмотреть рваные трещины и зловещие сполохи, пробегающие по все ярче разгорающемуся магическому куполу, окружающему дом Рандолиза. И хотя сыскарь по сравнению с Изрельсом был слабеньким магом, но и ему было предельно ясно, чем сейчас занят магистр.

Грубо и бесцеремонно срывает чужую защиту. Весьма и весьма мощную, если после нескольких секунд его работы в окружающее пространство выплеснулась просто уйма освобожденной энергии. У сыщика почти моментально восстановился потраченный резерв, засветились самоподпитывающиеся амулеты и встали дыбом волосы на всем теле.

— Темные силы, да что же это делается! — Выскочивший на балкончик немолодой мужчина в отчаянии схватился за стоящие серебряным ореолом жидкие седые пряди. — Стража! Грабят посреди бела дня!

— Не ори, — грозно прикрикнул Изрельс. — Скажи лучше, где твой хозяин?

— К-какой ещ-ще х-хозяин?! — начал заикаться от возмущения довольно благообразный старичок. — Я сам себе х-хозяин!

— Ну, хозяин этого дома!

— Это мой дом! Уже пол сотни лет!

— А где же тогда дом Рандолиза? — нехорошо прищурился темный магистр, проверяя старикашку на наличие личины или отвода глаз.

— Откуда мне знать! — сердито фыркнул старик, рассмотрел вспыхнувший в зеленых глазах кровожадный огонек и тотчас осознал степень своего заблуждения. — Нет! Погодите, господин маг, я и правда не знаю! Он снимал у меня дом целых пять лет! И хорошо платил, но с одним условием — я никому не должен был этого рассказывать. Клиенты господина Рандолиза должны были считать его хозяином дома и сада... для солидности.

— Вот сколько живу, столько и убеждаюсь, как легко заманить в ловушку каждую глупую жадину, — с презрением поморщился Изрельс. — Скажи спасибо, старик, что мне нужно было задать этому гаду один вопрос, иначе я уже сжег бы эту хибару дотла. И раз я едва не ошибся, так и быть, дам совет: повесь на все стены огромные плакаты, что Рандолиз дом уже продал! Иначе однажды можешь не проснуться! А теперь открой проход, пока я окончательно не снес все щиты, нам нужно провести небольшое изыскание.

— Похоже, я прибыл вовремя, — холодно произнес откуда-то сверху мужской голос, и на дорожку перед домом опустился странный агрегат из весьма отдаленного подобию лодки, в которой стояли друг за другом два кресла.

В переднем сидел молодой мужчина в черном костюме темного мага и серебряной маске, а за ним, лихорадочно вцепившись в подлокотники, примостился бледный как полотно сыскарь.

— Можно... я вылезу? Мне... нужно.

— Иди, — безразлично разрешил маг, выпрыгнул прямо на крылечко и, решительно отстранив в сторону трясущегося лакея, вошел в дом.

Изрельс, не говоря ни слова, последовал за ним. Так же молча, как нитка с иголкой, они прошли сквозь залы и комнаты, добрались до библиотеки, которую, судя по заваленному письмами столу, бывший квартирант использовал как кабинет.

Тодгер протянул руку, и бумаги взлетели со столешницы веселым смерчем, разделяясь на несколько разных кучек. Маг безошибочно вытащил из одной ярко-оранжевый конверт, потянул к себе и недобро прищурился, обнаружив, что письмо летит мимо него.

— Не злись, давай прочтем вместе.

Никогда еще голос его наставника не был так примирителен, и никогда не звучало в нем столько усталости и горечи.

— Неужели ты наконец оценил?

— Я ее давно оценил, иначе не стал бы делать предложения. — В словах магистра не было и грана бахвальства или высокомерия, только горьковатая правда.

Темные маги никогда не женились ни по какой иной причине, кроме как по любви, все остальные проблемы они умели решать, не ущемляя собственной свободы.

Конверт почти разорвали, потянув его в разные стороны, и резко отпрянули прочь, когда из него вырвалось густо-коричневое облачко пыли, отвратительно вонявшей нечистотами. Вслед за ним выплыл иллюзорный кулак, и его издевательски шевелящиеся пальцы были сложены в оскорбительный жест.

— С-скотина... — с чувством рыкнул магистр, алчно оглядываясь в поисках предмета, на который он мог бы немедленно выплеснуть бушевавшую в душе ярость.

— Кто? — ледяным тоном осведомился Тодгер, осторожно встряхивая конверт в надежде на уцелевший клочок послания сестры. Хоть маленький — ему нужно всего лишь подтверждение, что это письмо отправила она.

— Рандолиз, разумеется, — сразу спохватился Изрельс. — Лета считала его другом, а он зарабатывал продажей женщин и девушек.

— И куда он их продавал? — мрачно буркнул его бывший ученик, начинавший понимать, как ошибался, но пока не имевший никакого желания в этом признаваться.

— Если бы я знал, то уже был бы там... — В голосе магистра резким выкриком чайки прозвенела такая отчаянная тоска, за какую любая женщина готова отдать душу.

— Ну не бедным же селянам или ремесленникам, — помолчав, начал рассуждать вслух Тодгер. — Им Лету не удержать, она умеет снимать простые щиты. Да и слишком близко он ее тоже не отправил бы... Действительно скотина. Матушка ведь его за жениха принимала, сколько пирогов скормила... и Кад с ним дружил...

— Что ты сказал? — очнулся от тяжких мыслей Изрельс. — Кадерн?! Дружил? Не он ли теперь у вас главный придворный маг кайсамского хана? Думаю, самое время его навестить, он приглашал меня, и даже пароль для прохода присылал.

Магистр решительно цапнул ученика за локоть, и через миг они стояли в белоснежном кабинете его столичного особняка.

— Сейчас-сейчас... — бросившись к сейфу, принялся копаться в шкатулках хозяин, попутно засовывая в карманы какие-то амулеты.

— Где-то стучат, — прислушавшись к непонятным звукам обычно абсолютно тихого дома, бросил Тодгер, и это замечание почему-то прозвучало робким призывом к примирению.

Но жалеть он и не подумал, в конце концов, все люди ссорятся, а у них сейчас общая беда, и вдвоем решать ее намного легче.

— Это ремонтники, — отстраненно пробормотал Изрельс и вдруг застыл, застигнутый неожиданной мыслью. — Спасибо, я твой должник.

Он яростно задержал шнурок колокольчика, раздосадованно рыкнул и послал вслед сигналу магического вестника. Через несколько секунд стук и звон пил прекратились, зато раздался тяжелый топот ног, и в кабинет ворвалась толпа невысоких, коренастых и бородатых гномов, а за ними, плавно ступая, вплыл тонкий беловолосый юноша с нежным, полудевичьим лицом.

— Ты нас звал?

— Да. Я больше не желаю чисто белых комнат, оставьте таким только этот кабинет. Все остальное должно быть разноцветным и веселым, как весенняя лужайка.

— Мудрое решение, — серебряным колокольчиком прозвенел эльф, с

любопытством рассматривая необычную внешность заказчика. — Мне очень нравится. И рисунок на твоём лице — тоже. Сразу видно, он сделан человеком тонкой души с большой любовью.

— Так и есть, — горько скривил губы магистр и тяжело добавил: — Это моя жена. Пожалуй, можно расписать такими ирисами и этот кабинет.

— Отличный выбор, не пожалеете. — Блондин провел рукой над лицом Изрельса, легко стряхнул нечто незримое на стену, и на ней тотчас расцвели переплетенные в виньетки фиалки и ирисы. — Как изящно... а она не желает продать этот узор?

— Нет, он эксклюзивный, только для меня, — твердо отказался магистр и гордо задрал нос.

— А вот этот — только мой. — Тодгер решительно снял маску и взглянул в зеркало. — Как закончите здесь работу, распишете такими незабудками спальню в моем замке.

— Вот он! — потряс невзрачным камушком Изрельс и, вмиг забыв про ошеломивших их гномов-ремонтников, схватил шурина за руку и утащил в моментально возникший перед ним портал.

* * *

— Прорыв!

— Лазутчики!

— Враги!

— Шпионы!

— Держи!

— Сеть бросай!

— На кого?!

— Да на врагов, сын шайтана!

— Сам сын болотной свиньи! Где тут враги?

— А это кто? Ты, хвост дикого осла, вот это кто, по-твоему?!

— Женщины!

— Это не женщины! Порядочные женщины в гости без приглашения не приходят! А непорочные заняты святым делом — развлекают мужчин! Значит, остается кто?

— Непорочные девы...

— Сейчас я из тебя непорочную деву сделаю, ишак длинноухий! Где ты видишь непорочную деву?!

— Вон та, мой амулет не ошибается!

— Зато обманывается голова, которая видит только глупую стекляшку! Непорочные девы тем более не ходят без приглашения и подобающего сопровождения по чужим дворцам, не носят таких бесстыдных платьев и не смотрят на мужчин так нахально!

— И долго вы будете спорить? — с досадой взирая на огромных стражников, холодно осведомилась старшая из появившихся ниоткуда женщин. — Лучше позовите вашего хозяина.

— А белого волка тебе не позвать? — непочтительно фыркнул бородатый страж. — Да, правду говорят — до тех глупостей, которые приходят в женские головы, мужчины никогда не додумаются!

— Так тупы? — едко осведомилась незваная гостья.

— Так мудры! Не засоряют свой мозг всякими бреднями!

— А стакан воды и умыться — это глупость? — тихо пролепетала та, которую чутье усатого стража воспринимало как священное сияние, и обессиленно села прямо на чисто выметенные ступени зеленоватого мрамора.

— Да она еле держится на ногах! — сочувственно охнул усатый, и девушка улыбнулась ему почти виновато:

— Уже не держусь. Никогда раньше не приходилось столько бегать... сперва от огромных пауков, потом от красной саранчи... хотя сначала я думала — это песок ожил.

— И где вы ее видели? — разом встревожились оба стража и принялись озирать скрывавшийся в полуденном мареве горизонт.

— Не очень далеко, — рассматривая многолучевую звезду portalного амулета, мстительно произнесла Летуана. — Не более чем в часе-двух ходьбы отсюда.

— Нужно закрывать контур!

— Доложить хозяину!

— Сначала ворота и контур, потом хозяину! Иначе не успеем!

— Эй-эй! Вы что, нас тут оставите?! Она же нас сожрет!

— Не имеем мы права пускать во дворец лазутчиц!

— Мы не лазутчицы! Я сестра Кадерна, придворного мага кайсамского хана!

— А почему твой брат не приставил к тебе сопровождение и не выдал защитных амулетов?

— Он отдыхает, — вдруг всхлипнула младшая. — Ушел на остров Наслаждений... не могли же мы туда идти, когда нам захотелось погулять?

— А ты кто?

— Моя ученица... — высокомерно попыталась объяснить старшая, но

лица стражников сразу начали каменеть.

— И невеста Тодгера, придворного мага лирского короля и младшего брата магистра Кадерна, — поспешно добавила Дарочка, умоляюще взирая на трехметровых ифритов, держащих в черных руках не менее огромные секиры.

— Придется докладывать, иди, я покараулю!

— Сам иди, раз так решил! Я в прошлый раз обмишулился и отплавал свое золотой рыбкой!

— А я перед этим десять лет работал фениксом!

— Мальчики, не спорьте! Откройте ворота, и мы сами как-нибудь доложим!

— Как-нибудь никак нельзя! Наш хозяин порядок любит... — задумался бородатый.

— И красивых девушек, — пробормотал усатый и так же задумчиво уставился на гостей.

— Пожалуй, я все же рискну, — направился к воротам бородатый.

— Лучше я, мне понравилось рыбкой...

— Стой тут, я сам доложу!

— Тогда идем вместе!

— И о чем вы снова так спорите, даже флюгера качаются?!

— Хозяин...

Оба ифрита дружно рухнули на колени и влюбленно вытаращились на мужчину, вальяжно полулежащего среди подушек, разбросанных по зависшему в воздухе ковру.

Дарочка уставилась на незнакомца во все глаза, не замечая, как соблазнительно приоткрыты ее пересохшие губы. Да она и вообще ничего не видела, кроме ошеломительно яркой красоты мужчины, открыто изучавшего их с наставницей.

Нагловатая усмешка едва заметно кривила твердо очерченные полноватые губы, черные сливины обрамленных невероятно длинными ресницами глаз смотрели загадочно и многообещающе, а соболя бровь приподнялась в веселом изумлении. И все это великолепие обрамляли слегка вьющиеся волосы цвета воронова крыла.

— Ну надо же какие птички пожаловали в мою бедную хижину! Ифры! А почему это вы до сих пор не открыли дверей дорогим гостям?

— Так лазутчицы же...

— А может, шпионки...

— На три года в попугаев, за глупость! — нежно улыбнулся красавчик.

Ифриты дружно охнули, зазвенели упавшие на мрамор алебарды, и две

яркие птицы, лихорадочно и неловко махая крыльями, тяжело полетели в распахнувшиеся ворота. Теплый ветерок нежно подхватил остолбеневших девушек, бережно усадил на ковер, подоткнул под спинки подушки и понес вслед за несчастными попугаями.

— Прошу! И чувствуйте себя как дома!

В ласковом, вежливом голосе хозяина Летуане слышался едва сдерживаемый сардонический хохот.

* * *

— Так где он?

— Да еще вчера ушел по своим делам!

— А нельзя поточнее, куда именно?

— Откуда я могу знать, куда он отправился? Главный придворный маг даже хану не каждый раз докладывает, куда ходит! У него все дела секретные! А секреты — государственной важности!

— Не нужно нам его тайн, и ханских тем более, просто постарайся припомнить, кто к нему приходил, с кем он разговаривал, как оделся... Кадерн сам тебе за это потом спасибо скажет! Мы его ближайшие родичи, я — зять, а это — младший брат.

— Вижу, я все-таки тайный советник. Потому-то с вами и разговариваю, другие уже висели бы на башне — за наглость!

— Думаю, Кадерну очень не понравилось бы такое обращение с его гостями. Неужели ты думаешь, будто уважаемые темные маги могут явиться без спроса в ханский дворец? — усилил нажим Изрельс. — Ваш главный маг так и сказал — приходите, как будет время! Вот и пароль от своих апартаментов выдал! А теперь куда-то исчез... а у нас, между прочим, интуиция! Уж извини, человек ты неплохой, но если с Каном случилась какая-то неприятность, а мы не успеем на помощь, то перед ханом тебя выгораживать не будем.

— Только не нужно мне угрожать, я уже столько всяких угроз слышал! И если поделюсь с вами своими сведениями, то только по доброй воле. Ну и окажете как-нибудь попозже парочку услуг... добровольно, разумеется.

— По рукам. Так что ты знаешь?

— Младший придворный маг, Мальгис, получил тревожное сообщение от смотрителя ханского острова Наслаждений. Он писал, будто исчезли все наложницы, то есть, я хотел сказать, заложницы. Мальгис ушел и пропал, даже сообщения не прислал. Вот Кадерн и собирался проверить,

что там случилось, по пути в Тогдад. Но в Тогдаде его так и не дождались, и никаких сообщений тоже не поступило.

— И ты еще раздумывал, говорить нам об этом или нет? Давай привязку на остров и садись писать завещание. Если с Кадерном что-то случилось, я сам тебя прибую.

— Вот привязка, а завещание не понадобится — у меня его свечеч в сокровищнице не погас, недавно смотрел. А вы не забудьте про услуги.

— Не волнуйся. Только одна деталь — выбирать их мы будем по своему желанию.

Портал распахнул темное горло и жадно проглотил двух наглецов в черных костюмах с серебряной вышивкой.

— Скатертью дорожка, — едко фыркнул вслед им тайный советник и ехидно ухмыльнулся.

Если они вернутся целыми и невредимыми, то уже выполняют для него весьма важную услугу, выяснят, что именно происходит на крохотном и вполне мирном до последнего времени острове. А если не вернутся, то и это можно повернуть себе на пользу — доказать хану, что советник сэкономил ему как минимум мага и отряд воинов, которых точно сожрала бы неизвестность, обосновавшаяся на острове Наслаждений и бесследно поглотившая уже более тридцати человек, в том числе парочку темных магов из соседних стран.

* * *

— Неплохое местечко, — мрачно отметил Тодгер, оглядывая мелкое море, золотой песок, пышно цветущие кусты и по южному яркие балдахины на широких верандах одноэтажного строения. — Даже жаль будет равнять его с морем.

— Тод... — остановился на нижней ступени его бывший наставник и без труда поймал петлей кресло, которое успел создать молодой магистр, — я хотел попросить тебя об одной услуге...

— Ну?

— Я полностью осознал, как неправильно вел себя с любимой, и мне страшно представить, что она может больше никогда меня не простить. Но большее всего думать, что Лета может полюбить другого, хотя имеет на это полное право после всех моих ошибок. И хотя разумом я это сознаю, но сердцем принять не могу... и если увижу нечто подобное, могу впасть в неконтролируемую ярость. Потом мне, разумеется, будет страшно стыдно и

обидно за содеянное, но сам я сдержаться не сумею. Да и никому не под силу удержать темного магистра, когда в нем бушуют такие страсти. Вот на такой случай я создал амулет... вот, держи. Там сон — самый крепкий, в какой может погрузить человека магия, но одновременно успокаивающий и целительный. Если поймешь, что со мной творится нечто из ряда вон выходящее, усыпляй без сомнений. Никому, кроме тебя, я его доверить не могу.

— А я... — начал Тодгер, засовывая амулет в нагрудный карман.

— За это не беспокойся, за тобой я сам присмотрю.

«Ну да, ну да, — обреченно хмыкнул маг, — кто бы сомневался». Он и не мечтал, что учитель полностью переменится после того, как осознает свои ошибки в семейной жизни. Но, может, хотя бы перестанет совать нос в чужие отношения?

Пока маги поднимались по лестнице, они успели проверить магическими щупальцами и поисковичками все окрестные кусты, цветники, огромный бассейн с беседками и даже яркие шатры, расставленные по саду и на широкой террасе. Добрались и до дома — и сразу же всех нашли. В центре лежал в горе подушек Кадерн, рядом с ним сидели молодой маг и пожилой кругленький прислужник. Ниже по склону, в домике для служанок, две поварихи пекли пирожные и солили их собственными слезами, а в самом дальнем углу дома тихо, как мышки, сидели печальные женщины.

— Тридцать штук, — буркнул Тодгер.

— Тридцать девушек, — поправил Изрельс, направляясь в центр зала. — Что с Каном?

— Просто спит, — убито буркнул, не глядя на подошедшего, Мальгис. — Эта ведьма делает просто убийственные зелья.

— Кого это ты так обозвал, щенок? — начал свирепеть темный магистр.

— Не фурия, нет... — мечтательно завздыхал пухленький прислужник, — пери! Яркая роза волшебного сада! Чаровница и затейница...

— Где она? — едва сдерживаясь, рявкнул на него Изрельс.

— Растаяла, как сладостный туман, как утренняя звезда, как алмазная роса... и дивный юный бутон синеглазой лилии с собой увела.

— А вместе с бутончиком и все наши амулеты и зелья, — обреченно вздохнул Мальгис. — Даже вестника послать нечем. Обчистила похлеще рыночного карманника... затейница!

— Вот сколько живу, столько и убеждаюсь, — язвительно огрызнулся

Изрельс, копаясь во флаконах с зельями, — как права поговорка: «Никогда не верь первому взгляду»! Я тут чуть было не разжалобился, собирался помочь ему вернуться в родное ханство быстро и без позора! А этот недостойный звания темного мага лопух обзывает мою любимую жену карманником! Да ладно бы она была родственницей только мне, так она еще любимая младшая сестра моего друга Кадерна и любимая старшая сестра моего ученика Тодгера!

— Не верю... — вытаращил глаза Мальгис. — Если она ему родная сестра, то почему и его карманы обчистила?

Изрельс накапал в ложку три капли зелья, разбавил лимонадом и осторожно вылил в рот старшего придворного магистра. Полюбовался на кислую гримасу, исказившую лицо шурина, и только после этого, подняв вверх палец, назидательно изрек:

— Не обчистила. А взяла в силу крайней необходимости. Когда берут у своих, это за воровство не считается. Кан и сам бы все ей отдал, если б знал, как подло поступил Рандолиз с его родной сестренкой.

— Кто поступил с сестренкой? — сонно пробормотал Кадерн и сладко потянулся. — Какой сон!..

И вдруг резко сел, помотал головой и уставился на Изрельса:

— Изр? Тод? Случилось что-нибудь? С Летуаной?

— Вот именно, — тяжело вздохнул магистр, плеснул в кубок лимонада и залпом выпил. — Но говорить об этом будем не здесь. Хотя главное могу объяснить. Некто Рандолиз, пользуясь ее доверием, отправил Лету на этот остров... наложницей.

— Они тут заложницы, — мрачняя, пробормотал Кадерн и начал хлопать по карманам в поисках амулета.

— А какая разница? Как ни назови, смысл один. Да не ищи ты свои побрякушки, это она забрала. Думаешь, простой рабыне под силу усыпить и твоего мага, и тебя?

— Выпорю.

— Пальцем не тронешь! Посадишь в самое мягкое кресло и будешь кормить мушмулой и инжиром. Иначе и не мечтай подержать в руках племянника. Или племянницу.

— Лета ждет ребенка? А он ее сюда?! — мгновенно начал звереть главный ханский магистр.

— И не только ее, — наконец-то вставил словечко Тод. — Дарочку тоже. Мою невесту... почти жену. Ее родители уже согласились.

— Подожди... была тут одна... тоненькая такая, синеглазая... — Мечтательная улыбка, как солнечный лучик, осветила хмурое лицо

Кадерна.

Тодгер побелел и схватился за свой жезл.

— Можно считать, невестку ты одобрил, — поспешил задавить в зародыше начинающийся шторм Изрельс. — И это замечательно. Тех, кто пытается сказать хоть слово против нее, Тод сразу начинает убивать. Мой дом в Айгорре полуразрушен, там теперь команда гномов работает. Да и у себя во дворце полсада разнес и пограничный овраг в придачу, когда ее потерял.

— Я бы тоже разнес, — вздохнул Кадерн. — Не девушка, а мечта!

— Бутон белой лилии с синими глазами и ангельским голосом, — расцвел Обай-баба. — Рахат-лукум, райская птичка!

— Убью, — с тоской процедил Тодгер. — Или заброшу на семь миль от острова... и ползите потом по мелководью!

— Действительно, — задумчиво уставился на него старший брат, — все признаки налицо. И давно это у него?

— Два года, это младшая дочь лирского короля, — поспешил закрепить результат Изрельс. — Вот теперь понимаешь, почему эта сволочь Рандолиз сбежал?

— А он, значит, сбежал? — хищно переспросил Кадерн, предсказуемо переключившись на более привычную ему задачу. — И давно?

— Сразу после того, как отправил девушек сюда. И следы затер, мы с Тодом были в его берлоге. Кстати, дом он снимал у одного жадного простофили.

— Тогда нам нужно сначала идти в ханский дворец. Тайный советник — сволочь еще та, но собирает сведения на всех непростых людей и магов, о ком услышит хоть краем уха. Открывайте портал. Мальгис, ты со мной. И не трясись, никто тебя наказывать не будет. Я и сам попался... такая музыка, танцы... интересно, кто придумал?

— Пышная роза была заводилой, — услужливо подсказал Обай-баба и, скромно опустив глаза, со вздохом признался: — Обай подслушивал, пока не уснул. Она и музыку сделала, зельем на колонны брызнула, они и запели. Девушки теперь плачут, и кухарки тоже. Всем ее жалко, и себя тоже.

— А себя-то почему?

— Так ведь роза пообещала, как найдет дорогу домой, — всех отсюда заберет и мужей им хороших найдет. Сама проверять будет, так и сказала!

— Как интересно, — покосился на помрачневшего Изрельса шурин. — А еще о чем они говорили? Та... лилия тоже собиралась будущих женихов проверять?

— О, лилия, — мечтательно прижмурился толстячок и огорченно вздохнул: — Нет, дивная птичка только говорила: все рабовладельцы, — прошу прощения, не мои слова, — грязные свиньи!

— Какой странный лексикон для принцессы, — насмешливо удивился Кадерн. — И очень интересно, откуда у нее такая ненависть к обладателям рабов?

— Об этом поговорим в твоем кабинете, — поспешил перевести разговор Изрельс, торопливо открывая портал. — Я сейчас другого опасуюсь. Гад Рандолиз вполне мог поставить на них свои маячки.

— А девушкам ничего не скажете? — опасливо осведомился Обайбаба, тоскливо посматривая на туманный цветок портала.

— Сам скажешь. — Постаравшийся взять себя в руки магистр уже придумал, как решить эту проблему. — Раз моя жена им обещала, значит, обязательно заберем, пусть потерпят пару дней. И мужья им будут... сам займусь подбором.

* * *

— Все это крыло дворца в вашем распоряжении, — демонстрируя роскошные залы, спальни, купальни и широкие балконы, ласково вещал красавчик, а Дарочке слышался в его словах лязг стальных засовов и запоров. — В саду тоже можно гулять от рассвета до заката. Ночью не советую — темные у нас ночи, а дорожек нет. Заблудитесь, испугаетесь, еще и заболите. Кушанья, развлечения и украшения заказывайте какие захотите, вот доска желаний, вот мел. Просто пишете — например: «Пирожные с кремом».

Смуглая мужская рука небрежно черкнула два слова на золотой доске, и на стоящем рядом длинном мраморном столе появилось десятка два блюд с разнообразными пирожными.

— Не буду вам мешать, отдыхайте с дороги, — рассмотрев разгорающийся в глазах младшей гостьи интерес, довольно, как объевшийся сливок котяра, муркнул красавчик, и невидимые лапы бережно пересадили Лету с Дарочкой в мягкие кресла.

Потом ковер взмыл ввысь и стремительно улетел прямо в большущее, до пола, широко распахнутое окно.

— И где это мы? — помолчав, осторожно спросила принцесса свою наставницу, задумчиво оглядывающую кричаще роскошный зал.

Тут было просто душно от зеркал, золота, драгоценных камней и не

менее дорогих вещей из различных редких материалов, от кости мамонтов до поющего тростника.

— Я начинаю понимать Изра, — пробормотала та, вздохнула и пояснила: — Он в молодости был магом в одной из южных стран.

— В какой? — Протянув руку к блюду с пирожными, Дарочка вытащила самое румяное и только открыла рот, чтобы откусить, как наставница резким ударом выбила его из пальчиков ученицы:

— Двойка за урок. Ты не выучила правило второе.

— Но оно было про зелья, — с тоской поглядывая на упавшее пирожное, проворчала принцесса.

— Надо бы поставить еще двойку — за неумение думать и обобщать факты, — сурово прикрикнула Летуана. — Но у тебя есть веская причина — слишком бурная жизненная струя.

— А можно про струю поподробнее? — кротко осведомилась Дарочка, сложив руки на коленях, как покорная служанка.

— Все очень просто. Если говорить образно, наша жизнь — река. И если ты хоть раз пускала в речку кораблик, то не можешь не знать — течение в реке очень неравномерное. В заводях и на разливах вода иногда почти не движется, у сильно пологих берегов течет медленно, а у крутых — быстрее. Ну а на стрежнях иногда мчится, как сорвавшаяся с цепи, закручиваясь в водовороты и свиваясь струями. Вот в такую струю мы сейчас и попали.

— Правильнее сказать, ты нас туда забросила, — тихонько заметила принцесса, помолчала, словно не замечая возмущенного взгляда наставницы, и добавила: — Но я не в обиду так говорю. На самом деле так жить очень интересно, каждый день что-то новенькое. Меня только интересует один вопрос: если кушать тут ничего нельзя, то чего долго сидеть? Посмотрели, как живет султан, и пора дальше.

— Во-первых, нам нужно отдохнуть, — уклончиво пробормотала Летуана. — В следующий раз таких роскошных покоев может и не достаться. А во-вторых, над этим вопросом я работаю.

— И давно? — живо заинтересовалась Дарочка, но получила в ответ только хмурый, предостерегающий взгляд и состроила обиженную гримаску: — А чем мне тогда заниматься? Может, искупаться?

— Не может. Сиди и учи правила. — Летуана наугад вытащила из своей корзинки небольшую книжку и ловко бросила ученице. — Они тебе пригодятся еще не раз.

— Как я начинаю подозревать, и не два, и даже не десять, — дерзко огрызнулась та. — С такими-то родителями.

Но алхимичка, мрачно крутившая в руках снятую с шеи брата многолучевую звезду амулета переноса, сделала вид, будто временно оглохла.

* * *

— Слава тебе, о светозарный султан Ахангер Дугрейский, могущественный правитель великого султаната Дугрей и повелитель Тогдада, а также всех ближайших пределов на месяц пути в любую сторону от него. Да славятся имена твои, да устрашает врагов сила твоя, да превозносятся друзьями и подданными мудрость твоя. И пусть цветут земли твои и растут на них сады богатые и поднимаются дворцы роскошные, великие.

— Еще пара таких фраз, и я усну. Ты этого хочешь, Даурбей, или забыл, зачем ворвался ко мне во время послеполуденного отдыха?

— Прости, о светлейший, но твой старший спальник Ашерали сидит в нижнем зале, и на нем синий халат.

— Предатель. Приказать выпороть, что ли?

— Как пожелаешь, светлейший.

— А ты как посоветуешь?

— Лучше прикажи выпороть меня. Тогда Ашерали останется мне другом.

— Хитер, змей. Так чем ты меня собирался развлекать?

— Если великому султану угодно будет сыграть...

— Не угодно.

— Желание моего повелителя — закон для меня, — покорно склонил красивую голову придворный маг, и его ковер-самолет попятился к дверям.

— Подожди, — прищурился Ахангер. — Мне угодно узнать, почему ты не уговариваешь меня, не предлагаешь фору и не соглашаешься играть белыми?

— Мне жаль разочаровывать моего повелителя, да падет ранняя седина на мою глупую голову, но играть я предлагал вовсе не в шатрандж.

— Неужели в алькерк?

— Прости, светлейший, но и не в алькерк. И даже не в го, не в ко-вай, не в латрункули, нарды или рэндзю.

— Но более интересных игр, чем эти, я не знаю!

— Я заслужил порку за то, что имел наглость огорчить моего повелителя, но эта игра — новая. О великий Ахангер, мне стыдно

признаваться... ее придумал я сам. Прикажешь отправиться к палачу?

— Прикажу, не сомневайся. Но сначала хочу узнать, в чем она заключается.

— Сегодня у северных ворот твоего дворца появились две молодые женщины. Вернее, женщина — только старшая из них. Вторая — еще не сорванный бутон.

— Похоже, сегодня у палача все же будет работа! Отвлекать меня от послеобеденных размышлений ради двух женщин, да еще и предлагать поиграть с ними, было с твоей стороны очень большой ошибкой!

— Как будет угодно великому султану. — Ковер с магом снова двинулся к двери.

— Стоять!

— Жду распоряжений. Мой султан желает, чтобы меня выпороли можжевельными прутьями?

— Да, желает. Но сначала поясни, что именно ты имел в виду, когда назвал игру совершенно новой. В ней будут прятки?

— Увы, мой султан, никаких прятков.

— Погоня на твоём ковре по саду?

— Как ни прискорбно, нет, это уже старая игра.

— Лавка с драгоценностями?

— А это еще более давняя игра... да и девушки не из тех, которые согласятся показывать свои ножки за блестящие камушки.

— Вообще-то все они на это готовы, разница только в количестве и величине камней.

— Согласен, мой султан. Но этим нужен очень большой камень, и сначала придется хорошенько стукнуть им новеньких по голове, а потом самим задирать подол.

— Неинтересно. Я не люблю гоняться за женщинами с булыжниками.

— Так я отправляюсь к палачу? — Ковер снова дернулся к двери.

— Стоять, я сказал! — Султан отпил несколько глотков прохладного шербета и задумчиво уставился на мага. — Мне кажется или ты и в самом деле сейчас играешь со мной, как кошка с мышью?

— Разве я осмелился бы? — Сквозь показное огорчение на красивом лице придворного мага еле заметно светилось ехидное веселье. — Я всего лишь попытался развлечь моего господина.

— Надо сказать, это у тебя получилось. Впрочем, готов признать, как обычно. Ну давай сюда своих красавиц. Даурбей?! Ты чего молчишь?

— Прости мне мою строптивость, грозный султан, но сюда их пока нельзя. Нужно сначала уточнить правила игры.

— Да? — Некоторое время султан с сомнением смотрел на кротко опутившего взгляд мага, потом махнул рукой: — Излагай.

— В этой игре все должно быть по-новому. Раньше мы искали, догоняли и ловили убегающих на волю птичек, запугивали их и подкупали, соблазняли и очаровывали... и так тысячу раз. Теперь все будет наоборот.

— Я с семнадцати лет не люблю, когда женщины за мной гонятся, ловят меня и соблазняют! На всю жизнь запомнил, как случайно попал в гарем к отцу!

— Дозволь сказать слово, великий повелитель, не гневайся! Мне известно, какие игры противны моему султану, и я ничего подобного не придумывал.

— Да? А как же тогда играть наоборот?

— В более широком смысле. Раньше мы играли против женщин, а теперь будем за них.

— С каких это пор ухаживание за райскими птичками, украшение их шелками и парчой, осыпание драгоценностями и ласками считается игрой против них? — саркастически усмехнулся Ахангер. — Ты бы еще сказал, что мы боремся с садом, выкорчевывая в нем сорняки.

— Да простит повелитель мою смелость, но это очень непростой вопрос, думаю, на нем спотыкался не один философ. И мне, маленькому мышонку в мире титанов, не раз приходилось проверять правоту некоторых рассуждений на своей голове и шкуре. Ведь мы выращиваем персик, чтобы потом вкусить его плоды, ловим в плен ласковых речей и алмазных колец птичек, желая получить в их объятиях блаженство. И не спрашиваем ни сад, ни дев, хотят ли они стать нашим угощением.

— Ты меня совсем запутал! Думаешь, я сам не знаю, что далеко не все девы попали в мой дворец по своей воле? Но я сделал все, чтобы они с этой судьбой смирились. И тебе это ведомо лучше других, ты исполняешь все их капризы и пожелания. Поэтому скажи просто, как ты собрался играть в этот раз и чем таким новенькие приношения отличаются от других.

— Всем. Во-первых, они не приношения, их тебе никто не посылал. Они сами пришли. Но вовсе не имели желания попасть в твои сады и дворцы — всего лишь прятались от саранчи. И я мог бы просто вернуть их домой, но они туда не желают. Их мужчины оказались так глупы, что насмерть обидели своих возлюбленных. Впрочем, старшая гостья — законная жена.

— Даурбей! Я начинаю сердиться! По-настоящему! Решать семейные дела простолудинов — недостойное моего положения дело!

— Умоляю, смирите свое нетерпение, мой повелитель, я не сказал еще

самого главного. Девы вовсе не простые простолюдинки и даже не жительницы Дугрея. Они прибыли из столицы магов, но перед этим побывали во владениях кайсамского хана.

— И он их так просто отпустил? — Во взгляде Ахангера впервые за весь разговор зажегся неподдельный интерес.

— А он и не знает про их визит. Зато в курсе его придворные маги, которых старшая из наших милых гостей избавила от всех ценных амулетов.

— Тогда нам пора приказать копать им могилки.

— Могилки пригодятся каждому, кто осмелится оскорбить этих девушек. Однако сами они попытаются защищаться только в самом крайнем случае. А вот четверо темных магистров, пытающихся разыскать женщин, убьют за них любого. Старшая из дев — жена темного магистра Изрельса и сестра магистров Кадерна и Тодгера, а младшая — принцесса Лирского королевства и невеста того же Тодгера, придворного мага ее отца.

— Продолжай! Похоже, твоя игра начинает меня интересовать... — Султан приподнялся на локте, подвинул ближе блюдо с винной ягодой, бросил одну в рот, пожевал и вдруг с подозрением осведомился: — А откуда ты все это знаешь, ведь девы появились у ворот совсем недавно?

— Я же темный маг, — скромно опустил длинные ресницы Даурбей. — И у меня много друзей в Айгорре. И среди них сыскари из столичных агентств — иногда они выполняют мои задания, иногда делятся любопытной информацией, не бесплатно, конечно, но она того стоит. Так вот, Изрельс нанял лучших сыщиков, чтобы найти двух женщин и мага Тодгера, своего бывшего ученика. Сорока шепнула на ухо — между ними была ссора и даже драка, они разнесли половину столичного дома старшего магистра. Но потом помирились и даже сходили вместе в салон, который Летуана, жена Изрельса, купила всего за пару часов до этого. Теперь оба щеголяют несмываемыми узорами на лицах, но злые языки утверждают, будто такие у них по всему телу, и это украшение стремительно входит в столичную моду. Салон Летуаны работает круглые сутки, а сама она, как сообщил в последнем письме мой друг из агентства, отправилась в гости к одному из старых друзей, своему бывшему жениху, и он тут же за очень неплохую сумму продал обеих дев агенту кайсамского хана в так называемые заложницы и тотчас отправил на остров Наслаждений.

— Ты знаешь имя этого подлеца? — нахмурившись, поднял одну бровь султан.

— Да. Изрельс его вычислил и дал задание сыщикам искать не покладая рук. А пока ищет коллегу сам. С ним оба брата Летуаны и

примкнувший к ним придворный маг хана.

— Так кто это?

— Рандолиз.

— Вот как! Значит, мы будем играть на стороне беглянок? И никакими сведениями с их мужьями и братьями делиться не будем?

— Вот заключим с девами договор и решим — выдавать понемногу правду или направлять их на ложный путь.

— Я бы выбрал ложные пути, — мечтательно и хищно облизнулся султан. — Тогда игра будет длиннее!

* * *

— Ну и куда у тебя были привязки на амулете переноса? — едва оказавшись в кабинете шурина, приступил к допросу Изрельс.

— Сядь, выпей вина или лимонаду и успокойся, — огрызнулся Кадерн. — Как будто сам не знаешь, куда может понадобиться срочно попасть темному магу. Могу сказать, самый безобидный путь там — домой, к родителям. Ну, еще к друзьям и коллегам, ближайшим и дальним правителям. А есть проходы и в болота кикимор, в море русалок, в дриадаские леса и овраги оборотней. И даже на Пылающие острова.

— Темный свет, а к драконам-то тебе зачем? — поразился Тодгер.

— А они не люди? Вернее... разумные существа. И, как у всех разумных, у них три проблемы — где заработать, как потратить и что делать с детьми.

— Интересно, — прищурился Изрельс и покосился на ученика.

— Ничего особого. Мальчик подрос и пожелал посмотреть мир. Ну и удрал, хотя у них запрет на переходы в нашу сторону. Но для бурлящего энергией юного дракона преград не существует. А едва оказавшись в небольшом городке, пустился в разгул. В результате — три ошпаренные девицы. Оказывается, никто не объяснил детинушке, что люди могут и не перенести слишком горячих объятий. Вот и пришлось мне лечить красоток и возвращать беглеца... Теперь его родичи доверяют мне деликатные поручения.

— Завидую, — коротко признал Изрельс. — И сразу вопрос — ты не имеешь с ними связи? Предупредить на случай, если Лета туда угодит.

— Мне другое непонятно, — подозрительно уставившись на старшего брата, задумчиво поинтересовался Тодгер, — а почему твой амулет может взять первый встречный?

— Глупый вопрос, — отрезал придворный магистр кайсамского хана. — Подумай сам — что ты сказал? С каких это пор Летуана для меня — первая встречная? Это в тебе полудетская ученическая бдительность еще жива, и я могу только поблагодарить Изрельса за то, что вбил ее в тебя. Иначе очень трудно удержать учеников от безумств и ошибок, иногда фатальных. Но поверь, взрослея, все маги начинают понимать, как глупо считать врагами всех подряд. И непременно делают допуск к своим вещам для взрослых и рассудительных членов семьи. На самый крайний случай. Возможно, эта мера спасет кому-то жизнь или счастье.

— А мне... — осторожно заикнулся юный магистр и смолк, отвернувшись в сторону окна.

— Тебе я дал допуск ко всем личным и привязанным амулетам, — помолчав, коротко усмехнулся Кадерн, — сразу после того, как познакомился с твоим колючим кустом. Это было очень оригинальное решение.

— Правда? — слегка покраснев, смутился маг. — Спасибо, Кади.

— Не благодари. Когда-нибудь поймешь, что нет ничего ближе и надежнее своей семьи.

— И жены, — упрямо стиснул губы младший брат.

— Жена — тоже семья, если она, конечно, любящая и преданная, — согласился Кадерн и задумчиво добавил: — А та синеглазая пока еще, насколько я понял, в любви тебе не признавалась.

— На что это ты намекаешь? — сузил глаза Тодгер.

— Ни на что. Просто предупреждаю: при мне ни у одного из вас не получится к чему-либо принуждать мою сестру и ее ученицу. И потому дальше вы и шагу без меня не сделаете, и я сейчас не шучу. А чтобы желания пошутить у вас не появилось, дадите мне клятву на моей книге заклинаний. Иначе я не открою ни одного из тех шестнадцати мест, куда можно попасть с моего амулета.

— И ты еще говорил про родственное доверие!

— Говорил и могу повторить. Но это не значит, что в угоду одному родственнику я позволю ему издеваться над другим, особенно более слабым!

* * *

— Еще два часа...

— Чего два часа? — нахмурилась Лета.

— Два часа потерплю, и мне будет все равно, есть в этой воде какое-то зелье или нет.

— Есть.

— А откуда ты знаешь?

— Сама капнула.

— Зачем? Так волнуешься за нашу честь? — потрясенно вытаращила синие глаза Дарочка.

— А при чем тут честь? — непонимающе нахмурилась Летуана.

— Ну, в романах все пленницы так делают — пьют яд или суют себе в сердце кинжал, чтобы не достаться злодею.

— Да? Как хорошо, что я не читаю таких страшных книг! К тому же тут нет злодеев.

Некоторое время принцесса, сосредоточенно сведя брови, следила за упорно изучающей амулет наставницей, потом нарочито громко вздохнула:

— Я сдаюсь. Слышишь, Лета! Сда-юсь! Ну не могу я понять, зачем ты отравила воду в кувшинах. И лимонад тоже... или лимонад не стала?

— Стала. Точнее, отравила. Но разгадка все же есть. И ты сама сейчас произнесла ключевое слово. Знаешь, что это такое?

— Не овца. Лета, а можно спросить про другое?

— Ты сбиваешь меня с мысли.

— С какой? Я про это и хотела сказать — о чем можно думать столько времени, глядя на шестнадцать лучиков? Вернее, на четырнадцать, два ты завязала нитками.

— Все очень просто. Но дай мне слово — как только я тебе объясню, ты замолчишь и будешь тихо решать свою задачку.

— Даю.

— Мой старший брат Кадерн — очень порядочный человек, он обязательно раз в декаду приходит домой и приносит маме гостинцы. Долгое время меня это раздражало, сама я не так часто вспоминаю о том, что неплохо бы проведать родителей. Еще мне всегда что-нибудь мешает, то заболелю, то работа подвернется...

— На кухне, в черном теле.

— Будешь язвить, продолжения не услышишь.

— Прости, Лета, просто бонны учили меня всегда говорить правду. Очень некрасиво, когда принцессу ловят на лжи.

— И они правы. Но не нужно упорно напоминать людям о событиях, которые вызывают только досаду.

— Прости. А можно еще маленький вопросик? Про нас.

— Давай уже... но последний!

— Вот мы с тобой сидим тут тихонько, усталые, голодные, усохшие, и ничем не выражаем протест. И султан думает — мы всем довольны и счастливы. А в романах, если девушки попадают в лапы какому-нибудь сатрапу, они сразу начинают придумывать планы и бороться с рабовладельцем.

— Интересно, продолжай. И в чем заключаются эти планы?

— Ну, для начала нужно подготовиться. Рабыни вяжут лестницы из простыней и платьев, сушат сухари, запасают воду. Потом подкупают стражу и прислугу или отравляют... надеюсь, этих семи кувшинов нам на всех хватит?

— Мы не будем никого травить, но это сейчас несущественно. Продолжай, как там нужно бороться с султанами?

— Ну, если травить не будем, — задумалась Дарочка, — то есть еще один хороший способ показать тирану, как мы относимся к своему заточению. Можно на стенах и мебели нарисовать карикатуры, написать призывы или лозунги, еще — вывесить за окна плакаты, придумать обличительную речь и произнести, когда он придет.

— А если он долго не придет? У Ахангера, по слухам, кроме двенадцати жен, почти тысяча наложниц, и до нас очередь может прийти только года через три.

— И ты так спокойно об этом говоришь? Да еще и напитки травишь?! Ну, тогда он может и вообще сюда не приходить, зачем ему высохшие мумии?

— Неужели ты за несколько часов не сумеешь решить простую задачку и предпочтешь потерять сознание от жажды? Не ожидала от тебя такой глупости! Принцессы должны быть сообразительными, у них от этого напрямую зависит продолжительность жизни!

— Так это те принцессы, которым есть за что страдать! В основном наследницы! — обиделась Дарочка, посопела и предложила: — Ну, не хочешь писать плакаты здесь, тогда пойдем в покои султана. Напишем на его мебели и гобеленах. А в знак протеста перебьем всю посуду — султаны любят собирать древние вазы. Тогда он обязательно все сразу заметит.

— Ну еще бы, — едко подняла одну бровь Летуана и осведомилась: — И какая, по-твоему, нам от этого польза?

— Султан должен разозлиться и выкинуть нас из дворца, — уверенно сообщила Дарочка. — Чтобы мы больше ничего не испортили.

— Я думаю, выкинуть действительно нужно, — со вздохом согласилась алхимичка и твердо заключила: — Все твои книжки! Сама этим займись, чтобы ты не засоряла себе голову. И моим будущим

племянницам, если Тодгер, разумеется, не раздумает на тебе жениться, после того как я расскажу ему про эти дикие планы.

— Вот ты и открыла свое черное нутро, золовушка! Я к ней со всей душой, участвую во всех затеях, уродую Тода васильками, вытанцовываю перед чужими мужиками, а как слово против сказала — так она сразу все ему доложит!

— Ну а если тебя иначе не заставишь сначала думать, а только потом говорить и тем более делать? Вот если бы в твой дворец привели, ну, скажем, служанку-рабыню и она, ничего не попросив и не объяснив, тут же начала колошматить твои самые любимые вазы и мазать краской мебель, ты бы сразу отпустила ее на все восемь сторон? Или начала спрашивать, что ей не понравилось?

— Ну...

— Вот именно! А султан — мужчина, причем немолодой и нервный. Он даже верных слуг за мельчайшие ошибки к палачу отправляет. Нет, не на плаху — на порку. Всех подряд, и мужчин, и женщин. У него посреди двора стоит специальный стол, и вокруг всегда куча зевак. Поэтому самое малое, что нас с тобой ждет после таких выходов, — это полежать на том столе с задранными юбками. Ну и получить по пять плетей, это норма для женщин.

— Но меня нельзя пороть! Я принцесса!

— Тогда поздно будет про это вспоминать. Никто даже слушать не будет твоих криков, там все кричат. Думать нужно, прежде чем устраивать в чужом доме погромы.

— Ладно, — помолчав, расстроено буркнула принцесса, — ты права. Но не договорила про амулет своего брата. При чем тут его походы в гости?

— Очень просто. Кади на каждый лучик привязал какое-то место, так многие маги делают, поэтому все камни разного цвета. Когда мы были на острове, светился розовый, ну это и понятно, там куча девушек, а они ассоциируются с розами. А вот родному дому, как я думала, должен был соответствовать желтый цвет, в детстве все кажется солнечным и светлым. Но попали мы сюда. Вот теперь и пытаюсь вспомнить, какой все же цвет он любил, чтобы наверняка попасть домой.

— Это и в самом деле трудный вопрос, — уважительно кивнула Дарочка. — Родные зачастую даже представления не имеют, какой цвет любят их дети. Когда мы подросли и королева решила переселить нас из детских комнат в просторные покои, она распорядилась отделать их в розовых тонах, это, видите ли, самый девичий цвет. Слышала бы ты, как дружно мы кричали: «Нет, только не мне!» Матушка едва в обморок не

упала от расстройства. А мы-то точно знали — все фрейлины, которым разрешается жить во дворце, переезжая, первым делом начинают натаскивать в свою комнату розовых вещиц. Покрывала, шторы, балдахины и ковры. Мы тайком над ними подшучивали, и, разумеется, никто из нас не желал иметь подобную комнату. А еще никто не любил белый цвет, у нас в детстве были белоснежные комнаты, хватило по горло. Даже маленький лепесток или бумажка от конфетки сразу всем видны, и бонны тут же начинают рассказывать про порядочных принцесс.

— Я тебя понимаю, — невесело согласилась Лета, тайком вздохнула и тихо призналась: — Но и слова бы не сказала, если бы хоть некоторые вещи были другого цвета.

— Может, он поймет... — неуверенно утешила ее ученица и решительно поднялась: — Пойду поищу умывальню.

Через несколько минут она вернулась довольная, посвежевшая и, поблескивая капельками воды на подбородке, с гордостью объявила наставнице:

— Все, можешь за меня не волноваться, я решила твою задачку. В кувшинах может быть хоть яд, хоть приворотное, но, когда в бассейн беспрестанно течет струя воды, никто не станет лить туда яд. Его же и бочки не хватит.

— Раз ты такая умница, то налей мне бокал лимонада, того апельсинового. И не смотри так, просто в горле пересохло.

— А яд?

— Я добавила универсальное противоядие, у каждого уважающего себя магистра такое есть.

— То есть... ты меня обманула?!

— Нет. Просто любому противоядию нужно время для обезвреживания питья или еды. Хотя иногда время заменяется увеличением дозы, но у меня нет с собой бочки зелий, как ты выразилась.

— А еда?

— Лучше бы потерпеть, но если очень хочешь есть, то рискни. Если я замечу тревожные симптомы, то сразу дам тебе противоядие.

— Спасибо, — скептически осматривая стол, кротко кивнула Дарочка, — ты очень добра. Но ставить на себе опыты я пока не готова, а лимонада, пожалуй, выпью.

— Как хочешь, — пряча лукавую усмешку, отстраненно согласилась Летуана и снова уставилась на амулет.

— Мне кажется, они согласятся, — задумчиво буркнул Ахангер, стирая с лица ухмылку. — Принцесса настроена очень решительно. Давно я так не смеялся... разбить мои вазы и начертать на стенах лозунги, ну надо же! Неужели об этом и в самом деле пишут в книгах?

— Увы, мой султан, пишут. Должны же графоманы чем-то зарабатывать на кусок хлеба, — подтвердил маг, закрывая крышкой магический шар. — И я даже знаю, кто и откуда берет такие подробности. Старая Савейде, которую вы двадцать лет назад подарили своему верному спальнику, отправляя его в провинцию, продала свои воспоминания сразу трем щелкоперам.

— Но ведь она пришла во дворец добровольно? — нахмурился султан. — Я пока не страдаю потерей памяти. Когда оказалось, что у духарского эмира гарем на триста дев больше моего, мы объявили свободный вход для красавиц, желающих жить во дворце. Тогда, как сейчас помню, целую луну нельзя было свободно проехать по столичным улицам! Отбор шел днем и ночью, отвергнутые девы прыгали с моста... хвала богам, в тот год была засуха и Тирам сильно обмелел!

— Она нигде не указывает, что это ее собственная биография. Каждая история начинается со слов: «Одна из подруг под страхом неминуемой порки тайком поведала мне свою историю».

— Проныра. Впрочем, она всегда такой была. Мне пришла идея призвать писака и велеть тебе рассказать ему несколько подлинных событий. Можно назвать «Будни гарема».

— Прости меня, господин, за наглость, но я отказываюсь от этого поручения. Лучше порка можжевеловыми прутьями.

— Две.

— По рукам.

— Но почему?

— Лучше я два раза произнесу заклинание исцеления, чем снова буду месяц отбиваться от толп любительниц дворцовой жизни, подросших за последние годы. Да и не придется обновлять наложенные на дворец и все находящиеся в нем предметы заклинания неприкосновенности. Сейчас они отлично справляются со всеми случайностями, а если триста новеньких красоток примутся рьяно проверять на деле вымыслы Савейде, то может произойти осечка.

— Но почему сразу триста... — неуверенно возмутился султан,

покосился на подозрительно равнодушное лицо мага и вздохнул: — Ладно, одну порку отменяю. А насчет другой еще подумаю, неслыханная наглость — повелителю отказывать!

— Увы, мой господин, у меня просто нет другого выхода. Ваша мудрость в прошлый раз, отправив из дворца сотню привядших роз, собиралась набрать столько же бутонов, а набралось полтысячи. И по меньшей мере еще столько же меня с тех пор ненавидит. Одних покушений было полсотни.

— Ладно, не жалуйся. За покушения прощаю вторую порку... и еще три будущих.

— Если я до них доживу, — словно про себя пробурчал Даурбей, бережно поднимая повелителя невидимыми лапами магии и усаживая на свой ковер, и громче добавил: — Прикажете нести вас в покои гостей?

— Прикажу, — усмехнулся Ахангер и облокотился на подушки. — Но не объявляй им сразу, кто я такой.

* * *

— Летуана!

— Да?

— Ты не слышишь, стучат?

— Слышу.

— Так почему не отвечаешь?

— Кому?

— Тем, кто стучит.

— С какой стати я должна им отвечать? Может, это запор прибывают.

— Нет, — послушав еще немного, уверенно объявила принцесса, — я точно знаю, это рукой. Мне всегда стучат, когда я запираюсь в башне.

— Возможно, ты и права. Но с чего ты взяла, что стучат именно нам?

— Ну так ведь в нашу же дверь!

— Когда это ты успела приобрести себе двери? Лично у меня здесь никаких дверей нет.

— Но... — Дарочка осеклась и задумалась. Потом подняла на наставницу синие очи и уверенно сказала: — Раз нас тут поселили, значит, двери теперь наши.

— Это довольно каверзный вопрос, — пряча амулет, назидательно произнесла алхимичка, — чьи двери во дворце султана. Если спросить его самого, пожалуй, отправит на порку. Кроме того, ты не так давно

доказывала, что мы здесь — рабыни. Вот и подумай, станет султан стучать в двери рабынь или нет?

— А может, это не султан?

— Ну, думаю, придворный маг тоже стучать не будет. А прежде чем разрешать войти всем прочим, неплохо бы сначала подумать, а зачем они нам?

— Добрый вечер, красавицы! — томно, как шимурский кот, муркнул придворный маг, вплывая на ковре в комнату мимо настержь распахнувшихся створок дверей.

— А ты сказала, он стучать не будет, — внимательно разглядывая немолодого мужчину, сидящего на ковре впереди мага, глубокомысленно заметила Дарочка.

— Так он и не стучал, — равнодушно пожала плечами Летуана.

Однако принцесса ее уже не слушала. Встав с кресла, девушка чинно приблизилась к висящему в воздухе коврику, мило улыбнулась султану и слегка склонила голову в вежливом полупоклоне, которым по этикету приветствуют только старшего родича.

— Добрый вечер, дядюшка.

— Добрый... что? — озадаченно вылутился Ахангер.

— Как ваше здоровье? — светским тоном осведомилась Дарочка.

— Не жалуюсь, — растерянно прохрипел султан, свирепо покосился на невозмутимого Даурбея и неуверенно поинтересовался: — А твое?

— Большое спасибо за внимание, ваша светлость. Я счастлива приветствовать вас в вашем прекрасном дворце и передать искренние приветы от моего батюшки, его величества Теодоруса Третьего, и моей матушки, ее величества Ледории Дальсены Марголин.

— И как давно ваши досточтимые родители возложили на ваше высочество столь ответственную миссию? — выдавив учтивую улыбку, осведомился Ахангер.

— Ах, его величество частенько рассказывал, что мы состоим в родстве со всеми правителями ближних и дальних пределов. И никогда не забывал напомнить, чтобы при случае передали его приветы и уверения в полнейшем дружелюбии и взаимопонимании.

— Какой замечательный отец его величество Теодорус, — вежливо похвалил султан и тихо пробормотал, бросив колющий взгляд придворному магу: — А я вот, к сожалению, всегда путался в родственных связях, и никто не удосужился мне напомнить.

— Ваш прадед по материнской линии был женат на одной из четырех лирских принцесс, двоюродных бабушек его величества Теодоруса, — тихо

и четко доложил Даурбей. — А пятая дочь вашего двоюродного деда по отцовской линии вышла замуж за троюродного дядю лирского короля.

— Ты просто кладезь знаний, — едко буркнул Ахангер и испытующе уставился на хорошенькую девушку, кротко смотревшую на него синими глазами.

«В шаре она была намного невзрачнее», — невольно отметил султан и перевел взгляд на вставшую за спиной синеглазки пышную красавицу.

— А кто твоя подруга?

— Позвольте представить — магистр алхимии Летуана, моя учительница, — отступив на полшага, с безукоризненной вежливостью представила спутницу принцесса.

— Счастлив видеть в своем дворце такой роскошный цветок. — В улыбке султана сквозили откровенная лесть и тонкий намек.

— Увы, не могу сказать того же, — не приняла игры строго смотревшая на хозяина Летуана. — Мы попали сюда случайно и вовсе не собирались доставлять вам хлопот.

— Ну какие же это хлопоты? — продолжал медово улыбаться Ахангер. — Вы доставили мне неизгладимое удовольствие своим визитом и еще большее — этим разговором.

— Можно один вопрос, дядюшка? — ангельски улыбнулась, снова выступая вперед, Дарочка. — Вы не знаете, в еду, которая стоит на этом столе, подсыпан яд или другие зелья?

— Даурбей! — повелительно глянул на мага султан.

— Наш великий повелитель изволит пригласить вас отужинать в его трапезной, — по-своему исполнил приказ хозяина красавчик.

— С удовольствием принимаем приглашение, — снова все решила за двоих Дарочка, но только Летуана заметила довольную усмешку, скользнувшую в этот миг по полным губам султана.

* * *

— Ну?

— Нету.

Придворный маг кайсамского хана сорвал с себя пахнущую паленым мантию, швырнул в угол и рухнул в кресло. Не глядя подтянул к себе первый попавшийся графин и несколько мгновений жадно глотал прямо из горла, не задумываясь над тем, что именно пьет.

Потом отстранил его, подозрительно заглянул внутрь и, издав тихий

рык, швырнул сосуд в младшего брата.

— Откуда здесь эта бурда?

— Это не бурда, — возразил Тодгер, ловко поймав графин магической сетью, понюхал, закрыл глаза и мечтательно сообщил: — Это любимый лимонад Дарочки, айвовый.

— Допустим. Но что он делает в моих комнатах?

— Ты же мог их привести! А они наверняка хотели бы пить... если даже ты сразу накинулся на напитки.

— Я — другое дело! У меня там свои счета, а женщин они бы напоили и накормили.

— И спать бы уложили, — мстительно хмыкнул Мальгис. — Драконы просто млеют от наивных человечек.

— А ты откуда знаешь? — помрачнел Тодгер и оглянулся на брата, но тот сделал вид, будто полностью увлечен следующим кувшином.

— Так он и рассказал, — уныло пробормотал младший ханский маг, начиная понимать, как зря взялся просвещать родственников магистра.

— Как интересно! — язвительно прошипел Изрельс. — А в королевствах бродят совершенно противоположные слухи! Якобы драконов совершенно не интересуют наши женщины.

— Так они сами их и распускают, чтобы никто не лез к ним искать сбежавших дочерей и невест, — продолжал объяснять Мальгис, с ужасом понимая, что его язык самовольно говорит те вещи, о которых он и близко не собирался рассказывать, и попытался перевести разговор на более нейтральную тему: — Скандалы и плохая репутация драконам не нужны. Они же не дураки, понимают, как разорительны войны, вот и предпочитают жить со всеми в мире.

— Не надо о политике, продолжай про женщин, — сквозь зубы рыкнул Тодгер, и старшие магистры вытаращились на него с неподдельным интересом.

И было чему изумляться. Ядовито-зеленый туман, видимый только магическим зрением, клубился вокруг головы Тода, и пара подрагивающих зеленых щупалец, подозрительно похожих на болотных гадюк, протянулась от него к темени Мальгиса, снова принявшегося уныло вещать о женщинах, прельстившихся огненными красавцами.

* * *

— Если мои уважаемые гости изволят рассказать, каким загадочным

образом они попали к дверям моего дворца, то, возможно, мы сумеем помочь вашим бедам, — светясь добродушной улыбкой, ласково произнес султан, едва понял, что девушки не смогут больше съесть даже изюминку.

И был несказанно потрясен, когда синеглазая «племянница» нахмурилась, зачем-то оглянулась на свою наставницу, потом, нервно крутя в пальцах лепесток цветка, виновато взглянула ему в глаза:

— Не обижайтесь, дорогой дядюшка, вы, конечно, просто замечательный, но помочь нам в этом вопросе не сумеете.

Ахангер вмиг задохнулся от неожиданно хлестнувшего душу оскорбления. Да как она смеет! Девчонка! Да у него таких, как она, не одна тысяча, и все довольны и счастливы! А у этой какой-то особенный вопрос, видите ли!

Он крепче стиснул зубы, сдерживаясь, чтобы тут же не отправить ее к палачу, и даже глаза зажмурил, страшась, как бы принцесса не увидала там свой приговор. И тут же проклял Даурбея, придумавшего такую глупую игру — помогать беглым принцессам.

— Ваше высочество... — Уважительный голос придворного мага показался султану насмешкой над ним, всеми почитаемым правителем великого султаната и его столицы, великолепного Тогдада! Рука Ахангера сама легла на рукоять кинжала, но Даурбей не смолк, а продолжил с той же любезностью: — Неужели вы позволили себе усомниться в мудрости нашего повелителя?

— Ни на миг, — твердо ответила принцесса, и у султана хватило сил приоткрыть глаза, рассмотреть гордо вздернутую головку, пылающие возмущением синие очи. — Как вы могли такое подумать? Я абсолютно уверена в величайшей мудрости его светлейшества и точно знаю — ему под силу решение наисложнейших задач. Но все дело в том, что он мужчина! Как и вы... и потому никогда не поймете нашей беды.

— А женщины, значит, поймут? — начиная про себя ругать собственную горячность, с еле заметным сарказмом осведомился Ахангер.

— Но ведь поняли же нас заложницы хана Бейдизара на лазурном острове? — пожала плечиками принцесса. — И все прониклись. Как одна. Помогали нам одурачить магов и пожелали вместе с нами уйти с острова. Тоже как одна.

— Я готов позвать на помощь своих старших жен, — помолчав несколько тягучих, как нуга, минут, твердо изрек султан и приказал магу: — Пошли за ними свой ковер.

— Как пожелает мой повелитель, — склонил голову Даурбей, движением руки отправляя куда-то покорное средство передвижения, и

очень тихо выдохнул на староайгурском наречии: — Но если они уговорят уйти из дворца и ваш гарем, молю — прежде чем отправлять меня к палачу, припомните, чья это была идея.

— Не сумеют, — на том же старом наречии самоуверенно буркнул султан. — А если уговорят, держать никого не стану. Но все уйдут в том, в чем стоят.

— Это очень опасное условие, — так же тихо и на том же языке заметила молчавшая до этого момента Летуана. — Если кто-то останется, вас потом съедят сомнения — почему. Ради любви к вам все же или из-за камней и тряпок?

— А можно перевести для не понимающей этот язык принцессы? — кротко осведомилась Дарочка, разглядела окаменевшие лица мужчин и с укоризной уставилась на спутницу: — Чем таким ты огорчила моего дорогого дядюшку?

— Староайгурское наречие считается мертвым языком, — спокойно просветила та принцессу, а заодно и всех присутствующих, — и раньше на нем разговаривали и переписывались только алхимики. Но в последнее время он вошел в моду у шпионов и заговорщиков, я сама переводила перехваченные письма по просьбе одного сыщика.

— И о чем же вы разговаривали на этом шпионском языке? — Дарочка умела быть невероятно настойчивой, когда хотела.

— Обсуждали отвлеченный вопрос, — уклончиво ответила Летуана. — Что именно выберут девушки из гарема — свободу и единоличного мужа или свои наряды и драгоценности.

— А султан собирается предложить своим наложницам такой выбор? — изумленно вытаращила прекрасные глаза принцесса, не замечая, как яростно начинает подергиваться желвак на скуле стиснувшего зубы Ахангера. — Очень необычное решение. Будь я на месте его девушек, сначала посмотрела бы на нового жениха, выбирать нужно человека, а не вещи. С некоторыми мужчинами никакого золота и бриллиантов не захочешь.

— Кого это ты имела в виду? — тотчас насторожилась ее наставница.

— Никого, это так, отвлеченный образ, — незаметно вздохнула принцесса и перевела взгляд на Даурбея: — А долго ждать моих тетюшек? Или они могут не прилететь?

— Боюсь, — хмуро сообщил красавчик, — отказаться они не посмеют. Но лично я уже многое отдал бы, чтобы вернуться на полдня назад.

— Я вас так понимаю, — с сочувствием кивнула Дарочка. — Я тоже вернулась бы назад... хоть на сутки, а лучше на декаду. К сожалению, это

невозможно.

— Только не мне, — процедил сквозь зубы султан и жестко приказал: — Даурбей! Верни ковер назад, пусть женщины отдыхают. И прикажи отнести в гарем побольше сладостей и орехов. Скажи, султан пожелал устроить женам проверку, а теперь награждает их за беспокойство. Иди.

— Слушаю, мой господин, — склонил голову Даурбей и тотчас растаял в воздухе.

— Я услышал ваши слова, обдумал и признаю справедливыми. Но не желаю ничего менять в своей жизни и в судьбах живущих в моем дворце женщин, — строго глядя на насторожившихся гостей, веско произнес Ахангер, помолчал, нахмурился и нехотя добавил: — Я никогда и никому не объясняю причины принятых мной решений, но для вновь обретенной племянницы один-единственный раз сделаю исключение. Сейчас я отдал приказ не из жестокости или самодурства. Просто до конца осознал, чем может обернуться ваше знакомство. Вы расскажете моим женщинам свою историю, они начнут переживать и обсуждать это со всем гаремом, и, разумеется, вскоре найдутся девушки, тоже желающие уйти из дворца. Я вполне мог бы отпустить хоть сотню, хоть две, и даже драгоценности им отдать. Но если кто-то из них попадет в беду или не сможет выжить после той роскоши, какой они тут окружены, виновным буду я как проявивший слабость. А правитель не имеет права быть слабым и непредусмотрительным. Все. Теперь о ваших делах. Сейчас вы рассказываете мне о них без утайки, и я обещаю помирить вас с вашими мужчинами.

— Спасибо большое, дорогой дядюшка! — восторженно улыбнулась ему Дарочка, порывисто обернулась к сидящей рядом алхимичке и крепко ухватила за ее руку: — Слышишь, Лета? Дядюшка так добр — позовет Тода, Изверга и всех остальных, и мы вернемся домой...

Губы девушки кривились в неподдельном отчаянии, а ее синий глаз подмигивал так неистово, что Летуана не выдержала. Одной рукой покрепче вцепилась в драгоценный саквояж, а другой крутнула первый попавший камень в амулете переноса.

* * *

— Посторонним входа нет! — Две огромные секиры, лязгнув, сдвинулись перед носом пришельцев.

— Я не посторонний! Я магистр Кадерн! Позовите магистра Даурбея!

— Он не придет! — дружно рявкнули две глотки.

— Почему?

— Прячется.

— Где? — изумился маг.

— Наш друг хотел спросить «почему»? У вас игра в прятки или война? — дружелюбно улыбнулся стражам гость, чье лицо было щедро изрисовано цветами ириса.

— У нас султан бушует, — опасливо оглянувшись на чугунное кружево ворот, громким шепотом хором объяснили ифриты.

— Из-за чего? Гарем маловат?

— Гарем набит, как мешок с горохом. Две новенькие рабыни сбежали, — так же дружно просветили великаны гостя с вишневой гривой. — Прямо во время ужина.

— Так он пожелал с ними поужинать? — озадаченно нахмурился Кадерн.

— Старая скотина, — скрипнул зубами Тодгер и сердито засопел, получив от старшего брата незаметный тычок.

— А почему прячется Даурбей? Или он им помогал? — продолжал допытываться гость с ирисами.

— Мы не знаем! — дружно рявкнули ифриты.

— Шепните ему — пусть идет сюда. Мы подыщем ему новое выгодное место, — немного подумав, предложил Кадерн. — А ваш султан пусть еще попробует найти себе другого такого же пройдоху.

— Спасибо за комплимент и за заботу, — раздался откуда-то сверху насмешливый голос, — но я пока доволен своей должностью.

Большой пушистый ковер перелетел через высоченную арку ворот и завис рядом с магами.

— Какие гости! Изрельс! Кадерн! Тодгер! Какая неожиданность! А это кто такой? Дайте припомнить... кажется, Мальгис, младший придворный маг кайсамского хана? И какие же невероятные причины могли привести вас такой компанией к этим вратам? Война, потоп, извержение вулкана?

— Думаю, те самые, по каким ты прячешься от своего повелителя, — ехидно ухмыльнулся Изрельс. — Но тем не менее я рад тебя видеть. Давно хотел поведать, да занят был.

— Черную Туа дрессировал, — желчно фыркнул Тодгер.

— Лучше помолчи! — жестко сверкнули глаза его учителя, и тот снова пытливо уставился на Даурбея: — Так почему ты прячешься от султана? Неужели помог девушкам сбежать?

— Нет, не поэтому. Да я и не помогал, и даже не собирался, если

честно. Сами исчезли, с амулетом Кадерна его сестрица управляется так же лихо, как ее ученица — с султанами. Просто я не успел засечь направление, в котором они ушли, а великий Ахангер желает знать, где их искать.

— Чтобы продолжить ужин с того же самого момента! — съязвил Тодгер.

— Вот именно. Но вы можете нам помочь, если согласитесь отправиться со мной к повелителю.

— Кому — нам? — насторожился Изрельс.

— Ловушка, — еле слышно вздохнул Мальгис.

— Нельзя ли поточнее? — прищурился Кадерн.

— Все, кто согласится, — мои личные враги! — отчеканил Тодгер.

Маги оглянулись на придворного мага лирского короля, резко отшатнулись и смолкли, а ковер Даурбея ласточкой юркнул за спины огромных фиолетовых ифритов.

— Это что еще за фокус? — изумленно рассматривая вьющихся над головой Тодгера зеленых туманных змей, опасливо осведомился из засады придворный маг дугрейского султана.

— Новая семейная способность у него недавно проснулась, — нехотя буркнул Кадерн. — Мы же из потомственных магов. Вот иногда и получают некоторые редкий или даже никому не известный дар. Поэтому братца лучше не злить.

— Да никто его сердить и не собирался, — картинно обиделся Даурбей. — Он совершает банальную ошибку всех ревнивых мужчин. Сам про свою девушку придумал гадость, сам в нее поверил и сам же на нее обиделся.

— Не передергивай! — яростно рыкнул Тодгер, и зеленые змеи взметнули ввысь острогубые головки. — Я про свою Дарочку никогда плохого не подумаю! Могу руку дать на отсечение, ничего фривольного она себе с султаном не позволила! Да и тебе похвастать новой победой не придется, хотя по Средиземью ходят занимательные легенды об изворотливости мага, охраняющего султанский гарем.

— Я на его месте тоже охранял бы день и ночь, — шепотом признался Мальгис.

— Если бы вы меня дослушали, — оглянувшись на дворец, сердито буркнул магистр султана, — сейчас не пришлось бы спорить. Но ругаться с вами мне теперь не с руки. Полезайте на ковер, отправимся в одно надежное местечко.

— А может, лучше ты отправишься с нами? В один из моих замков? Там нас никто и никогда не найдет, — попытался уговорить Даурбея

Изрельс, но тот лишь пренебрежительно фыркнул:

— Вам силу беречь нужно. Насколько я помню, в амулете Кадерна шестнадцать лучей, а Летуана поворачивает все подряд. Не упрямитесь, мой ковер донесет нас за минуту... Даю слово темного мага, никаких ловушек я не готовлю.

— Верится с трудом, — снова вставил словечко недоверчивый Мальгис, но остальные слову Даурбея поверили и через несколько мгновений неслись сквозь нежные утренние облачка к верхней площадке самой высокой башни самого огромного дворца Тогдада.

* * *

— Ну вот зачем ты заставила меня сбежать? И я хороша — повелась, как распоследняя служанка, самой теперь непонятно почему!

— Во-первых, ты и сама знаешь, как я была права. Вернул бы он нас Извергу с твоим братцем — и все началось бы с того же самого места, откуда мы ушли! Тод посадил бы меня в свой замок, а Изверг сделал бы тебя черной Туа и отправил на кухню! А лет через десять ты уже и не удивлялась бы, откуда у тебя взялась стойкая привычка безропотно подчиняться каждому окрику!

— Тебе рановато об этом судить, но и с себя я вины не снимаю. И клянусь, больше никогда не буду использовать амулет наугад!

— Как будто ты можешь использовать его как-то иначе, — примирительно вздохнула Дарелетта и теснее прижалась спиной к наставнице.

После того как за горизонтом угасли последние сполохи нежно-сиреневого заката, на крохотном островке, почти кочке, со всех сторон окруженной необъятным болотом, стало прохладно. Да еще и зыбкий туман, с наступлением ночи поплывший над чахлыми кустиками и бочажками, принес промозглую сырость, проникавшую под легкие батистовые платья, так опрометчиво надетые девушками на жарком островке Наслаждений.

Однако вспоминать про собственные накидки, неблагоприятно оставленные где-то невероятно далеко, не собиралась ни алхимичка, ни ее ученица. Да и возвращаться с поражением на остров, откуда они уходили победительницами, никто из беглянок тоже не желал. Летуана точно знала, какая выволочка ждет ее от старшего брата за избавление его от любимых амулетов, а Дарочка не могла не догадываться, куда отправит ее будущий

деверь, если они сами свалятся ему в лапы.

— Лета... а может, попробуем посмотреть на другое место? — пожившись, задала принцесса вопрос, который занимал ее уже несколько минут. — Просто посмотреть... и сразу назад. А вдруг окажемся у тебя дома? Нет, я, конечно, не горю желанием оказаться перед твоими родителями — судя по вам с Тодом, они далеко не такие простаки, как мои. Но хотя бы выпьемся в тепле. А то у меня уже спина промерзать начинает.

— Не хнычь. Я думаю.

— И много уже надумала? — С надеждой повернула к ней голову Дарочка и вдруг охнула, уставившись в темноту: — А... эт-то... чт-то так-кое?

— Все-таки ты заикаешься, — отстраненно отметила алхимичка и нехотя повернула голову. — Вернемся — возьмусь за твое лечение.

— Возьмись, — торопливо согласилась принцесса, и ее зубы вдруг предательски лязгнули. — Т-только п-посмотри снач-чала с-сюда. Да куда ты смотришь в об-братную ст-торону!

— Могу и в другую, — так же флегматично согласилась Летуана, оглядываясь.

— Н-ну? Н-ну, Леточка, миленькая! Ты их тож-же видишь или это т-только у м-меня от х-холода м-мираж? Ну не молчи же!

— За «миленькую» прощаю тебе истерику, — задумчиво проворчала Летуана. — И перестань дрожать. Это всего лишь болотные огни, но вот возникают они вовсе не на пустом месте. И теперь мне очень любопытно, зачем сюда ходил мой брат.

— А з-зачем он-ни идут к н-нам, т-тебя н-не интересует?

— Их создают два народа, кикиморы и дриады. Вернее, дриады создали кикимор, а те научились вызывать болотные огни.

— И ч-чем н-нам г-грозит з-знакомство с д-дриадами?

— Я же сказала: все зависит от того, чем занимался Кадерн. Если торговал с ними, то мы попытаемся договориться, а если потихоньку таскал отсюда редкие растения, то нас возьмут в плен, а брату отправят послание.

— Так нажимай же лучик, Лета! Быстрее нажимай! — дикой кошкой вцепилась в нее Дарочка. — Никогда не поверю, что твои братья могут что-то купить честно. Они же темные маги!

— Темные маги — не воры и не убийцы, я тебе это уже объясняла! А нажимать поздно... не видишь, туман завис вокруг нас куполом? Никуда мы перейти не сможем, он магию из любых заклинаний сосет. А если даже и вырвемся, то уйдем недалеко, в соседнюю трясину.

— Тогда хоть объясни, как с ними разговаривать! — охнула принцесса,

и не думая отодвигаться от наставницы.

Наоборот, прижалась еще теснее.

— Никак. Они сами все скажут, чего захотят, тогда и решим, как поступить. Если ты не задушишь меня к тому моменту.

— Я не задушу, — вежливо, как на приеме иностранного посла, пообещала Дарочка и тут же твердо объявила: — Но отпустить не могу. Вдруг выдастся возможность...

Она многозначительно смолкла, а Лета тайком вздохнула. Старший брат, всегда видевшийся ей таким скучным, занудно-правильным сухарем, внезапно начал раскрываться с таких неожиданных сторон, что магистру алхимии начала казаться скучной собственная, зачастую черно-белая жизнь. Ведь тот требовательный и холодный всезнайка, который жил в памяти Летуаны, никогда не стал бы ходить по таким непредсказуемым местам.

Да она даже не ожидала, что, крутя камни его амулета, может очутиться рядом со всем известной громадой тогдадского дворца, заслонявшего своими высоченными стенами столицу Дугрея от вплотную подступавшей пустыни. Султан Ахангер вовсе не тот человек, по чьим землям могут свободно бродить все, кому вздумается.

Да и свободного обращения Када с невольницами островка Наслаждений тоже не предполагала, и, несмотря на весь свой опыт замужней женщины, изрядно смутилась, рассмотрев, каким жарким огнем разгораются глаза старшего брата в ответ на игривые движения островитянок.

А теперь вот дриады! Необщительные, строгие, никому не открывающие ни проход в свои владения, ни своих тайн. Непонятно, как Кадерн умудрился получить привязку к островку в самой глубине их болот. Но тревожил Летуану вовсе не этот вопрос.

Ей было страшно даже подумать, куда они с ученицей попадут в следующий раз. Поэтому Лета и пообещала себе не притрагиваться к все более пугающему ее амулету до последнего. До того самого момента, когда никакого другого выхода просто не останется.

А огни уже сияли у самого края туманного купола, полупрозрачного и плотного, как матовое стекло. И не просто сияли — обтекли его со всех сторон неторопливым ручейком, подсветили мерцающими бликами ярко-зеленую траву и две сжавшиеся женские фигурки в самом центре.

— Вот теперь я прекрасно понимаю, что чувствуют золотые рыбки, когда вокруг их вазы с водой ставят подсвечники, — с нервным смешком пробормотала Дарочка почти в ухо наставнице, помолчала и с сомнением

осведомилась: — А нам точно не нужно встать и сделать тройной церемонный реверанс, как перед папенькой, когда он сидит на троне?

— Можешь стишок рассказать, — съязвила Летуана и тут же спохватилась: — Но лучше всего помалкивай. Вообразила себя рыбкой? Ну и делай, как они, — самое верное средство.

Огни вдруг собрались на вершину купола, засветились маленьким, переливающимся разными цветами солнышком, и туман растаял, открывая стоящих вокруг островка женщин.

— Кто вас прислал? — мелодично спросила одна из них, но незваные гости словно языки проглотили.

Да можно ли не потерять дар речи перед дивным зрелищем?

Все в лесных повелительницах было необычным, даже стояли они не на траве и не в болотной жиже, как виделось до этого Дарочке. Ничего подобного, под ногами у каждой обнаружился пышный коврик цветущей курчавой травы, хотя их ног принцесса тоже не рассмотрела. Они были скрыты длинными подолами чудесных платьев, затейливо, словно дорогое кружево, сплетенных из ажурных листиков, травинок и тонких веточек. Украшением чудесным нарядам служили букетики и гирлянды незнакомых принцессе сказочно прекрасных цветов.

Но особенно сразил Дарочку облик дриад, еще более изысканно восхитительный, чем их одежда. Хрупкие, изящные, бледнокожие и зеленоглазые, они казались выточенными из мрамора статуэтками с совершенными формами. Медь длинных волос, украшенных роскошными венками, слегка отливала благородной зеленью, но это ничуть не портило дивных лиц. Наоборот, в этом зеленоватом сиянии они выглядели еще более величественными, как любая картина, попавшая в вычурную раму из старинной бронзы.

— Они рыбок изображают, — почтительно сообщил один из спутников лесных повелительниц, но в этом вежливом пояснении принцесса прекрасно расслышала веселое ехидство.

Она мгновенно перевела взор на мужчин, стоявших в тени прекрасных дев, и очень вовремя вспомнила совет Летуаны.

Молчать.

И сама себе клятвенно пообещала выполнить это распоряжение и съесть ломтик лимона без сахара за каждое слово, произнесенное в его нарушение. Так как мужчины тут тоже были далеко не простые.

А если признать, не кривя душой, то совершенно необычные, невероятные, невообразимые и...

Дальше всякие слова терялись, оставался только восторг, смутивший

душу принцессы и заставивший ее сердце забиться быстрее. Где-то в глубине сознания Дарочка понимала, как это неправильно и неразумно, но мысли металась, как куры, всполошенные появлением коршуна, и никак не желали успокаиваться.

Да и кто из женщин остался бы спокойным, разглядев мускулистых и рослых меднокожих красавцев с пышными гривами каштановых волос?

Одеты они были лишь в короткие бриджи и безрукавки из темно-зеленого бархатистого материала да в витые серебряные пояса, украшавшие тонкие, гибкие торсы.

— В этой сырости мы и в самом деле уже начинаем превращаться в рыб, — буркнула Летуана, до глубины души огорчив ученицу своим мрачным тоном и глупым заявлением.

Разве можно так разговаривать с этими... вот с этими! Да тут нужно каждое слово обдумывать, каждое движение проверять, чтобы не выглядеть последней деревенской замарашкой на фоне зеленоглазых прелестниц. Иначе эти невероятные мужчины начнут презирать гостей, даже не успев их хорошенько рассмотреть!

— В русалок, — так же вежливо заметил другой красавчик, и Дарочка по ехидным ухмылкам, мимолетно скользнувшем по губам мужчин, догадалась, что это какая-то местная шутка, всем знакомая, но далеко не добрая.

— Они действительно мерзнут, — ровно произнесла ближайшая прелестница. — Несите в тепло.

Эти простые слова произвели такой неожиданный эффект, какой никогда не производили самые строгие повеления короля. Да и королевские воины, как хорошо помнилось принцессе, никогда так рьяно не бросались исполнять команды своих офицеров.

А тут возле них с Летуаной словно смерч взвился: сразу несколько пар рук подхватили, нежно разжали судорожно стиснутые кулачки Дарочки, отрывая ее от наставницы, и вихрем потащили куда-то. Девушка ни испугаться, ни опомниться не успела, неожиданно для себя обнаружив, что сидит на крепких руках, тесно прижатая к горячей, бесстыдно полуобнаженной мускулистой груди.

Разумеется, она прекрасно знала, как положено действовать в таких случаях приличным девушкам. Нужно возмутиться и ледяным тоном потребовать поставить себя на место, но... Дарочка молчала, как самая покорная рабыня.

Ведь приказать нетрудно, а ну как он и в самом деле поставит? Прямо в болото, по которому сейчас несется со скоростью скакового жеребца?

Дарочке же сверху хорошо видны цветущие кочки и редкие кусты, хотя курчавящиеся волоски, нагло выглядывающие в вырез мужской безрукавки почти рядом с ее лицом, притягивают взгляд гораздо сильнее.

Впрочем, заросли с каждым шагом становились все гуще, и пышные ветки несколько раз хлестнули принцессу по спине и голове. Но несший ее мужчина мигом развернул девушку к себе лицом, выставив вперед плечо и локоть руки, обнимающей Дарочкину талию, и с этого момента все удары приходились на его долю.

Зато принцессе достался запах мужского пота, жареного мяса и каких-то пряных трав, и ей пришлось покрепче сжать губы и даже глаза зажмурить, чтобы не выдать взглядом своего восторга.

И когда ее прямо в одежде бережно опустили в теплую воду, принцесса снова смолчала, только сжалась в комок, представив, каким прозрачным сейчас станет платьице из легкого шелка, полученное от магистра Даурбея для ужина с его повелителем. Не стоит показывать свои прелести мужчинам, живущим рядом с ошеломляюще красивыми дриадами, иначе услышишь лишь очередную колкость.

— Не надо меня в воду! — раздался рядом возмущенной голос Летуаны. — Поставь на сухое! У меня в карманах полно зелий, хочешь, чтобы моя ученица умерла от неизвестного яда?

— А почему ты носишь в карманах неизвестные тебе яды? — ехидно осведомился мужской голос, и Дарочка мгновенно распахнула глаза и повернулась в ту сторону.

— Кто сказал тебе такую глупость? — таким же язвительным тоном отозвалась алхимичка. — Все я знаю, я магистр. Но вот какой яд получится, когда мои пилюли разом растают и смешаются, тебе не скажет даже консилиум из самых сильных магов.

— Так ты шла сюда за редкими ингредиентами, — нагло ощупывая взглядом словно не замечавшую этого Летуану, еще насмешливее протянул стоявший перед ней красавец.

— Ничего подобного! — дерзко усмехнулась она. — Ни о каких травах и плодах я даже не думала. Просто спасала себя и ученицу, вот и нажала в амулете первый попавший камень.

«Ну вот почему Лета такая простушка?! Нужно ловить момент, пока ею такой мужчина заинтересовался, а она откровенно рассказывает все свои тайны, теперь только мужа упомянуть осталось!» — расстроилась Дарочка, даже прикрываться забыла, и немедленно получила несколько очень горячих и откровенных взоров.

Принцесса тотчас же охнула про себя, снова скрестила руки на груди и

встревоженно уставилась на наставницу, спокойно складывавшую в саквояж свои припасы.

— Идите приготовьте девушкам спальни, — мелодично прозвенело где-то за спиной, и всех мужчин, кроме двоих, словно ветром сдуло.

Даже обидно стало... так жарко смотрел и, а едва зеленоглазая чаровница произнесла четыре слова, как про гостей мигом позабыли.

— Одну спальню! — строго крикнула вслед Летуана. — Моя ученица просватана! Она невеста моего брата!

— Извини, сестра, но в наших пределах ваши договоренности недействительны.

Смысл фразы, произнесенной хозяйкой этих пущ сладкозвучным, но ничуть не извиняющимся голосом, до Дарелетты, восхищенно озирающей оставшихся меднокожих красавцев, дошел не сразу, а когда она поняла, о какой договоренности идет речь, то немедленно возмутилась.

Да не было ничего подобного! Никто и ни о чем с ней не договаривался, и никаких признаний в вечной любви она никогда не слышала! Во всяком случае, от брата наставницы! От него и предложение выйти замуж принцесса получила возмутительно сухим и деловитым образом, так лошадей в пару подбирают или гобелен в столовую, а не любимую жену.

Но едва Дарочка собралась объяснить все это бронзововолосым прелестницам, как Летуана наклонилась, ловко засунула ей в приоткрытый рот какую-то пилюлю и властно приказала:

— Глотай, это профилактическое от всех болезней, чтоб после не жаловалась и сопли не распускала.

И ее ученица покорно зелье проглотила — привыкла за несколько последних дней беспрекословно подчиняться своей наставнице.

А Летуана выпрямилась, вежливо улыбнулась хозяйкам и заявила:

— Спорить не буду, хозяин — бог и падишах для тех, кто у него в гостях. Но я алхимик с дипломом лекаря и, взявшись за лечение, согласно правилам ремесла не имею права оставить больного на произвол судьбы. Поэтому вы можете приготовить столько спален, сколько пожелаете, но лично я намерена эту ночь просидеть у постели моей пациентки.

— А как же ужин?

— Один день воздержания мне не повредит, — не моргнув и глазом кротко вздохнула алхимичка, и Дарочка вяло восхитилась ее лукавством — всего несколько часов назад они попросту объелись за столом у султана.

Да и невозможно там было не переесть, блюда сменялись как по волшебству, и все такие изысканные и заманчивые... Нагулявшимся по

пустыне девушкам не хватило силы воли, чтобы не попробовать всего хоть понемногу.

— Несите ее в спальню, — строго объявила хозяйка этого странного места, и снова мужские руки бережно выхватили Дарочку из воды, прижали к крепкой и теплой груди и куда-то понесли.

Но вот странное дело, хотя принцесса по-прежнему видела, как хорош и мужественен профиль ее носильщика и все так же нежны и многозначительны взгляды, какими он изредка награждал свою прелестную ношу, в ее сердце больше не бушевал шторм восторга и его яростные порывы не обжигали душу.

Даже больше — девушке почему-то все больше не нравилось, как тесно прижимают ее к чужому телу сильные руки, как бесстыдно обхватила бедра одна ладонь и как незаметно поглаживают округлость груди пальцы другой. Кроме того, постепенно усиливался резковатый запах мускуса, пота и еще каких-то трав, вызывавших все более стойкое неприятие, почти тошноту. Однако Дарочка была прирожденной принцессой и точно знала: принцесса не имеет права устраивать скандалы, как рыночная торговка, если ее исподтишка шлепнет по мягкому месту наглая ладонь, зато имеет право отомстить с королевским размахом.

Жаль только, не было у нее сейчас под рукой ни отчего дворца, ни привычной власти, даже толпы служанок и тех не было, потому-то на особо грандиозную месть рассчитывать не приходилось. Пришлось обойтись мелкой, но возместить ее незначительность обширностью.

Ловкие пальчики принцессы, приученной едва ли не с детства заниматься рукоделием рядом с сестрами, зарылись в пышную гриву носильщика, доходящую ему почти до середины спины, и принялись поглаживать и теребить упругие, вьющиеся волосы. Попутно они завязывали самые крепкие узелки, выплетая сложную, замысловатую сеть, какую можно распустить, только если хорошо знаешь, с какого края нужно начинать.

Губы мужчины разъехались в самодовольной, кичливой ухмылке, и приглядывающая за ним из-под полуопущенных ресниц принцесса не смогла сдержать разочарованный вздох. Да если бы она позволила себе так погладить по волосам Тода, его глаза сияли бы сейчас, как начищенные к празднику канделябры, а в руках появились бы все отвергнутые ею драгоценности, какие он постоянно таскал в карманах в надежде на внезапный приступ Дарочкиной благосклонности.

Ладонь носильщика ощутимо и вполне недвусмысленно сжала округлость, на которой лежала, и щеки принцессы полыхнули жарким

огнем оскорбленной гордости. Да как он посмел?! Случайно не забыл, кого держит на руках?! Законную принцессу, между прочим, а не подавальщицу из придорожной харчевни! Или возомнил, будто имеет право обращаться с девушками как заблагорассудится, раз судьба выдала ему смазливую рожу и мускулистое тело?!

Так Дарелетту этим не удивишь, она каждое утро под своими окнами целый отряд таких красавцев видит. А кроме них — полный дворец придворных кавалеров, знатных господ из своего королевства и из соседних... и, наконец, Тод! Дарочка вспомнила, каким видела его в последний раз в шаре Летуаны. Несчастливым и сердитым, с васильками и незабудками на щеках и лбу. Представила, какими злыми словами поминает ее сейчас самый преданный поклонник, и тяжело вздохнула.

Наглая лапа снова тиснула ее, давая понять, что незамеченным девичий вздох не остался, и в ответ на этот почти хозяйский жест пальчики принцессы забегали по голове носильщика с сумасшедшей скоростью. Пора было прятать концы плетения, связывая их со случайными прядками.

— Вот твоя спальня, — открывая ногой дверь, усмехнулся красавчик, опустил Дарелетту на пол и еле слышно шепнул: — Как взойдет луна, открой окно.

Повернулся и ушел, словно не заметив стоящую в двух шагах от него Летуану. Та лишь презрительно усмехнулась, плотно прикрыла дверь и сурово приказала Дарочке:

— Снимай одежду, я повешу сушить.

— А я в чем буду?

— Возьмешь покрывало и завернешься. А как пойдешь к окну, можешь снять, там не понадобится.

— А может, мы где-нибудь в другом месте высохнем? — опасливо оглянулась на окна принцесса.

— Не получится, — неожиданно облегченно выдохнула ее наставница и заулыбалась: — Из этого места нельзя уйти без позволения хозяев, особенно вечером и ночью. Нам нужно продержаться до рассвета, но вслух лучше ничего не обсуждать и ни о чем не разговаривать. Раздевайся, дам я тебе нижнее белье и шаль. А вот запасные платья остались у султана.

Дарочка успела переодеться, высушить и расчесать волосы и теперь, сидя на низкой и широкой лежанке, усыпанной кучами подушечек, наблюдала за наставницей, сосредоточенно мешающей в маленькой чашечке какие-то зелья. На все вопросы Летуана отвечала призывающим к молчанию жестом, но ее ученица и так успела понять, что в гареме султана

они были в большей безопасности, чем в этой непривычной комнате, где и пол, и потолок, и стены густо поросли мягким голубоватым мхом.

А еще догадалась, что та пилюля была вовсе не от простуды, и значит, далеко не по своей воле она вдруг охладела к мужественной красоте здешних обитателей. Но ничуть об этом не жалела — наоборот, все сильнее опасалась восхода луны и корила себя за необдуманный поступок. Вот ведь все детство твердили ей: «Семь раз подумай, прежде чем сделать шаг! Ты принцесса и не имеешь права на ошибку! И в случае промаха изменить свое решение тоже не можешь: народ не уважает правителей, у которых настроение и планы меняются чаще, чем весенний ветер!»

Хотя с другой стороны... Если бы она не попыталась отомстить наглецу, то сейчас, вспоминая унижительную покорность, с какой позволяла мять себя, как тесто, непременно сгорала бы в жарком огне неотступного стыда.

Дарочка тихо вздохнула, глянула на окно и обмерла, обнаружив за странным радужным стеклом темный силуэт лохматой мужской головы и светящиеся жарким нетерпением глаза.

— Лета! — С приоткрытых губ принцессы невольно сорвался тревожный вскрик, и на них тут же легла крепкая ладошка наставницы.

— Тсс!

Поздно — незваный гость уже нашел отступивших к стене девушек и вперился в Дарочку властным, призывным взглядом:

— Милая... я жду тебя! Иди ко мне, я покажу тебе самые чудесные места этого леса... открою сундуки с волшебными дарами... наряжу тебя в шелка и парчу, осыплю самоцветами, одарю самыми восхитительными цветами... Ты станешь прекрасней всех принцесс этого мира, у тебя будут наряды, каким позавидуют ханские жены, украшения, каких нет даже в гареме султана.

«Зря он помянул хана и султана», — едко ухмыльнулась внимательно следившая за ученицей Летуана, сразу приметившая, как скривились красивые губы принцессы, но ладошку с ее губ не убрала. Наслышана была о привычках дриадских стражей и точно знала — это только начало. Самые яростные атаки еще впереди.

Призрачная, насквозь просвечивающая мужская рука прошла сквозь оконце, закрытое крылышками гигантских радужных стрекоз, водившихся только в этих местах, и, непомерно, жутко удлиняясь, потянулась к принцессе, неся на широкой ладони ворох неестественно ярко сверкавших эфемерных украшений. Несказанной красоты и неимоверно тонкой работы ожерелья, пояса, браслеты казались сплетенными волшебной кружевницей

из золотых и серебряных нитей и усыпанными крупными бриллиантами и редким, голубым жемчугом.

Даже у Летуаны перехватило дух при виде этих сокровищ, а Дарочка так прямо рванулась вперед, желая рассмотреть поближе дивные вещицы. Рука вмиг опомнившейся наставницы крепко, почти до боли стиснула пальчики девушки и дернула ее назад.

— У тебя жар. Ложись, пора выпить зелье.

— Милая! — страстно взвыл за окном красавчик. — Не нужно тебе никаких зелий! Открой окно... я отнесу тебя в теплую купель, там вода особая, целебная. Утром будешь здоровей и прекрасней всех девушек!

«И намного синее их всех», — сердито ухмылялась про себя Летуана, торопливо подталкивая ученицу к лежанке.

Решительно подвинула ее к стенке, капнула на губы зелья из самого маленького флакончика и села рядом, бдительно поглядывая на оконца.

А за ними посветлело так, словно солнце не ко времени взошло. Вспыхнули окружающие полянку деревья и кусты зеленоватым сиянием, полетели над ними в чарующем танце изящные дриады и мускулистые красавцы, поплыли по цветочному ковру в хороводе тонкие девы в венках из водных лилий и полупрозрачных серебристых одеяниях.

Нежная, завораживающая душу музыка лилась сквозь радужные стекла, словно их и не было вовсе, манила, звала за собой, обещая нечто прекрасное и незабываемое, и Дарочка попыталась подняться, подойти к оконцу, полюбоваться на чудеса.

Но тело почему-то не желало ее слушаться, руки и ноги отяжелели, стала неподъемной голова и сами мягко опустились ресницы.

— Вот так-то лучше будет, — удовлетворенно усмехнулась Летуана, бросила себе в рот ярко-красную пилюлю и взяла в руки мисочку с недавно приготовленным зельем.

Теперь она была готова к встрече с наглыми детьми леса и очень надеялась, что эту ночь они запомнят надолго.

— Красавица, — в унисон голосу оборотня раздался за оконцем новый, более басовитый зов, — взгляни мне в глаза! Никогда раньше никто не смотрел на тебя с такой любовью... никто так не желал одарить тебя украшениями и роскошными одеяниями, осыпать цветами и ласками, развлечь стихами и песнями. Только взгляни... не бойся... если я не понравлюсь — сразу уйду!

— Милая! — не унимался первый. — Иди к окну... полюбуйся на цветы, которые я вырастил для тебя, вдохни их аромат! Нет ни в одном ханском саду такой красоты, никому, кроме нас, не доступны небесные

ароматы дриадаских цветов!..

Вторая рука просочилась в окно, держа на ладони роскошный и нежный цветок, словно собранный из лунных лучей, и по комнатке поплыл чарующий аромат.

Летуана мгновенно поднесла к губам мисочку и сделала небольшой глоток: летняя ночь в этих местах равна дню, и зелье придется тратить очень экономно.

— Фу, какую гадость ты пьешь, — дружно запечалились за окном мужчины, и теперь их было уже не два, и даже не три, а намного больше. — Отставь, не мучай себя! Все равно оно здесь бесполезно, твое снадобье, ночью тут властвуют другие законы.

Вот об этом магистр алхимии слыхала множество баек и легенд, приносимых теми отважными охотниками за ингредиентами, которые ради горсти золота готовы были хоть по землям оборотней проползти, хоть отправиться вплавь на остров драконов. Они повествовали о дивно красивых дриадах, прекрасно обходившихся без мужчин в деле продолжения рода и выращивающих своих дочерей в стволах деревьев, зато нуждавшихся в преданных и верных слугах и охранниках. Никто не мог точно сказать, с каких времен девы леса заключили с полукровками оборотней устраивающее обе стороны соглашение, но все утверждали о его обоюдной выгоде. Решившие остаться здесь мужчины получали красоту, долголетие и особую власть в ночное время, а дриады всецело владычествовали при свете дня. Сумерки оставались свободным от обязательств временем.

Многое из этих рассказов казалось Летуане неправильным и невозможным, и, кроме того, она точно знала, как любят окружать себя жуткими тайнами оборотни и нелюди, скрывая за ними не всегда привлекательную правду и свои слабые места. Алхимичка давно уже сделала для себя собственные выводы, сильно отличающиеся от красивых легенд, а сегодня имела возможность проверить их лично.

Тайна оказалась весьма печальной для путниц, случайно попавших в эти болотистые равнины, и хор мужественных голосов, на разные голоса воспевающих сейчас красоту Летуаны и изо всех сил пытавшихся разбудить сладко спящую Дарочку, был самым лучшим подтверждением ее правоты. Постепенно в дивных рощах набралось намного больше мужчин, чем зеленоглазых чудесниц, и потому оборотни так жаждали заполучить в свои сети новых возлюбленных. А чтобы те не разочаровались и не начали искать способы сбежать, когда над болотами поднимется солнце и иллюзорная роскошь превратится в цветы, орехи и ракушки, в полночь

дриады проводили над соблазнившимися пленницами ритуал обращения. И с этого момента новоявленные русалки, полнолунницы и наяды хотя и получали более долгий век, зато больше не могли обходиться без дриадской магии.

— Выбрось эту дрянь, — дружно уговаривали Летуану красавцы, жадно рассматривая молодую женщину через весьма условную на вид преграду. — Открой оконце! Мы угостим тебя восхитительным нектаром из подснежников, пирожными с драгоценными кадирскими орешками и липовым медом, умоем росой с ландышей и оденем в платье, сотканное алмазными паучками.

— А потом превратите в русалку и будете днем держать в болоте, а по ночам уводить в свои берлоги, — неслышно буркнула Лета, еще крепче вцепляясь в заветную посудину.

— Милая... — Низкий мужской голос прозвучал обманчиво мягко, словно удар завернутого в тряпицу молота, и алхимичка невольно глянула в сторону окна.

Теперь за ним виднелось только одно лицо, и оторвать от него взгляд оказалось не так-то просто. Не часто встречались в восточных ханствах и султанатах, славящихся мужской красотой, такие лица. Мужественные, чуть резковатые черты одновременно несли печать утонченности и несомненной породистости, каковая проявляется только у потомков древних родов, всегда выбиравших в жены самых изысканных красавиц. Таких людей не портит никакая одежда, как не теряет своей прелести ангамский шелк, даже если из него сшита простая ночная рубашка.

В глазах этого соблазнителя светился насмешливый ум, свойство, которое алхимичка ценила в мужчинах превыше всего. Под такими взглядами Летуана всегда тушевалась, как едва переступившая первое совершеннолетие девчонка, становилась растерянной и слегка неуклюжей.

— Милая... — повторил красавец и улыбнулся с насмешливой, почти отеческой укоризной, — неужели ты считаешь нас лгунами? Никто не собирается вас обманывать или как-то еще издеваться. Взгляни на наших подруг, они живут ради своего удовольствия, им не нужно ничего делать, не нужно заботиться о еде и одежде, у них есть все, чего они ни пожелают. Богатства наши вовсе не иллюзорны, охотники за редкими травами несут сюда полновесные кошельки и шкатулки с разнообразными драгоценностями. И все это для украшения наших любимых — ни дриадам, ни нам самим золото не нужно. Нигде за пределами наших долин женщинам не живет так спокойно и легко, даже в гареме султана красавиц заставляют то танцевать, то петь, то вышивать.

Он говорил и говорил, и его удивительный голос, звучный и бархатно-мягкий одновременно, был пронизан лаской и страстью, солнцем и лунным сиянием, чаровал и завораживал, притягивал к себе незаметно, но неуклонно.

Летуана уже забыла, зачем ей нужно пить какое-то зелье и почему она упрямо сидит тут, когда за оконцем сияет такая полная луна, заливая волшебным светом долину, где стремительно и неудержимо расцветают невиданные цветы и звенят чарующе прекрасные голоса ночных птиц, выводящих томные и звонкие трели.

В памяти молодой женщины в унисон с ними все громче звучала почти забытая мелодия трогательно прелестной серенады, а в сердце, постепенно пробиваясь сквозь обиды и злость, разгорался робкий огонек нежности и влечения, с каждой фразой незнакомца становившийся все сильнее и увереннее. Это незримое пламя не пугало и не обжигало, оно мягко грело и манило за собой, и противиться ему не оставалось ни сил, ни желания. Да и не было оно для Летуаны ни чужим, ни незнакомым, наоборот, вызывало смутные воспоминания о чем-то прекрасном и неимоверно дорогом ее сердцу.

Она покорно поднялась с лежанки, по привычке аккуратно поставила на столик чашу и сделала пару шагов к окну, откуда подбадривал ее неумолкающий рокот колдовского мужского голоса и смутно знакомый блеск уверенных умных глаз. Вот такие же глаза в бережно хранимом памятью драгоценном воспоминании смотрели на нее сквозь трепетное пламя свечей и гирлянды южных, одуряюще пахнущих цветов, а бархатный голос пел про нехитрую историю прекрасной и счастливой любви.

— Еще один шаг... радость моя, еще шаг... протяни руку, открой оконце... стань королевой этих дивных долин. Теплые купели и драгоценные уборы уже заждались свою хозяйку, цветы мечтают подарить тебе свой аромат, очарованные птицы поют твоей красоте гимны и серенады. Девушки уже водят для тебя хороводы, а в беседке над серебряным ручьем накрыт праздничный стол, и лучший из менестрелей споет для тебя серенаду.

В сознании Летуаны плетущий сладостные сети голос мужчины и видения прошлого странным образом перемешивались и переплетались, сливаясь в одно целое, и почти невозможно было понять, где грезы, а где явь, но сердце уже рвалось туда, где глаза в глаза, где слова не значат ничего, а прикосновения красноречивы, как удары ножа, где мир неожиданно замыкается в крохотную жаркую капсулу, чтобы вдруг разлететься звездным фейерверком.

Летуана даже глаза прикрыла под напором знакомо вспыхнувших жарких чувств и несколько минут стояла, тяжело дыша и заново переживая в волшебном полузабытии самые яркие и счастливые моменты своей жизни. И постепенно мужской облик в ее видении менялся, терял одни черты и обретал другие. Рассыпавшиеся по плечам черные волосы стали львиной гривой цвета переспелой вишни, из-под насмешливо изломанных густых бровей пронизательно и нежно глянули до боли знакомые и родные зеленые глаза.

Они-то и разбудили в душе Леты горьковатое ощущение острой тоски и непрощенной обиды, постепенно переходящее в холодный, панический ужас. Только теперь женщина осознала, как близко подошла к дверце, ведущей в обманчиво прекрасное рабство.

Летуана еще минуту постояла с закрытыми глазами, приходя в себя и силой воли заставляя успокоиться ошалело колотящееся сердце и унимая дрожь в пальцах. Ночь только началась, и можно не сомневаться — оборотни не угомонятся, пока не наступит рассвет. Возможность заморозить нечаянных гостей дается им только один раз, на второй день сила очарования становится в сотни раз слабей.

* * *

— По-моему, в этом что-то есть, — протянул Изрельс, задумчиво поглядывая на Кадерна, но его ученик хмыкнул едко и безнадежно.

— За то время, пока мы будем искать амулеты и обходить все шестнадцать мест, девушек пять раз выдадут замуж.

— Ну, допустим, уже не шестнадцать, а на три меньше, — попытался утешить мага Даурбей, но теперь мрачно хмыкнул уже Кадерн.

— Не уверен, что, убегая, Летуана замечает, какой именно луч крутила. А они убегали, по крайней мере, от твоего султана. Интересно, чем он мог напугать магистра алхимии?

— Пообещал девушкам отправить их к мужьям, — с самым невинным видом пояснил придворный магдугрейского султана.

— Еще раз помянешь эту тему, — угрюмо рыкнул Изрельс, — пеняй на себя. Я тебе не эльф, и мое терпение далеко не бесконечно.

— Ты пытаешься заставить меня лгать? — делано опечалился Даурбей и вздохнул: — А ведь я почти готов был ограбить своего господина. В его сокровищнице хранится столько артефактов, что он давно не помнит ни их названий, ни свойств. Тем более всегда можно выдать один за другой.

— Непонятно, с чего ты так раздобрился? — с сомнением нахмурился Кадерн.

— Просто решил, что нелишне иметь в должниках четырех сильных темных магов.

— Не в должниках, а в подельниках, — желчно поправил Изрельс. — Но мы согласны в любой момент отплатить за услугу. Иди, надеюсь, сам сообразишь, что брать. А мы пока сходим предупредим будущего родственника и проверим, нет ли у него новостей о наших беглянках.

* * *

— Известия есть?

— Увы, ваше величество... — побледнел главный советник, шлепнулся на пол и проворно, как ящерица, пополз под огромный письменный стол, норовя увернуться от летевших в него книг, пресс-папье и прочих тяжелых предметов.

— Вылезай, Франзон, не зли меня! — приказал его величество, когда не смог дотянуться до золотой статуэтки, изображающей дракона.

Хотя мог бы достать, стоило немного напрячься. Однако первый гнев уже ослаб, а память напомнила, сколь тяжело это произведение искусства, а король только из столовой.

— Не вылезу, — упрямо отказался советник и уныло пробормотал: — Какие-то наглецы из столицы магов осмеливаются молчать уже третий день, а письменные приборы ваше величество швыряет в преданного слугу! Ну и где тут справедливость?

— Я выдал тебе указание — ты не выполнил! С кого мне спрашивать?

— Указание указанию рознь, — справедливо заметил из-под стола Франзон. — Бывают заведомо невыполнимые задачи, и некоторые бесчестные правители этим пользуются, чтобы поиздеваться над беззащитными слугами.

— Приведи пример, — задумался король, прослыть жестоким самодуром ему не хотелось совершенно.

— Допустим, если бы ваше величество выдало мне указание устроить сегодня к обеду летний ливень, — подумав с минуту, проворчал советник, — то я никоим образом не смог бы его выполнить. Наш магистр Тодгер не появляется уже пять дней, а приглашать мага из Айгорры нужно за три дня, у них расписание.

— Пфи! Нужно просто оповестить их, что это приказ моего

величества.

— Именно так мы всегда и делаем, — обиженно сообщил Франзон, — потому и знаем точный ответ. Для простолюдинов у них другой список, на месяц вперед. И не только у погодников. Целители, порталыщики и защитники тоже завели по два или даже по три списка. В третьем у них те заказчики, которые забыли вовремя оплатить...

— Довольно, я все понял. Но неужели магистр Тодгер не прислал даже короткой весточки? На него это так не похоже, я всегда считал его аккуратным и обязательным человеком.

— Магом, темным, — поправил из-под стола советник, повозился немного, устраиваясь удобнее, и огорченно признался: — А я ведь до последнего надеялся, что он станет членом вашей семьи.

— Ты полагал, мне нужно было его усыновить? — нахмурился его величество Теодорус Третий. — Не уверен, что он согласился бы, но мог при желании и намекнуть своему господину.

— Не совсем усыновить, хотя сыном он вам в некотором роде считался бы, — тяжело вздохнул советник и опасливо попросил: — Не будет ли ваше величество так великодушно... бросить мне одну подушечку?

— Вылезай, — смиростивился его величество. — Я не стану тебя наказывать... пока.

— Премного вам благодарен, но я еще немного тут посижу.

— Ты осмеливаешься мне не верить?!

— Как я мог бы?! Разумеется, я верю вашему величеству, дело в другом. Радикулит разыгрался, и теперь отсюда меня могут достать только слуги. А мазь магистра Тодгера у меня, увы, закончилась, я оказался весьма непредусмотрительным. Хотя кто бы мог подумать...

— Ты, — желчно фыркнул его величество, бросил на пол пару подушечек и ногой подпихнул их советнику. — Ведь это твоя обязанность — заранее предусмотреть все неприятности и невзгоды, которые могут случиться в королевстве.

— И я справлялся, уж ваше ли величество этого не знает? Всегда все было вовремя — и дожди, и гости, и мирные соглашения, но против причуд любви у меня нет оружия! И ни у кого нет, стоит лишь вспомнить нашего соседа, Люстава Бережливого! Когда он влюбился, то в одну декаду извел половину казны на букеты, драгоценности и празднования! Вся столичная беднота с утра до вечера ела белую рыбу с артишоками и ведрами пила драгоценное вино из королевских подвалов! Все лекари и травницы за то время обогатились, продали и все свои запасы желудочных трав, и соседские. Ведь у простого люда желудки, прошу прощения за

неделикатные подробности, совсем не так устроены, как у знати, им от подобных деликатесов плохо становится.

— Было такое, помнится... тогда мы по просьбе его матушки, Карильены Мудрой, заключили договор о займе и тайком перевезли оставшиеся деньги в дом посла. И чтобы никто не выдал Люставу их секрета, бедолага несколько дней вместе со всеми слугами сидел взаперти. Но не пойму, а при чем тут моя семья?

— Пока вроде ни при чем, — загадочно закручинился Франзон, — но надеюсь...

Договорить он не успел — дверь распахнулась, как от порыва ветра, и в кабинет решительно вошла четверка магов в черных мантиях, вышитых золотыми рунами и серебряными звездами, свидетельствующими о высшем ранге неожиданных посетителей. Магистры, не меньше.

За ними торопливо проскользнули принцессы и организованно, как взвод элитных егерей, заняли выгодные позиции на диванчике позади отцовского кресла.

После всех в комнату важно всплыла королева, явно стремившаяся этой торжественностью выправить неподобающее этикету поведение бесцеремонных визитеров, не пожелавших ждать, пока его величеству объявят об их вопиюще наглом желании получить аудиенцию немедленно.

— А ты говорил, — с досадой проворчал король сидевшему под столом Франзону, — будто магов Айгорры нужно ждать еще три дня.

Настроение его величества, как обычно, сидевшего в кабинете попросту, в шлафроке и без будничной короны, начало резко портиться, едва он припомнил, в каком непрезентабельном виде предстал перед такими важными гостями.

— А зачем вам маги из столицы? — насторожился один из магистров, чье лицо, густо закамуфлированное незабудками и васильками, сразу показалось королю смутно знакомым. — Во дворце что-то произошло?

После этого встревоженного вопроса мага узнал не только Теодорус Третий, но и все остальные присутствующие, и по кабинету пронесся дружный вздох, в котором внимательный Изрельс разобрал оттенки всех чувств — от облегчения до восхищения.

— Похоже, его тут ценят, — довольно заметил на староайгурском наречии Кадерн, откровенно разглядывая букет прелестных принцесс, восхищенно изучающих новый облик своего придворного мага. — И даже чересчур. Не слишком ли много обожания на одного магистра?

— У тебя на острове целый цветник таких обожательниц, — едко огрызнулся на том же языке Тод. — Не вздумай морочить головы моим

свояченицам.

— Там совершенно другое, — тише буркнул старший маг кайсамского хана и нехотя смолк, получив укоризненный взгляд зятя.

— А почему Франзон под столом? — Уже забыв о брате, придворный маг развил бурную деятельность.

Решительным движением гибкой кисти создал упругий ветерок и, выметая советника из-под стола как мусор, забросил в кресло, попутно промая ему все суставы и позвонки.

— Ох, — облегченно выдохнул старик, — огромное спасибо, мастер Тодгер. С возвращением... А мы как раз обсуждаем, кого нанять для ваших розысков. А что такое с вашим лицом, если не секрет?

— Последняя столичная мода, — вежливо пояснил Изрельс, следя, как ловко и незаметно наводят порядок в кабинете бытовые заклинания ученика.

Невесомыми птичками впорхнули на стол письменные приборы и толстенные своды законов, взвилась легким смерчем и исчезла за окном пыль, а взамен прилетел букет розовых бутонов и устроился в широкой вазе.

— И я хочу! — тотчас хором заявили принцессы. — Прелестные узоры!

— Такие украшения нельзя получить просто так, — немедленно встрял в разговор Кадерн. — Их дарят только любимым. Мой младший брат получил это украшение от своей невесты.

— У магистра есть невеста? — чистосердечно изумился его величество. — Мы слышим об этом впервые.

— И тем не менее она вам хорошо знакома, — состроил важное лицо Кадерн. — Это ее высочество Дарелетта Девианна Дэйларния. И я, как и вся моя семья, одобряю выбор брата и надеюсь, что свадьба состоится в ближайшее новолуние.

— Но ведь Дарочку забрал неизвестный маг в обмен на королевские артефакты! — горько всхлипнула ее величество, и король укоризненно на нее покосился.

— Неужели вы могли подумать, что мой ученик способен оставить принцессу в грязных лапах какого-то проходимца? — делано оскорбился Изрельс и снисходительно пояснил: — Разумеется, он ее спас. А она в благодарность согласилась выйти за него замуж. Так что скоро мы будем родственниками, ваше величество, я давно женат на сестре Тодгера и Кадерна. Думаю, вы не станете возражать против темных магистров в качестве ближайшей родни.

— Разумеется, мы очень рады, — твердо провозгласил его величество и подозрительно покосился на Франзона, состроившего самую невинную физиономию. — Но хотелось бы знать... а где все же невеста?

— Пока это тайна, — с тяжелым вздохом загадочно произнес Изрельс. — И, к сожалению, я могу сказать вам лишь одно: мы этим делом занимаемся и скоро все решим. Потому и пришли вас успокоить и предупредить: если Дарочка внезапно вернется, одна или с подругой, постарайтесь встретить их как можно более радушно, гостеприимно и выполнить все просьбы. Девушки случайно попали под боевое заклинание и теперь... слегка напуганы.

— Ох, светлые боги, я так и знала!.. — охнула ее величество и потеряла сознание.

— Кто-нибудь, унесите... — Окончание привычной фразы король не договорил, потрясенный увиденным зрелищем.

Придворный маг ловко, как пушинку, подхватил королеву, перенес на диванчик к принцессам и чем-то брызнул ей в лицо из мгновенно возникшего в руке флакончика.

— Как вы себя чувствуете, ваше величество? Голова не болит? Возьмите вот этот амулет, я сделал специально для вас. Бенлиетта, помогите матушке надеть кулон, он защитит ее от обмороков. — Голос Тодгера звучал непривычно заботливо и мягко, и на порозовевших личиках принцесс дружно расцвели мечтательные улыбки, ощутимо царапнувшие закаленное сердце Кадерна.

— Так мы договорились? — поспешил прервать душещипательный момент Изрельс. — Тогда нам пора.

Решительно собрал воздушной лианой шуринов и молчаливого Мальгиса и забросил в поспешно открытый портал.

* * *

— А вы заметили, — только через минуту выдохнула Анриетта, — что синие цветочки были только на Тоде и его зяте?

— И значит, двое других пока свободны, — закончила ее мысль Варолетта. — Тогда молчун будет моим, а старшего брата я уступаю тебе.

— А нам? — возмутилась Бенлиетта и задумчиво добавила: — Ты моложе, можешь и подождать, а молчуна возьму я. К тому же он во мне дырку взглядом просверлил.

— А мне старший понравился, — мечтательно протянула

Генриетта. — Он такой... такой мужественный и строгий!

— У тебя уже есть принц Геррик, — дружно взбунтовались ее сестры. — И ты только сегодня считала дни до свадьбы!

— Я очень своевременно поняла, что едва не сделала фатальную ошибку, и честно это признаю, — независимо вздернула носик четвертая принцесса. — И теперь твердо намерена взять назад данное принцу слово. Тем более о нем идет слава ловеласа, не желаю всю жизнь воевать с придворными ветреницами и интриганками.

— Ох, светлые боги, но это же международный скандал! — ахнула королева и приготовилась было падать в обморок, но он так и не наступил.

— Неужели вы желаете мира с Хагдиром ценой моего счастья? — обиженно выдохнула Генриетта, но король решительно помотал головой:

— Ни за что, милая моя, ни за что! — Взгляд Теодоруса Третьего обратился на блаженно улыбавшегося своим мыслям советника и стал многозначительно-хитрым. — Лучше я усыновлю всех этих темных магов. Франзон! Наше величество объявляет тебе благодарность и жалует премию за верную службу. Но в следующий раз, будь добр, предупреждай меня о своих замыслах заранее.

— О каких еще таких замыслах? — озадаченно бормотал про себя советник, пряча изумление в преувеличенно низком признательном поклоне.

* * *

— Ну и зачем ты уволок нас так быстро? — Карие глаза Тодгера смотрели на учителя с уже привычной враждебностью.

— Мы же условились только проверить, не появлялись ли во дворце Лета с ученицей, и добавить в защитное плетение сигнальную нить, — устало буркнул мрачный Изрельс, — а не подметать кабинет короля.

— Кстати, мне он понравился, — отстраненно заметил Кадерн. — Ни излишней заносчивости, ни коварства — не с каждым королем можно поговорить так запросто.

— И дочки у него прелестные, — бессмысленно глядя в окно, невпопад добавил Мальгис и расцвел мечтательной улыбкой. — Особенно рыженькая... с розочкой в волосах.

— Нечего слюни пускать, — ревниво засопел Тодгер. — Это Бенлиетта, вторая по старшинству. Король намерен выдать ее высочество за одного из сыновей герцога Багердского, но пока не решил, за которого.

— А как зовут красавицу с пшеничными волосами в синем платье? — задумчиво осведомился Кадерн и загадочно ухмыльнулся: — Насколько я понял, язык веера она изучила очень хорошо.

— Это Генриетта, — огорченно глядя на брата, доложил придворный маг Теодоруса. — После Дарочки она самая красивая и самая смелая, но уже просватана за принца Геррика. Свадьба в следующее полнолуние.

— А он не промах, этот щелкопер, — хищно прищурился Кадерн. — Но время еще есть.

— Только учти, — голос младшего брата мгновенно стал холоднее воды в горном ручье, — теперь они мне как родные сестры.

— Да понял я, — миролюбиво усмехнулся главный ханский маг, — с первого же взгляда. Ну, выбирайте, куда идем? Осталось семь серьезных направлений.

— Может,ждемся Даурбея? Вдруг ему повезло? — осторожно осведомился Мальгис.

— Весточку пришлет, — отмахнулся Изрельс, заглядывая через плечо шурина в список. — На первом месте по опасности теперь Маржидат, потом северная крепость и драконы. Ну и мои дорогие теща с тестем... но их, увы, вам придется навестить без меня.

* * *

Словно в приливе неги и слабости, молодая женщина качнулась назад, точно зная, как опасно невзначай выдать проснувшуюся возможность мыслить свободно. Оперлась на стол, постояла несколько мгновений, стараясь не слушать проникновенного голоса, достающего до самых сокровенных глубин сознания. А затем, расслабленно опустив голову, чуть подалась к оконцу и, распахнув глаза, нашла взглядом чашу с зельем.

Никогда и ничего она до этого не хватала так резко и не глотала так жадно.

Толпа за окном взывала стайей обиженных зверей, несколько туманных лап с огромными когтями потянулись сквозь преграду, стремясь напугать гостью, заставить оступиться, выронить проклятое снадобье. Сами они к ней притронуться не могли. Призрачное право неприкосновенности, обещанное дриадами гостям, соблюдалось неукоснительно. Первый шаг девушки должны были сделать по собственному желанию. Они и делали — под влиянием мощного потока обаяния, направленного толпой самых сильных самцов стаи.

И теперь Лета могла с уверенностью сказать, что возможности спастись не было ни у одной из случайно забредших в эти болота беглянок или путниц.

Если даже она сама, несмотря на висящие на груди амулеты брата и выпитое зелье, едва не ринулась в объятия опытного искусителя. Только любовь спасла от вечной неволи, хотя Летуана ни секунды не сомневалась, что Изрельс с братьями ее найдут.

Рано или поздно.

Вот только смогут ли они с Дарочкой, как прежде, радоваться жизни и так же смело и открыто смотреть в глаза родным после всей грязи, через какую придется пройти за несколько дней добровольного рабства?

И значит, соблазнитель заслуживает не простого наказания, а очень убедительного и запоминающегося на всю жизнь, и плохим бы она была алхимиком, если бы не могла такое устроить.

Летуана оглянулась на Дарочку, посомневалась и положила принцессе на ухо подушечку — для надежности. Затем присела к столу, достала из походного кошелька пару флакончиков и капнула на ноготь сначала из одного, потом из другого. Почти безобидные и нигде не запрещенные зелья, но настолько редкие и дорогие, что никому и в голову не приходит их смешивать. Да и наставники Летуаны обнаружили удивительный эффект совершенно случайно, и никогда бы не досталась ей эта тайна, если бы зеленая еще ученица при том эксперименте не присутствовала.

— Милая, — обеспокоенно и проникновенно воззвал черноволосый пройдоха, — тебе плохо? Ты заболела? Иди ко мне, я вылечу все твои болезни и утолю все печали.

— Мои печали? — произнесла магистр алхимии, пробуя голос, и удовлетворенно улыбнулась: зелье сладкогласия, которое раскупали ораторы и менестрели, начинало действовать.

Через миг к нему добавится эффект зелья убеждения, обожаемого лекарями, гадалками и прокурорами, и можно будет начинать плести сеть мести. Некоторые говорят, будто месть хороша, когда она выдержана, словно вино, но иногда, Летуана это точно знала, нужно бить хама сразу, как только он тебя оскорбил или обидел. Потом вряд ли удастся его найти, да и злость пропадет, вот и привыкнет он считать себя самым ловким, неуловимым и везучим.

— Твои, милая, — нежно подтвердил обольститель, и его лживые глаза просияли необычайным теплом и состраданием. — Ты ведь бежала куда глаза глядят из родного дома, как из тюремной камеры. И добрые духи привели тебя именно туда, где ты никогда не испытаешь ни унижений, ни

разочарований, ни холода одиночества. Взгляни, сколько красивых и сильных мужчин готовы отдать тебе сердце и душу, выбирай кого захочешь, пройди по нашим угожьям, войди в тот дом, который тебе приглянется, и будь в нем госпожой, а мы станем твоими слугами.

— Не о том я волнуюсь, — печально вздохнула Лета, чувствуя, как чужие слова обволакивают ее разум мягким пухом доверия. Нетрудно догадаться, что, увидав ее зелья, соблазнитель умножили усилия. Но и голос алхимички за это время окреп, запел хрустальной флейтой, и чуткие на слух оборотни невольно подались ближе, засверкали предвкушающими взорами. — Вот смотрю на вас, все вы красавцы, все стройны и сильны, глаза — как звезды. Внимательные, щедрые, заботливые. И наверное, страстные... но почему-то до сих пор все одиноки.

— Так выйди сюда, златогласая, — жарко выдохнул главный соблазнитель. — И подружку прихвати, одиноких сразу станет меньше.

— Меня на всех не хватит, — не согласилась Летуана. — Вас слишком много. И подруга не поможет. Да и дриад тоже больше не станет, и хорошенькие девушки не так часто забредают в ваши болота. Вам нужно решать этот вопрос как-то иначе, придумать новый, необычный способ находить себе девушек столько, сколько требуется.

— Голос твой сладок, милая, а делами ты пытаешься заняться слишком серьезными. Забудь о них, идем праздновать... — Оборотень попытался увести от этой темы гостью, но она уже знала, как избавиться от неотступного внимания опытных оболстителей.

— Слышала я голоса ваших повелительниц, они не в пример нежнее и звучнее моего, — перебила его Летуана, спешившая сказать все, что необходимо, пока не закончилось действие зелий. — А говорят, и сила им дана удивительная, могут они изменить облик любого живого существа. Так почему тогда вы сидите здесь толпой, делите внимание двух заблудившихся путниц, вместо того чтобы ловить озорных коз, лукавых лисичек и робких ланей? Возможно, говорить и читать они никогда не научатся, но красавиц из них можно сделать на любой вкус. Каждому — свою собственную.

Ее слова, усиленные двойным действием зелья, казались томимым страстью оборотням гласом великих богов и падали в одинокие души благодатными зернами, которые немедленно прорастали и начинали цвести махровым цветом. Один за другим мужчины срывались с места и, окутавшись туманным звериным обликом, исчезали в окружающих хижину кустах.

Дольше всех задержался не желавший верить в свою неудачу

черноволосый вожак, но, когда Летуана преувеличенно широко зевнула, улизнул и он.

Магистр алхимии обессиленно добрела до ложа, прилегла под бочок к принцессе и привязала ее к себе шарфиком. Особым, секретным узлом. Просто на всякий случай.

— Лета... ну Лета!!! Ну просыпайся уже, мне в умывальню нужно, — назойливым комаром зудел над ухом жалобный голосок, но Летуана старалась его не слушать.

Вставать с птичками она никогда не любила.

— И эти, дриады уже пришли, глядят в окно злыми глазами, — посильнее дернула Дарочка скрученный жгутом шелковый шарфик и огорченно вздохнула.

Судя по всему, самое интересное она проспала, видимо, наставница усыпила.

— Где пришли? — мгновенно оторвала от подушки щеку Летуана и нахмурилась, в оконце темнел силуэт чьей-то головы. — Никуда от меня ни на шаг не отходи.

— Интересно, как бы я смогла? Ты не забыла, что привязалась ко мне и узлов напутала, как пьяный матрос?

— Принцессы таких слов знать не должны.

— А я их и не знала, пока с твоим братом не познакомилась. Это он всегда говорит про пьяных матросов, когда мы спрашиваем перевод песен, которые поют егеря.

— И правильно говорит, но ты его слов не повторяй. Женщинам не положено говорить все то, что иногда позволяют себе мужчины, — неторопливо подвигаясь к краю, хрипловатым голосом назидательно поучала Летуана.

— Этим рабовладельцам вообще все можно, — хмуро огрызнулась ползущая следом Дарочка. — Так отвяжешь ты меня или нет?

— И не подумаю. Лучше держись за него крепче, похоже, солнце взошло.

Лета сунула ноги в вышитые тапочки, полученные во дворце дугрейского султана, и решительно направилась к двери.

— Доброе утро.

— Мы счастливы, что оно у тебя доброе, сестра, — ангельским голоском отозвалась сидящая на невысоком цветущем деревце дриада, и Дарочка могла поклясться, что миролюбивое и невозмутимое божество леса и зверей на миг язвительно скривило губы.

— А я очень надеялась, что оно и у вас сегодня ничуть не хуже, —

тонко улыбнулась алхимичка в ответ.

— Твоими стараниями, — кротко уронила в ответ хозяйка леса, помолчала, рассматривая уверенно глядящую на нее Летуану, и вздохнула тяжело, как сельская старушка: — Сколько живу, а такой безжалостной девушки еще не видела. Чем тебя обидели мои слуги, что ты наказала их так зло?

— Клянусь, — гордо подняла голову магистр алхимии, — собственным дипломом, жестокой я никогда не была и зла никогда не делала.

— Она не врет, — выскользнула из-за ствола вторая дриада, помоложе, и удрученно призналась: — Ничего не понимаю.

— Возможно, я могла бы помочь... — начала Летуана, и дриады резко насторожились, — разобраться. Только у меня будет условие.

— Не нужно помогать, — подумав, категорично отказалась старшая хозяйка. — Просто посмотри и скажи мне, что ты видишь. А условие я выполню, в чем бы оно ни заключалось.

— Да мне ничего особого не нужно, просто отпустите нас...

Закончить алхимичка не успела. Несколько гибких ветвей подхватили их с Дарочкой и усадили на нижние ветви дриадского деревца. Из почвы выметнулись толстые корни, подтянулись, и растение, как живое, потащило своих пассажиров в чащу.

Путешествие было недолгим, уже через пару сотен шагов в просветах между кронами показалась синь довольно большого лесного озера. А еще через несколько минут деревце выползло на чистый песчаный берег и замерло.

Дарочка, крепко державшаяся за наставницу, собралась было спросить, что не так с этим озером. Вода прозрачна, как слеза, рыбки стайками плавают прямо у берега, и какие-то девушки уже купаются прямо нагишом. А потом рассмотрела, что девушки не так и наги, кое-что на них все же есть. Грубые веревки, обвязанные вокруг талии. А концы этих веревок крепко держат в руках вчерашние красавцы, хотя сегодня они выглядят далеко не такими обворожительными, как накануне.

Можно сказать, не просто не такими, а даже близко никогда не стояли. От самоуверенных усмешек и следа не осталось, рожи у всех мрачные, как у егерей, когда те утром на пробежку выползают, и не просто помятые, а еще исцарапанные и в синяках. А кое у кого видны свежие царапины, напоминающие следы зубов или клыков. И не только на лице и шее, а на руках и даже ногах. И хотя эти раны уже слегка затянулись, Дарочка может присягнуть на отцовской короне, что еще с вечера никто из наглецов не

щеголял ни синяками, ни укусами.

— Это кто их? — не выдержав, тихо спросила она наставницу, разглядывающую пострадавших с откровенным укором.

— Думаю, вон те красавицы, над которыми они сейчас издеваются, — с тяжелым вздохом громко сообщила Летуана, и почти все мужчины резко обернулись на звук ее голоса.

— А вот и змея приползла, — с ненавистью процедил тот из бывших красавцев, чью щеку украшал особенно живописный синяк, дополненный отпечатком человеческих зубов.

— С ними все ясно, — еще горше вздохнула алхимичка. — Никогда я не думала, что живущие в лесу оборотни совершенно не умеют дрессировать диких животных. Ведь любой деревенский мальчишка может рассказать, как приучают к неволе пойманных в лесу лис и коз. Запирают в просторном загоне и стараются все время гулять поблизости, не прекращая разговаривать со зверьками очень добродушно и ласково. Кормят дикарей их самой любимой едой, за послушание хвалят — в общем, долгий и упорный труд. Впрочем, теперь я догадываюсь, что произошло. Едва превратив коз в девушек, ваши самоуверенные красавцы наверняка тут же полезли к ним с нежностями. Привыкли так обращаться с пойманными на болотах селянками, те ведь не сопротивляются и не кусаются. А о том, что на зверей их очарование не действует, наверняка не подумали.

— Все это мы и сами уже знали, — холодно произнесла дриада, и дерево тотчас ссадило девушек с веток.

— Ну а раз болезнь известна, то почему бы ее не вылечить? — изумленно вытаращила глаза Летуана.

— А мне непонятно, зачем девушек в речку загнали, — озадаченно нахмурилась наблюдавшая за оборотнями Дарочка. — Они ведь простудятся.

— Дриады их вылечат, — простодушно пояснила наставница, но принцессу это ничуть не успокоило.

— Как жестоко! Сначала вытащить бедняжек из родного леса, потом напугать, а теперь мучить, чтобы заболели! Вчера я считала их просто невоспитанными нахалами, а сегодня поняла, что они самые отвратительные рабовладельцы.

— Так это твоя подруга научила, — с ненавистью рыкнул подобранный к ним поближе оборотень с черными волосами, собранными в тугий хвост.

У него на лице царапин не было, зато были искусаны все руки.

— Ты лжешь, — ледяным тоном с чисто королевским высокомерием

заявила Дарочка, умудрившись смотреть на здорового оборотня сверху вниз. — Не могла Летуана подговорить вас на издевательство над беззащитными зверюшками. Она, несомненно, пыталась сказать вам нечто совершенно другое, но вы не стали слушать.

— Я их пожалела, потому и предложила необычный выход, считая, что они попросят совета, как лучше это проделать. Но они со свойственной большинству мужчин самоуверенностью в чужих советах не нуждались, и не успела я оглянуться, как под окном никого не осталось.

— Она говорит правду, — удрученно сообщила молодая дриада, и на некоторое время все смолкли, думая каждый о своем.

Первой не выдержала Дарочка, желавшая избавиться от слишком тесного соседства с наставницей и умыться наконец.

— Так дай им его сейчас, свой совет!

— Не могу, — откровенно вздохнула Летуана. — Поклялась сама себе больше никакими советами не делиться, пока не попросят. Иначе снова будет как вчера — я к ним по-хорошему, а они меня за это и злой назвали, и змеей, и как на волка смотрят.

— Наша старая няня всегда говорит — чем больше добра делаешь, тем больше с тебя требуют, — с важным видом поддакнула принцесса.

— Вот именно.

— Хорошо, будь по-твоему, — сдалась дриада. — Скажи, что делать, а мы за это откроем свои границы и дадим тебе корень кансаир.

— Дайте сначала чашу чистой воды, два кубка и ложечку. А еще стаканчик сока марники, — деловито скомандовала Летуана и шепнула принцессе на ушко: — Потерпи еще немного, это недолго.

Дарочка только ресницами согласно хлопнула. Услышанного вполне хватило ей, чтобы представить, сколько пришлось вытерпеть наставнице, пока сама принцесса мирно спала на мягкой лежанке.

Дриады смотрели очень внимательно, как незваная гостья, одним махом нарушившая мирную жизнь их зачарованного леса, разливает воду, добавляет сок и капает туда свои, никому из них не ведомые зелья.

— Вот, — протянула Лета два деревянных бокала с полученными снадобьями. — Это для тех, кто ест мясо, а это для коз, белок и ланей. По три капли в еду, давать три дня после заката. У вас ночью все особую силу имеет, и это зелье тоже станет мощнее. Сразу любить они своих хозяев не начнут, не обещаю, зато перестанут считать врагами. А уж дальше все зависит от вас, терпение и ласка любого зверя одолеют. Да выпустите их из реки, так ничему научить невозможно. Сделайте клетки, и пусть поспят до вечера, усыпить их вы и без меня сумеете. А теперь откройте границы, нам

пора.

— Иди, — снова стала отстраненной и безучастной дриада, и Летуана немедленно крутнула лучик.

— А она какой-то корень обещала... — пробормотала Дарочка и смолкла, подозрительно оглядываясь.

— Если бы вправду хотела дать, то дала бы, — отмахнулась Лета, распутывая узел шарфа. — А просить и напоминать я не буду.

Сухая корявая ветка шлепнулась ей прямо в руки, и где-то в вышине послышался удаляющийся серебристый смех.

* * *

— Помилуй, о величайший среди великих! — Даурбей, низко склонив голову, привычно изучал узор на своем шелковом халате.

— Объяснишь, где был, тогда подумаю, — помолчав для приличия пару минут, неспешно произнес султан и приготовился слушать.

Он недавно отобедал и теперь по обыкновению скучал.

— Увы, о великодушнейший среди великодушных, я бы и рад, но вынужден хранить молчание, — еще ниже склонил голову маг, прикидывая, не слишком ли ошарашит своего повелителя, если закажет в салоне Айгорры узор из незабудок на левую щеку.

Или уж сразу делать на все лицо? Чтобы не слушать выговор дважды.

— Почему? — насторожился султан, но маг молчал. — Так, очень интересно. И порка, как я понимаю, не развяжет твой язык.

— Вы, как всегда, правы, о мудрейший среди мудрых, — печально подтвердил Даурбей и выжидающе смолк, гадая, надолго ли хватит султану терпения испытывать его на твердость.

— Значит, я должен обо всем догадаться сам, и никакой подсказки мне не положено. — Глазки Ахангера предвкушающе заблестели.

Разумеется, видеть этого Даурбей не мог, но за годы службы изучил характер хозяина наизусть. И давно уже предугадывал почти все его слова и гримасы... хотя иногда и ошибался, как промахнулся со случайно попавшими во дворец девушками.

— Но никто не запрещает мне воспользоваться помощью слуг, — пробормотал Ахангер и легонько пнул ногой стоящий возле него золотой кувшин.

Звонкое эхо вырвалось из широкого горла зачарованного сосуда и унеслось к высокому потолку, многократно отражаясь от стен и колебля

многочисленные серебряные дудочки, отзывающиеся музыкой ветра.

— Ваше мудрейшество... — Ворвавшиеся в зал слуги и охрана, завидев султана в полном здравии, толпой повалились на колени и уткнулись лбами в пол.

— Доложите, что делал Даурбей в последние три часа?

— Прятался, — не поднимая головы, выкрикнул тайный советник Келидим.

— Где и с кем?

— На крыше своей башни, один.

— Все три часа? — В ласковом вопросе султана слышался гул приближающегося шторма.

— Нет, — обреченно выдал мага советник, — только первые два. Потом у северных ворот появилось четверо магов, они поговорили и вместе куда-то ушли. Вернулся Даурбей через час.

— Через сорок минут, — протестуя уточнил маг. — Имею право на обед.

— А о чем они беседовали, никто не слышал? — не обратив внимания на этот протест, продолжал выпытывать султан.

— Говорили, — убито промямлил Келидим, — про каких-то девушек.

— Ну?

— И предлагали найти Даурбею хорошее место, — отлично понимая, что наживает себе могущественного врага, выдал чужестранцев советник и сделал попытку задобрить темного мага: — Но он отказался. А потом пригласил их куда-то, и больше никто ничего не слышал.

— А это кто слышал? — невинно поинтересовался Даурбей, и слуги еще крепче прижались лбами к драгоценной мозаике.

— Это не важно, — отмахнулся султан и задумался.

— Смотря для кого, — многозначительно буркнул придворный маг, поглядывая на почти распластавшихся по полу соглядатаев.

— Вон, — махнул пальцем Ахангер, и слуги, пяясь, шустро покинули зал. — Стало быть, они хорошо к тебе относятся, раз предложили помочь со службой. И ты с ними в дружеских отношениях, потому что кого попало в свои тайные дома не водишь. А раз пригласил, значит, решил помочь найти беглянок. Ну и последнее. Поскольку ты молчишь, то значит, дал клятву хранить все в тайне, а помогать намерен в ущерб своей службе. Ну, признавайся, угадал я?

— Отчасти, — признался Даурбей, скромно потупив глаза. — Я с ними не в дружеских отношениях, а связан клятвой гильдии темных магов и обязан помогать коллегам по мере возможности. Кроме того, все они входят

в сотню сильнейших магистров, а трое служат правителям соседних стран, и помогать им выгодно для внешней политики. Но молчу я по другой причине. Темные маги не берут друг с друга клятв, по крайней мере, по мелочам. И службе от моей помощи никакого ущерба быть не может, я не намерен никуда уходить, тем более надолго. Всего лишь отправлю им несколько вещей.

— И все же ты чего-то недоговариваешь... — Султан сжал бороду в кулаке и снова задумался. — А, я понял, дело в этих самых вещичках. Так что понадобилось твоим коллегам? Перья райских птиц или плоды древа молодости?

— Обидно, — горько прошептал Даур и выдавил скупую слезу. — Я служу тут столько лет, раскрыл сотню заговоров и предотвратил столько же покушений, решаю мелкие и крупные задачи, устраиваю дружеские встречи, войны и праздники, а меня все время то выпороть грозятся, то подозревают в посягательстве на главные чудеса султанского дворца! Начинаю сомневаться...

— Так, — нахмурился Ахангер и привстал с подушек, на которых расслабленно возлежал, — значит, тебе нужно нечто более ценное, чем перо жар-птицы.

— Не нужно. Обойдутся, — непримиримо поджал губы маг. — Прямо сейчас и напишу. Делать добрые дела очень накладно — чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь.

— Даурбей, — вздохнув, с досадой буркнул султан, предпочитавший делать вид, будто не помнит имен обитателей дворца, — я ведь никогда не отправил бы тебя на порку, и ты прекрасно это знаешь. Мы же просто шутили. Не настолько твой господин безрассуден, чтобы оскорблять сильного мага. И скажи уже откровенно, чего тебе понадобилось.

— Не мне, — упрямо поджал губы Даурбей, — а придворным магам хана Бердизара и короля Теодоруса. И магистру темной академии. А самое главное — не навсегда, а на время, потом они все вернут в целости и сохранности и до отказа заряженными.

— Старинные артефакты, — поразился Ахангер. — Ты хоть представляешь, о чем просишь?

— Вот именно, честно прошу! — оскорбленно вздернул подбородок придворный маг и впервые за время разговора прямо глянул в лицо повелителю. — А мог бы взять тайком, и никто бы даже не заметил. Но не хочу рисковать своим будущим. Как говорит мудрая поговорка: «Преступивший раз обязательно преступит и второй».

— Сколько? — мрачно свел брови султан.

— Четыре поисковых. Девочек жаль... редкий тип. А если попадут в Маржидат или болота дриад, вряд ли выберутся так же легко, как отсюда.

— Бери, — подавив вздох, решительно повелел султан и добавил: — И отправь немедленно.

— Слушаю и повинуюсь, — прозвенело эхо вслед магу, унесшемуся в окно на верном ковре.

* * *

— В Маржидате их тоже не было, — буркнул вернувшийся от своего тайного осведомителя Кадерн.

Его угрюмые спутники даже не ответили, продолжая изучать карту, на которой виднелось несколько красных крестиков.

Девушки здесь не появлялись, это стало понятно сразу, как только маги оказались в съемных комнатах, куда был привязан выход Кадерна. На полу и мебели довольно уютного жилища, откуда можно попасть сразу на три соседние улочки, не было никаких следов.

И теперь оставалось решить, куда идти.

* * *

— Это Маржидат, — уверенно заявила вдруг Летуана, и Дарочка заинтересованно уставилась ей в спину, ожидая продолжения.

Они шли по редкому смешанному лесу уже часа два и до сих пор не встретили ни одного местного жителя. Да и откуда им было тут взяться, если нигде не виднелось ни домов, ни хижин, ни столбов с указателями. Да тут даже дорог не было, только тропка и та еле заметная.

Предупреждать ученицу о том, что идут они звериной стезжкой, Летуана не сочла нужным. И теперь, высказав догадку, снова замолчала, погруженная в свои размышления.

— Ну вот до чего ты иногда похожа на своего братца! — не дождавшись объяснений, тихо и огорченно посетовала ее ученица.

— А ты иногда рассуждаешь очень здраво, а иногда похожа на капризную принцессу из сказки, распугавшую своими выходками всех женихов.

— Знаю я эту сказку, — фыркнула Дарелетта. — Мы с сестрами давно ее обсудили и пришли к одному выводу: мерзкий сказочник за что-то

ненавидел бедную девушку, потому и выставил ее такой злой дурочкой. А на самом деле она умная и очень несчастная... я даже плакала, когда поняла, как тяжело ей жилось.

— Дарочка... — Летуана споткнулась от неожиданности прозвучавшего откровения и обернулась, чтобы глянуть ученице в глаза.

И тут же схватила ту за руку, дернула на себя и больно стегнула прямо по голове пышной веткой, которую зачем-то таскала с собой.

— За что? — пытаюсь вырваться, вскрикнула принцесса.

Однако наставница пришикнула так сурово, что девушка сразу поняла — лучше не сопротивляться. Летуана намного сильнее и драться умеет далеко не по-женски.

— Сейчас, — оглядевшись, шикнула алхимичка. — Пока не шевелись.

Подтянула к себе какой-то стебелек, осторожно поковырялась им в растрепавшейся прическе ученицы и вытряхнула оттуда на листочек небольшое странное и неприятное существо. Похожее одновременно на летучую мышку, на жабу с крылышками и на обожравшегося кузнечика.

— Светлые духи, — побледнела принцесса, начиная понимать, как неверно поняла намерения наставницы. — Оно ядовитое?

— Нет, — буркнула та, освобождая один из заговоренных кошелей. — Но очень редкое.

— Так ты... меня... ради него... — Дарочка никак не могла найти подходящих слов, но в ее глазах все жарче разгорались обида и возмущение.

— Раньше мне казалось, что ты умеешь рассуждать логично, — хладнокровно заметила Летуана, бережно упаковывая кисет. — А теперь отчетливо вижу — в этом направлении тебе предстоит еще долго работать над собой.

— А ты над собой уже поработала? — поднимаясь с травы, кротко осведомилась ученица и тут же нанесла удар: — Так почему же тогда бродишь со мной по лесу, а не пожинаешь плоды своих трудов?

— Как выяснилось, — с горьковатой усмешкой вздохнула ее наставница, — я тоже недостаточно верно представляла себе, насколько важны в семейных отношениях некоторые тонкости, потому и хожу с тобой. Но только в семейных. Ты же не можешь логически рассуждать и в самых обыденных, бытовых вопросах, а тем более не умеешь верно оценивать мотивы чужих поступков. И я тебе это докажу, как только дойдем до воды. Чаю давно пора бы выпить. А пока мы ищем ручей, ты расскажешь мне, о чем можно плакать в той сказке. Если мы говорим не о разных принцессах.

Развернулась и пошла вперед так спокойно, словно Дарочка только что не ударила ее по самому больному месту.

Принцесса поплелась следом, мрачно сопя. Ну вот кто ее за язык дергал, совать наставнице иголки в рану? Ведь не дурочка, отлично понимает, как нелегко жить рядом с въедливым и властным Извергом. Даже такой красивой, умной и любящей женщине, как Летуана. А она еще и умудрялась ему во всем потакать — сама обеды готовила, пирожные пекла... Дарочка давно бы их Извергу за шиворот затолкала.

— Лета... — пройдя с сотню шагов, жалобно позвала принцесса. — Прости меня, Лета. Я не знаю, что на меня нашло... я так вовсе не считаю.

— Ты про сказку рассказывай, а я подумаю, — не оглянувшись наставница.

— Как знаешь. Ну, в той сказке королю почему-то приспичило срочно отдать дочку замуж. Как будто ему войной угрожали или во дворце нечего было есть. Так нет, наоборот — каждый день пиры, принцы свататься прибывали. И все сразу к королю. А тот спешил сбыть принцессу, как лавочник — залежалый товар, который совсем испортится, если вовремя не продашь. И это очень обидно и больно, когда родной отец, который в детстве качал на качелях, дарил игрушки и огромные торты, вдруг стал не просто чужим человеком, а злейшим врагом, готовым сунуть тебя в постель первому попавшемуся мужику с гербами на вымпелах, лишь бы быстрее выставить из родного дома.

— Но ведь у нее был выбор, — задумчиво пробормотала Летуана.

— Был. Но как выбрать, если, впервые увидав мужчину, сразу же должна дать ответ? Нас отец не торопит, и мы его за это очень ценим. Ведь принцессам намного труднее выбрать человека по сердцу, а влюбиться почти невозможно. Нам не позволено ни ходить на свидания, как горничным, ни ездить без компаньонки с приглянувшимся мужчиной на прогулку. Даже поговорить наедине не получается. Когда за Генриеттой ухаживал Геррик, весь дворец знал наизусть каждое произнесенное ими слово.

Дарочка помолчала, успокаиваясь, и продолжила:

— Вот и ей было очень трудно, и никто не помогал. Все хотели как можно скорее сесть за праздничный стол. А женихи, как назло, были один другого страшнее: то толстый коротышка, то старый индюк, то лощеный хлыщ. Как мог у бедной девушки от отчаяния и страха перед неминуемой свадьбой не испортиться характер? Мы с сестрами посоветовались и пришли к одному выводу — она специально так себя вела, чтобы женихи сбежали. Не догадывалась, глупенькая, что им не настолько она сама нужна

была, сколько королевская корона. Но упрямый король ничего этого понимать не желал, так припекло ему поскорее сбавить родное дитя. Вот и принял идиотское решение — выдал за первого встречного. Да еще и за строптивость не дал ничего в приданое. А уж когда мы читали про жулика, который переоделся нищим и издевался над девушкой как только мог, то все зубами скрипели от ненависти. Вот скажи, Лета, ты бы полюбила своего Изверга, если бы не сама выбрала, а тебя ему как козу продали?

— Некоторые слабохарактерные девушки умудряются в таких случаях полюбить своего мужа, — не пожелала кривить душой алхимичка. — Но далеко не все. Можно многое стерпеть, когда обожаешь человека всей душой, но полюбить за издевательства я не способна.

— Вот и мы такие же, — гордо задрала нос Дарочка. — Потому и сожгли все книги с этой сказкой, какие были во дворце.

— Но Тодгер ведь ухаживал за тобой два года, — осторожно произнесла Летуана, давно мечтавшая понять, как помочь брату и заодно не превратиться во врага ученицы, понемногу ставшей ей подругой.

— Наверное, мы с тобой по-разному понимаем это слово, — тут же сникла принцесса, помолчала и примирительно добавила: — Хотя он мне нравится. Но все время думает только об одном, и это обиднее всего.

— Откуда ты взяла? — даже запнулась Летуана.

— Няньки и горничные просветили. И не говори, что полк опытных женщин мог неверно понять его взгляды и поглаживания.

— Сразу-таки полк, — отстраненно фыркнула Летуана, начиная понимать, как трудно жилось в последние годы младшему братцу.

— Сама считай. Нас пятеро. У каждой две няни, две горничные, камеристка, гувернантка и пять-шесть учительниц. А с шестнадцати лет появляются и свои фрейлины. Сначала шесть, но каждый год добавляется по одной. У Анриетты и Бенлиетты уже по двенадцать, больше не положено. И все они целыми днями толкутся в наших покоях и гостиных. Поэтому я отбила у Франзона старую башню и, кроме сестер, никого туда не пускала.

— С ума сойти, — ошеломленно выдохнула запутавшаяся в подсчетах наставница и решила оставить эту тему. — Давай вернемся к Тодгеру. Я тебя прекрасно понимаю, но и его тоже. Он мужчина, а ты очень привлекательная девушка... тот оборотень вчера просто слюной изошел.

— Думаю, к вечеру этот наглец поменял обо мне мнение, — мстительно прошипела Дарочка. — Никому не позволено без разрешения лапать принцесс.

— Успела-таки напакостить? — изумленно оглянулась Летуана и

потрясенно замерла на месте, рассмотрев, с какой прытью отскочила от нее ученица. — Дарочка?

— У тебя плохая привычка бить без предупреждения, — пояснила принцесса издали. — А сдачи дать я не могу. Но если скажешь, что на мне сейчас никто не сидит, то поверю на слово.

— Тогда поверь мне на слово и быстро делай все, что скажу, — напряженно проговорила вдруг алхимичка и села прямо на дорогу. — Объяснять подробнее некогда. Возьми этот кисет и клянись быть ему хорошей хозяйкой, заботиться и никому не продавать и не дарить. Быстрее.

— Клянусь, — покорно пробормотала Дарочка, опасливо принимая кошель, в котором шевелилось что-то живое, — быть хорошей, не продавать и не дарить. А теперь можешь объяснить?

— Могу, — еле слышно шепнула Летуана. — Здесь я твоя служанка и помогала тебе добыть кеори.

— Да? — задумалась принцесса.

Успела уже изучить свою наставницу. И сразу догадалась о приближающейся к ним опасности. Вот только откуда ждать неприятностей — пока сообразить не могла. Но на всякий случай решила проверить, не подскажет ли этого алхимичка:

— Тогда добудь еще воды и еды.

— Потерпите немного, госпожа. — Летуана одним движением оказалась стоящей на коленях в самой смиренной позе, и в душе Дарочки вдруг с новой силой вспыхнула неприязнь к Извергу, делавшему из жены черную Туа.

— И встань, — в голосе принцессы прорезалась фамильная властность, — я не терплю, когда слуги унижаются, словно они рабыни кайсамского хана.

— Слушаюсь, госпожа, — в голосе Летуаны скользнула насмешливая нотка, но вряд ли кто-то, кроме Дарочки, смог ее заметить, — больше никогда себе такого не позволю.

Алхимичка уставилась куда-то мимо принцессы задумчивым взглядом и нерешительно осведомилась:

— Не желаете приказать мне попросить помощи у этих путников?

— Эмтарабанкаваткошивор, — надменно произнес кто-то позади принцессы мурлыкающим голосом, похожим скорее на женский, чем на мужской.

— Что она сказала? — не оборачиваясь, с ледяным высокомерием небрежно поинтересовалась принцесса, яро ненавидевшая именно такие голоса и такие интонации.

— Требуется освободить дорогу, — учтиво доложила Летуана, послав ученице одобрительный взгляд.

— С какой стати? — еще более высокомерно изумилась ее высочество и саркастически добавила: — И где она видит тут дорогу?

— Это звериная тропа, — наконец просветила ученицу алхимичка.

— И они имеют на нее право? — искренне поразились Дарочка и величественно оглянулась, словно желая убедиться, что незнакомка, пытающаяся ими командовать, не относится к природным хозяевам тропы.

Несколько секунд девушка озадаченно рассматривала троих всадников, с каждым мгновением все более убеждаясь в их необычности. И в том, что людей, кроме них с Летуаной, тут больше нет. Двое серокожих великанов, сидевших на огромных лоснящихся буйволах, были самыми настоящими орками. А вот ехавший на двугорбом верблюде худощавый франт со смуглой, в прозелень, кожей, одетый в бархатные штаны и шелковую рубашу с вышивкой и кружевом, оказался гоблином. И именно этот гoblin и глядел на Дарочку, спесиво поджав губы, как домоправительница на новенькую служанку.

В любом другом случае Дарочка без споров отступила бы в сторону, но истинная принцесса не должна никому позволять смотреть на себя подобным образом. И она не двинулась с места, только скучаяще приказала свежее испеченной служанке:

— Поясни им, Лета, что мне не подобает лазить по кустам, а их скакуны там вполне пройдут.

— А ты знаешь, с кем разговариваешь? — внезапно на хорошем среднеземноморском языке презрительно выплюнул гoblin.

— Ох, господин, — испуганно прижала пальцы к губам Летуана, — вы ведь тоже не знаете, с кем говорите. Моя госпожа — невеста темного магистра и хозяйка кеори!

— Когда она успела ей стать? — еще недоверчиво бормотал гoblin, а его лицо уже стремительно теряло бронзовый оттенок, становясь зеленым, как лист.

— Недавно, — важно сообщила алхимичка. — Я сама поймала для нее малыша. И продала за право всегда жить в ее доме.

На взгляд Дарочки, никакой выгоды в такой сделке не было, но гoblin, по-видимому, считал иначе. И тут же изменил отношение к случайным попутчицам.

— Мы можем вам помочь? Подвезти или оставить шатер?

«Подвезти!» — собиралась сказать Дарочка, но наставница ее опередила:

— Разумеется, шатер.

Ничего странного в этом выборе незнакомцы не усмотрели — наоборот. Орки мгновенно соскользнули со своих животных, на которых ездили безо всяких седел, и огромными топорами прорубили удобную тропу к стоящему неподалеку тенистому дереву. Теми же топорами выровняли под ним площадку, распаковали свой багаж и в несколько минут натянули под толстой ветвью шелковый шатер.

Застелили ковриком пол, бросили несколько подушечек и поставили посередине пару мисочек с едой, кувшин с водой и серебряную фляжку явно с чем-то крепче воды. Проводили к шатру Дарочку с Летуаной, поклонились и исчезли.

Вернее, вскочили на буйволов и помчались догонять гоблина.

— Думаю, часа два у нас есть, — входя в шатер, сообщила алхимичка и достала собственный стаканчик и какой-то амулет.

Когда и как Лета успела спрятать все висевшие на виду украшения, принцесса заметить не смогла и теперь втихомолку завидовала ловкости золовки. Будущей, разумеется, если Тодгер, конечно, простит их за ту шутку и сумеет сдать экзамен, о котором пока не догадывается.

— Все свежее и чистое, — проверив еду, сообщила Летуана и со вздохом добавила: — Достань кеори. Повезло тебе, я хотела его Тоду подарить или Кадерну.

— А почему не Извергу?

— У него уже есть магический питомец, а двоих нельзя. Не уживаются они у одного хозяина. Так ты выпустишь его или нет?

— Уже открываю, — буркнула принцесса.

— Совсем о предосторожности не думаешь, — рассердилась вдруг Летуана. — Почему не спрашиваешь, как сделать, чтобы он не сбежал?

— Потому что устала, хочу пить и кушать, — обиженно огрызнулась Дарочка, втайне мечтая, чтобы эта жаба летучая сбежала.

Ну зачем ей такое страшилище? Дарочке всегда нравились пушистые зверьки, котята, щенки, белки. Но королева очень боялась всяких неприятностей, которые приносят животные, и не разрешала никого держать в покоях. А ходить раз в день в вольер, кормить собачку и ухаживать, зная, как тоскливо смотрит вслед питомец, не пожелала ни одна принцесса. Только Дарочка умудрялась тайком держать в захваченной башне всех найденных зверюшек и птенцов.

Принцесса нехотя развязала кошель, но открывать не спешила, выжидающе поглядывая на наставницу.

— Дай ему что-нибудь красивое, — со вздохом распорядилась та. —

Заколку или колечко. Если возьмет, значит, уже принял тебя в хозяйки.

Дарочка секунду посомневалась. Заколок у нее и так маловато, всего с десяток вместе с узкой, как обруч, диадемой. Да и колец негусто, но одно, с ярко-розовым камушком, выбранное несколько дней назад в цвет платью, принцесса все же сочла подходящим. Торопливо стянула с пальчика, спеша покончить с процедурой приручения жабы, и снова глянула на Лету.

«Сунь в кошель», — показала та знаком и огорченно вздохнула. Так часто бывает, неожиданные подарки судьбы сваливаются вовсе не на тех, кому они нужнее, и точно не тем, кто об этом давно мечтал.

Дарочка осторожно, двумя пальчиками, поднесла колечко к приоткрытому кисету и тоже вздохнула. Она с удовольствием вернула бы жабу наставнице, раз ей так нравится этот уродец, но отлично помнила слова клятвы. И огромные топоры орков, которыми они играючи перерубали попадавшие на пути деревца и коряги.

Неизвестно пока, что вызвало в аборигенах такое непонятное почтение, упоминание о темном маге или о крылатом монстрике. Ясно одно: если бы Летуане не угрожала серьезная опасность, она никогда бы не отдала ученице питомца, которого собиралась подарить брату.

Из темного нутра кисета высунулась серая лапка, до омерзения похожая на мышиную, сцапала колечко и исчезла, и обе путешественницы облегченно перевели дыхание, хотя причины у них были разные.

— Теперь уже можно пить? — шепотом спросила Дарочка, получила утвердительный кивок и цепко, как кеори, схватила поданный ей стаканчик.

Вода была славной, с каким-то соком и ароматом трав, в меру кисленькая и холодная, но второго стаканчика Лета не дала.

— Сначала поешь и внимательно выслушай меня. Не хотела этого говорить, но придется. Быстро отсюда уйти мы не сможем, амулет разряжен, а у меня способности, как ты знаешь, очень слабые. На мне нужный для переноса резерв будет восстанавливаться в амулете не менее трех дней.

— Прости, Лета, я не поняла, — кротко осведомилась принцесса, нехотя отрываясь от сухого печенья с орехами, — как он на тебе накопит полную силу, если ты слабый маг?

— Магия течет по миру незримыми волнами, — отмахнулась наставница. — И если амулет настроен правильно, постепенно обязательно зарядится. И только избранным дарованы способности быстро собирать энергию и управлять ею по собственному усмотрению. Но не отвлекай меня больше, не это сейчас главное. Тот гoblin при нас еле двигался, а теперь наверняка скачет к Маржидату во весь опор. Кеори появляются в

этих лесах далеко не каждый день, и даже не всякий год. Поэтому сегодня ты будешь в городе самой дорогой гостьей, тебе устроят торжественную встречу, выделяют самый удобный дом, будут по первому требованию приносить и еду, и одежду, и украшения. И даже не заикнутся об оплате, но не забывай ни на миг: бесплатно кормят только гусей к зимнему солнцевороту.

— А можно поподробнее? — тотчас уронила печенье Дарочка.

— Помнишь, я говорила, что неплохо бы проверить, подходишь ли ты моему брату? Так получилось, что эту проверку мы проходим вместе, сегодня ночью я очень ясно это поняла. Пока ты спала, оборотни всей стаей пытались меня очаровать, и, несмотря на все мои амулеты и зелья, вожаку это почти удалось. На миг он стал для меня самым лучшим из мужчин — самым красивым, надежным, желанным, тем, в чьих объятиях забываются все беды, и единственным, чья любовь дарит высшее блаженство. Лишь чудо остановило меня в шаге от окна. Вдруг как живой привиделся Изрельс, его глаза, слова, руки. Вот в тот миг я отчетливо поняла — если бы оборотню удалась его задумка, сегодняшнее утро стало бы для меня последним. Можно спорить с любимым, доказывать свою правоту, иногда даже ссориться, но предавать нельзя ни в коем случае. Даже если простит он, самой себя простить невозможно.

— Ты хочешь сказать, что они начнут за мной ухаживать, эти зеленые и серые? — опешила Дарочка.

— Даже не сомневайся. Причем делать это они умеют в десятки раз изобретательнее и изысканнее, чем принц Геррик. Будет все, о чем мечтают глупенькие девушки всех стран и времен: шкатулки с драгоценностями, роскошные букеты десять раз на дню, пиры и развлечения, фейерверки и балы. А также пикники, охота, катание на верблюдах и лебедях по прудам, прогулки по саду чудес... все перечислять долго. Неужели ты не слыхала про Маржидат?

— Говорили про необыкновенные чудеса, но все уверяли, что попасть сюда невозможно, — припомнила озадаченная принцесса.

— Это гоблинская хитрость. Когда их вместе с семьями за мошенничество, коварные интриги и всевозможные проделки выставили из всех центральных королевств и ханств, зеленые жулики оказались в почти голой пустыне. Тут жили лишь орки, занимавшиеся разведением верблюдов и торговлей солью. Дальше на юг лежат нескончаемые соляные озера. Но на соли много не заработаешь, никто не купит два воза, если ему нужен один. Да и копать соль никто из зеленых не хотел, они привыкли к легким деньгам. Вот и придумали сад чудес, и оркам пообещали за помощь

сытную и легкую жизнь.

— А как же охрана и чудовища? — засомневалась ее ученица.

— Ну да посуди сама, пойдет умный человек в пустыню к заведомым лжецам, если они начнут расхваливать свои чудеса? — усмехнулась алхимичка. — Видишь, тебе сразу смешно стало. Вот и им пришлось поломать головы, когда никто не клюнул на завлекательные рассказы. И вскоре поползли другие слухи. Что добраться до Маржидата не так-то просто, стоят на пути препоны и ловушки, сторожат проходы дикие звери и ужасные монстры. Следующей весной пустыню штурмовали идущие со всех сторон отряды и обозы, храбрецы и искатели приключений в одиночку и толпами рвались преодолевать преграды и уничтожать чудовищ. Так уж устроены все мужчины, за небольшим исключением, разумеется. Чем неприступнее скала, тем больше желающих на нее влезть.

— А исключение? — подумав, осведомилась принцесса и достала из вазочки румяный персик.

— Ну, этих отличить довольно легко, они изначально выбирают особый путь. Например, к ним относятся все темные маги, мудрецы, банкиры и некоторые правители из тех, кому власть досталась не по наследству и не за золото. Но об этом тоже поговорим позднее... если нам удастся отсюда уйти. Я специально назвалась твоей служанкой, да еще и имеющей право всегда жить вместе, теперь желающих меня сманить и перекупить будет поменьше.

— А для чего им тебя перекупать? — сразу заподозрила подвох Дарочка.

— Много для чего. Все жители Маржидата, особенно гоблины, живут очень богато, путешественники хорошо платят за возможность погулять по саду чудес. Да и орки не бедствуют, поэтому слуг найти очень непросто, особенно людей. Хотя гоблины и сманивают сюда бедных девушек из провинциальных городов и деревень, но действовать стараются очень осторожно. Опасаются заинтересовать совет правителей Айгорры. И если бы я не успела продать тебе кеори, сейчас нас с тобой везли бы на буйволах позади орков.

— Спасибо, Лета, — поблагодарила мгновенно просчитавшая разницу ученица.

И вдруг уронила персик и начала стремительно бледнеть.

Летуана перехватила ее взгляд и потрясенно замерла — из кисета вылезло нечто розовое и воздушное, как газовый бант. Поднялось, отряхнулось и оказалось миниатюрной, чуть больше безымянного пальца, девочкой с огромными синими глазками, в розовом платьице и с золотым

кольцом вместо диадемы.

* * *

— Наконец-то! — В голосе высокой, статной женщины не слышалось ни неизменного счастья, ни простого радушия.

— Здравствуй, матушка, — широко улыбаясь, двинулся к ней Кадерн, втихомолку подтолкнув воздушной плетью застывшего статуей брата.

— Их тут не было, — тихо выдохнул тот в спину старшему, надеясь, что больше никто не услышит.

И глубоко ошибся.

— Явились? — показался в дверях кабинета мужчина с легкой импозантной сединой на висках. — Долго же вы набирались смелости.

Кадерн был похож на него, как близнец, только моложе на тридцать пять лет.

— Батюшка, — нахмурился главный придворный маг кайсамского хана, — не понимаю, о чем вы.

— Не о чем, а о ком. О вашей сестре, разумеется. — В голосе отца Тодгер расслышал разочарование и огорчение и обреченно вздохнул.

Прав батюшка, откровенно показывая сыновьям свое негодование и презрение. И хотя никто из темных магов не любит, просто ненавидит выслушивать чужие обвинения и поучения, но не от родителей. И не в таких вот случаях, когда напортил так явно, что тошно даже самому.

— Мы пришли бы раньше, — объяснил он, виновато глядя на мать, — но не было времени. Пытались найти их по горячим следам.

— Их? — изумленно поднял бровь отец, и Кад с досадой скрипнул зубами.

Младший иногда бывает слишком сентиментален и наивен для темного магистра.

— Ну да, — процедил он сквозь зубы. — Летуана решила погулять не одна, а с невестой Тода.

— Темные силы, — охнула мать, сразу позабыв про напускную суровость, и ринулась к младшенькому: — Так ты наконец с ней обручился?

И замерла, разглядев украшавшие лицо сына цветочки.

— Он сделал все более романтично, — ощутило шлепнув братца по спине воздушной плетью, поспешил спасти положение Кадерн, — но принцесса немного недопоняла и пожаловалась Летуане. А у той был

портал... Изрельс ей ни в чем не отказывает. И теперь они где-то гуляют, но вы не волнуйтесь, их видели мои знакомые. Девушки были целы и невредимы. Еще веселились и шалили. Поэтому мы пришли предупредить: если они придут сюда, то задержите любым способом и немедленно отправьте мне вестника. Вот, я приготовил с запасом. И запомни, матушка, никто из нас на них за шутки не сердится и наказывать не собирается. Наоборот, все мы готовы просить прощения за невнимание, просто очень волнуемся. Изрельс места себе не находит, даже мне его жаль. И еще, самое главное. Рандолиз объявил нам безжалостную войну и первым нанес удар. Теперь он кровный враг мне, Тоду и Изру. Если узнаете, где он, посылайте мне вестника, не медля ни секунды.

— Так зачем тратить вестника, если он сидит в своем поместье? — еще бормотала матушка, а оба ее сына уже покрылись дымкой боевых щитов.

— Я вызываю Изверга, — буркнул Тод, точно знавший, чего учитель никогда ему не простит.

Единоличной расправы над общим врагом.

Кадерн только кивнул, начиная вплетать новые щиты и сторожки в закрывавшую имение родителей мощную защитную сеть.

— Нашли? — спросил выпрыгнувший из портала первым Изрельс, и его теща только поджала губы, рассмотрев выющийся по лицу магистра цветочный узор.

— Рандолиза, — коротко сообщил Кадерн зятю и его спутникам, Даурбею и Мальгису. — А вы принесли?

— Вот, — деловито кивнул придворный маг султана, снимая с замков простой на вид шкатулки мощные охранки. — Четыре штуки.

— Мальгису не дадим, он пойдет с Тодом, — тотчас решил Кадерн и только после этого спросил хитреца: — Украл?

— Попросил на время, — оскорбленно процедил придворный маг дугрейского султана и учтиво представился хозяину: — Даурбей.

— Гедеон, — ответил тот, с интересом рассматривая магистра, о котором ходили самые противоречивые слухи. — А это моя жена, Карсия. Хотелось бы знать, что ты должен был украсть?

— Артефакты безошибочного поиска, — довольно помахал надетым на запястье браслетом Тодгер.

— Лета...

— Не бойся, они безвредные существа, — успокоила ее наставница и вдруг схватила за лоб: — Это что...

— Мне кажется, рога, — опасливо покосилась принцесса на необычное существо, деловито перебравшееся на миску с фруктами и пытающееся оторвать длинную виноградину. — И если ты считаешь, что это не вредность...

— Это наказание, я же оглушила его веткой, — удрученно вздохнула алхимичка, убедившись в верности предположений ученицы. — Но он не со зла, а от обиды и испуга. Должно скоро пройти, дня через два или три. А тебе повезло, кеори не совсем малыш. Впрочем, это было видно по его облику, они трансформы и ради безопасности принимают облик тех существ, рядом с кем живут. Вот твой наверняка жил где-то в глухом овраге, и сначала рядом были кузнечики, а когда появилась лягушка, он поспешил принять ее облик, чтобы не съела. Ну а крылья отрастил, когда подрос и стало скучно и голодно в обществе жаб. Ты не видишь, он хочет винограда? Оторви ягодку и разломи, у меня он не возьмет.

— А она больше не превратится в мышу?

— Они чувствуют эмоции, пока еще слабо, но вполне достаточно, чтобы понять, кто враг, кто друг. И твою боязнь мышей он тоже почувствовал и запомнил. Поэтому больше ни в кого не превратится, ему нужна твоя любовь и защита.

— Кому они не нужны? — вздохнула Дарочка и подала кеори половинку янтарно-желтой виноградины.

— Согласна, — печально кивнула Летуана, и принцесса вдруг забеспокоилась:

— Лета, скажи честно, ты по своему Извергу, что ли, вздыхаешь? Может, как только найдешь дорогу домой, так сразу и побежишь к нему прощения просить? Так хоть предупреди меня тогда по-дружески. Нам с тобой в таком случае будет не по пути. Я прощения просить не намерена, после того как Тод разбил мне и сердце, и любовь, да еще и по гордости потоптался.

— Нет, Дарелетта, — горько покачала головой алхимичка. — Хотя я Изра и очень люблю и никто другой мне не нужен, но дурочкой бесхарактерной никогда не была. Это я ради любви его играм потакала и не заметила, как он и в самом деле определил меня в служанки. Но больше к прошлому возврата нет, я стала старше и требовательнее — и к нему, и к себе. И если он этого не поймет, уйду жить в свой домик, есть у меня на окраине Айгорры, родители подарили, когда учиться поехала.

— Надеюсь, там найдется комнатка для нас с Кео?

— Посмотрю на твое поведение. Да не гляди так, шучу я сегодня неудачно. Ночь не спала. А ты уже дала ему имя?

— Не ему, а ей.

— Вообще-то они бесполое, — хмуро усмехнулась Летуана, — и никто не знает, откуда появляются малыши. Но обычно на границе дриадского леса. И зовут их во всех странах по-разному — где фэйри, где феи, но дриады называют кеори, и маги Айгорры приняли это название. Кстати, мне тут пришла в голову мысль — может, не зря он именно к тебе в волосы сел? Ведь мы почему-то пришли не в город, а в глухомань, а такого никак не должно было случиться. Кадерн ведет с правителями Маржидата какие-то дела и наверняка имеет в городе дом или хотя бы башню. Незачем ему было делать выход из портала в этом лесу. И амулет был полон, я смотрела.

— Значит, это дриады нам отомстили за своих полуголых красавчиков, — тотчас сообразила принцесса. — Надо же, какие злобные! Ну и забудем про них, лучше расскажи, зачем гоблинам кеори?

— Очень просто, это ведь магические существа, и они владеют редкой магией созидания. Вот гоблины этим и воспользовались, добыли несколько кеори и гуляли с ними по парку чудес. На самом деле чудеса — это деревья и кусты, попавшие в соляные озера и обросшие солью, словно снегом. Потом с ними работают художники, что-то добавляют, что-то выпиливают, брызгают краской или оставляют белоснежными. Получается весьма впечатляюще. А кеори очень чувствительны к красоте, вот и твой малыш не устоял перед кольцом. И теперь он его никому не отдаст. Они довольно жадные и запасливые, как сороки, поэтому предупреждаю — не давай слишком много вещичек. Иначе потом будешь таскать за ним сундук приданого. А в саду чудес, рассмотрев сияющее под солнцем соляное великолепие, кеори начинают творить собственные вещи или украшать уже созданные и после этого считают их своими. Потому-то увести чудесных малышей оттуда невозможно. А взять там ничего нельзя, даже небольшой кустик. Все, что находится в парке, считается собственностью города, и не важно, кто и что сотворил. Приходится кеори оставаться там жить, а хозяевам выплачивают выкуп. Поэтому я и взяла с тебя клятву.

— Значит, нам ни в коем случае нельзя туда попадать, — тотчас сообразила принцесса, схватила кеори и прижала к себе, словно его собирались отобрать прямо сейчас. — Теперь мне его жаль. Хотя и чудеса тоже жаль, так хотелось посмотреть.

— Придумаем что-нибудь, — загадочно хмыкнула Лета и опасливо

потрогала рога. — Хотя и не заслужил этот мстительный зверек моей помощи, но так и быть, спасу ради будущей пользы. Когда он к тебе привыкнет и повзрослеет, лучшей охраны не найти. Но об этом расскажу потом, сейчас запомни накрепко: не спеши никого благодарить, ничего не обещавай и не проси.

— Я лучше скажу им, что повысила тебя до секретаря и теперь все деловые вопросы решаешь ты.

— А хватка у тебя как у темной магини, — похвалила Летуана. — Правильно Тодгер выбрал невесту. Ну, я полежу в уголке, а ты рассказывай потихоньку про разбитые мечты, глядишь, и успеем разобраться, пока гоблины не приехали.

— Не в чем там разбираться, — помрачнела принцесса. — И рассказывать нечего. Ты и так все знаешь. Он всячески меня оскорблял, без конца пытался лапать, как вчерашние оборотни, и ни разу, — Лета, пойми, ни разу! — ничего не сказал про любовь! Просто заявил чуть ли не на первой встрече, что женится на мне, и каждый день спрашивал, приняла я решение или нет?

— Теперь я тебя лучше понимаю, — тихо призналась Летуана. — Но и его винить не могу. Тод в пятнадцать лет попал в ученики к Изрельсу, а мой муж предпочитает действовать, а не болтать. Хотя ухаживать умеет, ты же помнишь те букеты и корзинки? Но вот Тода, думаю, учить таким вещам просто не считал нужным.

* * *

— Подлец! — Вывалившийся из портала Кадерн был зол, растрепан и пах дымом.

— Скотина! — с чувством поддержал его Изрельс, писавший что-то на маленьком листке, и швырнул на шуринку заклинание свежести.

— Не понравилась мне эта шутка, — задумчиво поддержал коллег Даурбей. — Плохо она пахнет.

— Вы все пахнете злобой и дымом, а над поместьем Рандолиза до сих пор идет ливень, — хладнокровно заметил Гедеон.

Магистры только хмуро покосились в ту сторону, но смолчали.

— Дорогие папа и мама, — торопливо отправив вестника, проникновенно произнес Изрельс, и глаза Карсии от потрясения стали круглыми, — до сих пор у вас не было апельсиновой рожи, и это упущение я исправил. Теперь она у вас есть вместе со всем соседним поместьем.

— А дом? — заинтересовался Гедеон.

— Нам с Кадом там архитектура не понравилась, — неожиданно жестко процедил Тодгер. — Можешь нарисовать любой план, я сам вам построю.

— Мы вместе построим, — веско поправил брата Кадерн.

— Не нужно, — отмахнулся Изрельс. — Я уже нанял знакомого эльфа с бригадой гномов. Лучше давайте решать, откуда начнем.

— С султаната, — твердо сообщил Даурбей. — У меня артефакт показывает на юг.

— У меня тоже, — подтвердил Тодгер и решительно поднялся с места. — Уходим.

— Стоять! — рявкнул его отец так властно, словно был командиром королевских егерей. — Вам придется сжечь и наше поместье, пока вы не объясните, что сделали с Рандолизом.

— Да ничего, папа, не волнуйся, — мягко улыбнулся тестю Изрельс. — Не было там никакого Рандолиза. Только доппельгангер, до отказа начиненный сюрпризами. Как и весь дом. Крыса подстроила нам очередную ловушку и сбежала. Но зря он надеется отсидеться где-нибудь в глуши. Теперь ему не поможет и чудо.

— А как же тогда вы смогли купить у него поместье? — нахмурилась мать. — Или у темных магов теперь есть правило грабить друг друга?

— Никто никого не грабил, — снова свирепея, фыркнул Кадерн. — Он три дня назад продал его, не торгуясь. С единственным условием — попросившись пожить еще декаду, пока рабочие закончат отделку его нового дома.

— Где? — сразу насторожился Гедеон.

— Ну мы же сказали, что он подлая скотина? — процедил Изрельс, до сих пор бесновавшийся от бессилия и ярости.

Шутка ли, узнать, что Рандолиз собирается переехать в твой собственный особняк в самом роскошном районе Айгорры!

— А новый владелец? — еще сомневалась мать.

— Был счастлив вернуть свои деньги, — кровожадно усмехнулся ее младшенький, — лишь бы жить от нас подальше.

— Уходим, — скомандовал Кадерн, и в гостиной сразу стало тихо и свободно.

Гедеон небрежно швырнул заклинание свежести, подошел к окну и задумчиво посмотрел на поднимающийся над руинами соседского дома дымок.

— Пожалуй, поеду посмотрю, какой в этом году урожай

апельсинов, — буркнул он наконец, направляясь к двери.

— Я с тобой, — немедленно отозвалась жена. — Заодно глянем, в каком состоянии пристань.

* * *

— Чувствую себя королевой, султаншей и повелительницей дриад в одном лице, — заявила Дарочка, лениво болтая в воздухе туфелькой.

— А мне ты кажешься лопухой дурочкой, селянкой и наивной русалкой из дриадского леса, — съязвила Летуана, расставляя по вазам роскошные букеты.

— Ты мне завидуешь. Тебе никогда столько букетов не приносили. Ай!!! Лета, ну за что?

— За злой язык.

— Но я же не взаправду! Мы с сестрами так играем в придворных дам.

— И я не взаправду, всего полкружки воды. А могла бы перевернуть на тебя все ведро. Ты ведь меня выгнать не можешь.

— Зато могу наказать.

— Наказывай. Запри в комнате и не давай есть.

— В какие страшные игры ты привыкла играть! — сделала испуганное лицо принцесса. — Надеюсь, Тод не научился им от своего наставника.

— Это еще не самая страшная. Темные силы! — охнула Летуана, нечаянно задев рогом бра. — Злобная зверушка!

— Не ругай Кео, он такой милый, — покосилась на питомца Дарочка, оглянувшись и шепотом спросила: — Лучше скажи, как там дела с твоим украшением?

— Дела неплохо, — еще тише ответила Летуана. — Но есть большая проблема. Город накрыт защитным куполом.

— А как же они сами ходят? — задумалась принцесса.

— С окраин. Закрит центр и парк чудес.

— Ясно.

Да и чего тут можно не сообразить? Дом градоначальника, в котором поселили «дорогую гостью», находится почти в центре, и им никогда не удастся пройти незаметно мимо постоянно снующих на первом этаже гостей и домочадцев.

— Приятно выяснить заранее, что невестка у меня будет понятливая, — невесело съязвила Летуана и снова занялась цветами.

Записки и подарки, засунутые в букеты, она небрежно складывала на

огромный поднос, и там же виселась кучка конвертов, шкатулок и футляров.

Судя по всему, гоблины очень хорошо знали, чем вернее всего сразить женские души. Не догадывались бедняги лишь о том, как непросты гости, попавшие к ним в этот раз.

— Но нам же не запрещали гулять по городу? — наблюдая за наставницей, задумчиво пробормотала принцесса.

— Не запрещали, — угрюмо усмехнулась та. — Но вряд ли дадут дойти до окраины.

— Хотелось бы мне сказать, что ты не права... — Дарочка вздохнула и оглянулась на дверь. — Может, пойдешь спать? Скажешь, что от рогов голова болит.

— Я уже зелье выпила, — тихо буркнула алхимичка, — от головной боли.

И снова покосилась на кеори, валявшегося в вазочке со сладостями. Он был бы по-прежнему похож на ожившую маленькую куколку, если бы кукольники делали игрушечных красавиц с круглыми, как яблочко, пузиками.

— Кео... — Потянувшись, принцесса погладила питомца по этому свидетельству счастливой жизни и в который уже раз попросила: — Ну убери ты с Леты эти рога! Она вовсе не заслужила такого наказания. И подумай сам, если бы она тебя не поймала, то не подарила бы мне, а если бы не подарила, когда бы ты еще попробовал такие конфеты и халву?

— Боюсь, он ничего не понял из твоей речи. — Летуана заглянула в хрустальную глубину зеркала и вздохнула. — Исследователи считают, что разум у кеори не больше, чем у кошки.

И вдруг как-то глухо охнула и схватилась ладонями за рот.

— Лета! — ринулась к ней Дарелетта. — Что с тобой? Да не молчи ты, Лета! Может, лекаря вызвать?

Дернула наставницу за руку, заглянула ей в лицо и отпрянула с испуганным вскриком.

Рогов на лбу алхимички больше не было, зато вместо человеческого лица зеленела лягушачья морда.

— Ах ты, злобное создание! — оглянувшись на пузатенького питомца, вспыхнула принцесса. — К тебе по-доброму, конфетами кормим, в кармане носим, а ты только гадости делаешь? Ну, сейчас я тебя проучу!

Сбросила с ноги туфельку и ринулась к столу. Кеори мгновенно скатился с вазы, замахал ручками и, превратившись в розовую летучую мышь с кукольной головой в золотой диадеме, взмыл под потолок и уселся

на верхней перекладине балдахина.

— Ну ничего, денек посидишь там голодным, тогда, может, поумнеешь. Лета, отвернись, я служанку позову.

Через полчаса смуглая полукровка, озадаченная необычным приказом, вытаскивала из комнат для важных гостей корзины с фруктами и едой. Станные девушки не позволили оставить даже вазы со сладостями, хотя командовала только одна, хорошенькая хозяйка чудесного существа, которое город собирался отобрать у нее любым из сотни известных им способов. Вторая сидела в кресле в широкополой шляпе, поверх которой был наброшен кисейный платок, не оставлявший для любопытного взора даже щелки.

Совершенно глупый, на первый взгляд, наряд, но служанка ничуть не удивилась, заметив его. Она и сама напялила бы еще большую шляпу и замоталась в ткань, если бы получила в дар от кеори такие жуткие рога. И неизвестно, сколько несчастной гостье придется с ними ходить: магистр Газдор, единственный маг, живущий в Маржидате, сейчас в отъезде. А кроме него, никто не в силах развеять колдовство и безболезненно снять витые, как у барана, рожки.

* * *

— Даурбея!

— Простите, мудрейший из султанов, — стоящий на коленях советник попятился к двери, — но его нигде нет. И, как выяснилось, сегодня он не ночевал в своей спальне.

— А в чьей ночевал? — едва заметно сузил глаза султан, отлично знавший все последние сплетни.

— Во всем дворце его не было. — В голосе советника звучало едва заметное злорадство. — И ужин принести не просил.

— И КАК ты можешь это объяснить? — Ахангеру было скучно, иначе он никогда не стал бы спрашивать мнение советника, упорно пытавшегося взять верх над Даурбеем в негласном соревновании за внимание повелителя.

— Объяснить такое трудно... — состроил многозначительную физиономию советник. — Ведь про темных магов говорят, будто они всегда служат только самим себе.

— Хотел бы я посмотреть, — помолчав, медленно произнес султан, — на человека, который служит не самому себе.

Урчелы обиженно поджал губы, но убеждать господина в неправоте не стал, себе дороже.

— До сих пор мне такие не встречались, — лениво продолжил Ахангер. — В моем дворце все служат за жалованье, постель и еду. Даже красавицы из гарема.

— Женщины все такие, — уныло подтвердил Урчелы. — Кто подарит ожерелье длиннее, того и любят.

— Мы же не про любовь говорили? А про службу. Вот любовь бывает и бескорыстная, хотя такую непросто найти. Но в этом мужчины сами виновны. Сначала приучают женщин к подаркам, а потом обвиняют их в алчности.

— Наверное, я неудачник, — хитрая рожа советника стала совсем скорбной, — но мне бескорыстных красавиц пока не встречалось. Но, говорят, бывают мужчины, которым достаточно пальцем поманить, и все до единой прелестницы у их ног.

— А сам ты таких можешь назвать? — исподлобья наблюдая за слугой, осведомился султан.

— Ваше мудрейшество первый в этом списке.

— Плохой пример. Ты отлично знаешь, ко мне девы идут лишь из желания жить, не работая, и иметь лучшие наряды, украшения и развлечения. И еще лучше знаешь, как я не терплю голословных утверждений.

— Он имел в виду меня, — заявил выпрыгнувший из ниши Даурбей. — Какой-то дурак пустил по дворцу слух, будто я соблазняю наложниц из гарема.

— Почему дурак? — ехидненько буркнул себе под нос Урчелы.

— Потому что не просчитал, чем обернется для него наглая ложь. Я непременно докопаюсь, от кого пошла эта сплетня, и накажу лгуна по-своему, так, как наказывают темные маги.

— А как они наказывают? — заинтересовался султан.

— Ну, например, над одним из моих друзей на днях подло пошутили, и сегодня мы нашли поместье этого шутника.

— Ну и что?

— Ничего. В смысле ничего от него не осталось.

— От шутника? — потрясенно пробормотал советник.

— Пока от поместья, хозяин был в отъезде, — кровожадно усмехнулся Даурбей и смерил Урчелы внимательным взглядом: — А у вас что-то произошло?

— Пока нет, — попятился тот к двери. — Но получены известия о

тучах красной саранчи.

— Тебе пора выгонять своих осведомителей и наблюдателей, — с сочувствием посоветовал советнику маг, но на его губах играла издевательская улыбка. — Я узнал про саранчу два дня назад и успел завернуть ее на Маржидат.

— Но там ей нечего есть...

— Ты беспокоишься за саранчу или сомневаешься в моих словах? — Вот теперь в голосе Даурбея грозowymi раскатами гремел гнев.

— Я хотел сказать, она туда не пойдет, — побледневший советник попятился еще быстрее, — а в словах не сомневаюсь... Однако вам же некогда было, вы другу помогали...

— Но я помогал не один! — оскорбился маг. — Со мной были придворные маги кайсамского хана и лирского короля. Хватило пяти минут.

— Все они из Айгорры? — насторожился Урчелы.

— Конечно. У темных магов помощь собратям в таких вопросах считается первостепенным делом.

Больше советник ничего спросить не успел — повинувшись легкому кивку султана, змеей выскользнул из зала, хваля богов, что отвели от него почти неминуемое наказание.

— Зря ваше мудрейшество не приказало его выпороть, — стрельнул вслед сердитым взглядом маг.

— Потому и не приказало, что мудрейшество. Какой мне прок от его визга? Будет потом три месяца ходить с обиженной рожей. Лучше завтра напомню ему о провинности и отправлю собирать подати с кальянных и бань, от него ни одна мышь не улизнет. Но сейчас я хочу слышать подробности вашего нападения на имение Рандолиза. Садись ближе.

— Я и сам хотел рассказать, — опустил на край широченной низкой тахты придворный маг, плеснул себе в кубок холодного лимонада, привычно проверив амулетом.

И задумался на несколько минут.

Султан терпеливо ждал, и его взор все мрачнел.

— Ваше мудрейшество знает меня не первый год... — наконец тяжело вздохнул Даурбей. — Скажите, часто я говорил, что не понимаю, почему кто-либо поступил так, а не иначе?

— Только в тех случаях, когда не желал навредить подозреваемому или, наоборот, не хотел, чтобы он улизнул от наказания, — не думая ни секунды, уверенно ответил Ахангер. — А теперь?

— А теперь я в самом деле не могу понять, зачем Рандолизу нужно было так поступать с Летуаной. Он вовсе не дурак, судя по тому, как

подготовился к нашему сегодняшнему нападению. Там был очень похожий на него доппель, причем высшего класса, из тех, которые могут с успехом несколько декад подменять хозяина. И полный набор самых мощных боевых ловушек и капканов. Значит, Рандолиз не сомневался, что Изрельс будет его искать, и не один. Он жил по соседству с родителями Летуаны и отлично знал, что ее братья — сильные магистры и они никогда и никому не спустят такой проделки.

— Может, это месть?

— Сначала я тоже так подумал. Но потом попросил одного друга из сыскарей прислать мне все, что у них есть на Рандолиза, и выяснилось, что без женского внимания он никогда не жил. У него была роскошная содержанка и несколько любовниц. И кроме того, Летуана замужем уже почти десять лет, они не раз сталкивались в Айгорре, и он ни разу не сделал попытки отомстить. Наоборот, сохранил с ней дружеские отношения.

— Хороша дружба, — презрительно скривился султан, — отправить девушек в рабство.

— Вот это и странно. Внезапно взял и создал себе кучу врагов. Хотя мог отправить ее в какое-нибудь из своих убежищ и дать знак Изрельсу. На всю жизнь получил бы его благодарность, и от Кадерна с Тодгером — тоже. Непонятна мне такая глупость... А мощь ловушек и то, что он успел их подготовить, доказывают, что Рандолиз ясно понимал, чего ждать. И значит, не сошел с ума и не глупец, но уже потерял очень много, а когда об этом узнают в Айгорре, потеряет почти все. А там узнают, в этом я не сомневаюсь. Изрельс и братья Летуаны намерены его раздавить и морально, и физически.

— Ты задал сложную задачку, — задумчиво пробормотал султан, подвинув вазу с орешками. — Я хочу поразмыслить. А ты иди отдыхай и не забудь проведать своих рыбок.

— Не могу. Я пришел предупредить, что беру отпуск. Пустить моих коллег на встречу с Рандолизом одних было бы непростительной глупостью с моей стороны. Хотя все они сильные маги, но у этого гада мощные заклятия и подлый, извращенный ум.

— Амулеты возьми.

— Спасибо, ваше мудрейшество. Но я не за амулетами. Охрана у темных магов всегда в несколько раз сильнее боевых заклятий, среди нас самоуверенных пустомель нет. Но я просто печенью чую, что негодяй подготовил небывалую подлость. И пока не пойму, какую именно, должен удерживать их от намерения встретиться с ним. А рыбкам скажите, что послали меня в Маржидат за песчаными орехами.

— А на самом деле?

— Амулеты показывают в ту сторону, но в Маржидате маги уже были, девушек там нет. Значит, придется идти в дриадские пущи, других стран между Дугреем и Маржидатом нет.

— Тогда возьми вот это. — Султан решительно снял с пальца замысловатое кольцо зеленоватого металла. — Дриады своенравны, если не захотят говорить — напомни, что в этом перстне еще три желания. И захвати все же пару артефактов, просто проверить. Иначе я уйду в мир предков и так и не узнаю, на что способны черная ваза и простая дубинка.

* * *

— Не лезь ко мне, Кео! — Принцесса оттолкнула потихоньку подбирающегося к ней питомца и огорченно вздохнула: — И без тебя было тошно, а с тобой еще хуже. Хотя вроде должен исполнять мои желания. Лета? Ты там не уснула?

— А-а, — квакнуло из-под покрывала, и принцесса снова тяжело вздохнула — с такой Летуаной невозможно даже поболтать.

Говорить она может только короткими словами, на предложениях начинает захлебываться. Пить тоже не может, а есть пока не пробовала, еды они себе не оставили.

— Пуак, — квакнула алхимичка.

— Помочь? — подскочила Дарочка. — Что именно ты хочешь? В умывальню, пить или лечь отдохнуть?

— Пумак, — снова булькнуло из-под покрывала, и рука наставницы начертила в воздухе странные знаки.

— Лета, подожди, не чаруй, я ничего не поняла, — взмолилась принцесса. — Чего ты хочешь?

— У-урр, — раздраженно квакнула та, встала с кресла и, приподняв накидку, побрела по комнате.

Через несколько минут Летуана добралась до конторки, вытащила из ящичка лист бумаги и, победно помахав им, гордо квакнула:

— Пу-мак!

— Бумага, — облегченно выдохнула принцесса. — Вот теперь все ясно. Сейчас найду кисти и тушь. Тебе какого цвета? Поняла, все равно. Тогда возьму зеленую, она для зрения полезнее.

Летуана схватила пузырек и начертала: «Ты что-нибудь очень красивое делать умеешь?»

— Я танцую хорошо, — задумалась Дарочка. — Еще читаю вслух с выражением, могу прически сестрам делать почти как камеристка.

«Мало, — написала наставница, подумала и добавила: — А рисовать ты не пробовала? Или низать жемчуг?»

— Нет, — огорченно помотала головой принцесса. — Таланта художника у меня нет. А если бы я попыталась низать бусы, вся свита разом бросилась бы отбирать. Принцессам можно только вышивать, и потом эти тряпки повесят под стеклом в дальних залах и будут хранить тысячу лет. Мы с сестрами как увидели прапрабабушкины «шедевры», так сразу забросили палочки и сунули в камин всех вышитых кошечек и розовые букеты. Не хватало, чтобы правнуки когда-нибудь над нами смеялись.

«Жаль, но на вышивку времени нет, — написала Лета. — Нам нужно привязать его какой-нибудь необыкновенно красивой вещицей, чтобы в парке он не особенно восхищался. У них первый восторг самый сильный».

Сунула листок принцессе и снова села в свое кресло.

Задумалась и принцесса, и даже не заметила, как подкравшийся кеори влез к ней под руку и притих, наслаждаясь поглаживанием тонких пальцев.

— Лета, — как-то смущенно поинтересовалась ученица через полчаса, — а незабудки на Тодгере были красивыми?

— Угу, — квакнула наставница.

— Я тут подумала... нам же нельзя делать ничего такого, что смогут отнять? Придется украсить кого-то из нас. Но ты сейчас не подходишь, а меня можно только в незабудки. Если Тодгер увидит на мне ирисы, то ты можешь остаться и без мужа, и без невестки.

«Значит, он уже доказал свою любовь?» — насмешливо квакнув, написала алхимичка.

— Пока не знаю, — горько вздохнула принцесса. — Но одно обвинение признаю неправильным. Можно ли ждать от мужчины букетов, если в замке в каждой комнате стоят прекрасные цветы, и срезанные, и живые? И парк — одна сплошная клумба. Любой посчитал бы глупостью дарить еще один букет девушке, окруженной таким количеством цветов. Но вот признаний и нежных слов почти не было. Так нравится тебе моя идея с незабудками?

«И васильками. Пойду готовить раствор», — написала алхимичка и направилась в умывальню.

— Ну и куда ты нас привел?

Кадерн только раздраженно отмахнулся. Хотел бы он сам знать, почему не сработала точная привязка и он сидит не на торговом островке, определенном дриадами для всяких сделок, а посреди заваленной буреломом и сучьями крохотной полянки в дремучем лесу. Причем точно не дриадском, у них таких непролазных дебрей не бывает.

— Как ни удивительно, — ошеломленно пробормотал крутивший какие-то амулеты Даурбей, — но я не нахожу прохода в дриадские чащи. Словно сплошная стена... и это очень странно.

— Скорее тревожно, — процедил Изрельс. — Чем дольше я размышляю над поступком Рандолиза, тем больше нахожу его нелепым. Если не сказать глупым. А ведь я знаю его лет двадцать, с тех пор как он зеленым отроком поступил в академию. Немного обидчивым, в меру амбициозным и ветреным, но не подлым и не вопиюще тупым.

— Люди со временем меняются, — желчно фыркнул Тодгер. — Я тоже не мог и представить, на какие гнусности способны некоторые хорошо известные мне личности.

— Это он о ком? — изумленно поднял бровь Даурбей.

— Обо мне, — мрачно вздохнул магистр академии магов Айгорры. — Я недооценил его влюбленности в принцессу.

— Это не влюбленность, — скрипнул зубами Тод. — Влюбленность — нечто легковесное и ветреное. А о других чувствах тебе говорить бесполезно, ты толстокож и никогда ничего не поймешь.

— Раньше ты уже связал бы его корнями и засунул вон в то болотце, вытаскивая каждые две минуты, чтобы дать вздохнуть, до тех пор пока он не раскается в своей грубости, — понаблюдав за мрачно сопящим зятем, задумчиво произнес Кадерн.

— Он верно сказал, люди меняются. Только еще не понял, что в любую сторону, а не только в худшую. А я уже очень хорошо осознал, как не прав был, уводя Дарелетту, хотя до сих пор считаю, что самому Тоду никогда бы не удалось с ней договориться. — Эти слова дались Изрельсу нелегко, черные маги не любят вот так чистосердечно признавать свои ошибки, но о своей откровенности он не жалел.

Если сейчас этого не скажешь, ученик затаит злобу надолго, возможно, навсегда, и это станет большим подводным камнем в семейной жизни самого Изра. А он теперь желает сделать все возможное, чтобы у его Леты не было никаких причин для волнений и обид.

— А мне она показалась очень неглупой, — заметил Даурбей. — Впервые за все время моей службы в Дугрее девушке удалось за пять

минут полностью расположить к себе султана.

— Ты что это имеешь в виду? — разъяренной коброй поднялся с коряги Тодгер, и над его головой зазмеились зеленые вихри.

— Вовсе не то, о чем ты подумал, — ледяным тоном осадил его придворный маг дугрейского султана. Сделал многозначительную паузу и веско добавил: — Она передала ему привет от родителей и доказала, что они в родстве.

— Дарочка очень сообразительная, — мгновенно успокоился Тодгер, — и смелая. Не каждая принцесса решится пришить темного мага к дивану. А еще очень добрая — покупала сласти и игрушки и сама относила в приют. И мечтала придумать, как избавить сирот от приютов.

— Все это очень интересно, — робко перебил влюбленного коллегу Мальгис, — но вон то болотце, по-моему, растет.

— Бросить туда пару боевых фаерболов, и сразу перестанет, — заявил Изрельс, вовсе не спеша доставать амулеты.

Да он даже не оглянулся.

— Может, просто пустить суховей? — кровожадно предложил Кадерн и тоже не пошевелил и пальцем.

— И никогда не узнаете, куда делись ваши девушки, — едко квакнула, вынырнув из болотца, жабя морда кикиморы. — А ведь вы за этими шалуньями бегаете.

— Узнаем, — с мрачной ухмылкой пообещал Тодгер, и кикимора вмиг взмыла над полянкой вместе с шаром болотной жижи.

Над буреломом поплыло зловоние, но ни один из магов не обратил на него внимания и даже не поморщился, наблюдая, как сорвавшаяся с неба тучка поливает зеленую шутницу струями яростного ливня.

— Ну хватит! — взмолилась та, когда грязь вернулась в бочажок и всем стали видны лягушачьи лапы и поросшее водорослями пухлое тело. — Не люблю я вашей чистоты.

— Рассказывай, почему хочешь открыть нам секреты дриад? — ласково улыбнулся ей Даурбей, но его взгляд был холоден и насмешлив.

— Так ведь выгнали... — всхлипнула вдруг зеленая нечисть. — Выгнали из чащи-то! И за что — за подсказку!

— Так подсказка небось была ядом пропитана?

— От обиды, только от обиды! — злобно затрясла перепончатой лапкой кикимора. — Гостья им велела ловить всех подряд и превращать в прекрасных дев, они и побежали. Белок, зайчих, лис, рысей... кого только не поймали! Только нас не взяли, как мы ни старались! Под ноги бросались!

— Даже представить боюсь, что там у них после творилось. — Даурбей покосился на помрачневшего Изрельса.

— А девушки куда делись? — потряс кикимору Тодгер.

— Откуда мне знать? Только и видела, как они с дриадами разъезжали по лесу, а оборотни им ручки целовали, — хихикнула кикимора и тотчас тонко взвизгнула, захлопала лапами по опаленным бокам. — Подлые! Я по хорошему, а вы! Теперь нипочем не скажу, с какой стороны остался открытый вход в пущи!

— Ну и сгоришь, — равнодушно пожал плечами Изрельс, создавая над поляной огромный, с медвежьей голову, огненный шар.

Он постреливал ослепительно-белыми молниями, распространял яркий свет и сухой жар и, несомненно, был очень опасен.

Кикимора невольно сжалась, выцвела, став пепельного цвета.

— Конечно... нас всем можно обижать, мы же не маги! Пользуйтесь своей силой и подавитесь! Проход на южном склоне холма, в том месте, где границу Маржидата пересекает звериная тропа.

— Похоже, не врет, — прищурился Даурбей, глянув на артефакт поиска, и тут же создал под своими ногами любимый ковер.

Как широкой лопатой, подхватил им спутников и, прикинув, что здесь проще долететь, чем строить портал в незнакомое место, поднял ковер над лесом.

* * *

Кикимора шлепнулась в свою грязь и сердито залопотала, но тут же притихла, наблюдая за сгустившимся посреди бурелома облачком мглы, напоминающим очертаниями человеческую фигуру.

Нелюдь ждала заслуженной награды, точно зная, что этот заказчик не обманет, не в первый раз они на него работают. И платит он всегда щедро не в пример другим.

Награда, десяток молочных поросят, высыпалась на нее из набежавшей тучки, и кикимора, радостно сопя, поспешно сбросила добычу в бурое жерло примитивного прохода, ведущего в ее тайное гнездо. Покончив с работой, прыгнула следом и сама, так и не заметив притаившегося за ближней кочкой клочка черного тумана. И никак не ожидала, что в самый последний момент он сделает стремительный рывок и прилепится к ее зеленой мохнатой спине.

Магический путь тотчас дрогнул, размазался некрасивой кляксой, из

последних сил всосал болотце и лопнул с громким чавканьем, обдавая все вокруг вонючей жижей и лохмотами побуревшего от крови мха.

Но предательской тьмы на полянке уже не было, она исчезла за пару мгновений до взрыва.

* * *

— Ну как? — Завернутая в полотно Дарочка с несвойственной ей робостью смотрела на наставницу, напрочь убивая этим взглядом всякое желание шутить.

И та сдержалась, хотя очень хотелось съехидничать. Да и вовремя припомнила, что разговаривает теперь весьма своеобразно и смысл шутки придется растолковывать на бумаге.

— У! — Алхимичка показала одобрительный жест и заметила скатившуюся по щеке принцессы слезинку.

— Спасибо. Мне всегда был омерзителен обычай рисовать на лицах всякие знаки и клыки к осеннему равноденствию. Лет десять назад нам привезли в подарок большую книгу с картинками про обычаи различных рас. Вот тогда мы и выяснили, что в древности на рожах рисовали нечто подобное только орки и гоблины. С того момента у всех сестер от красок и париков с рогами начинается икота... и даже Тодгер не мог с ней справиться.

— Неужели ты всерьез так думаешь? — усмехнулась Летуана и потрясенно замерла.

Потом сунула под накидку руки, похлопала себя по щекам и, рывком отбросив шляпу прочь, ринулась к зеркалу.

— Получилось! Дарочка, все получилось, он снял с меня лягушачий облик... — Последние слова Летуана произнесла как-то неуверенно, потом жалобно застонала и обернулась к ученице.

Та уже сидела на краю дивана, рядом с расцветшей голубыми незабудками летучей мышью, и заинтересованно смотрела на лицо наставницы, на котором все четче проступал изящный узор из васильков.

— Очень красиво. Молодец, Кео. — Дарочка осторожно погладила питомца по спине и огорченно вздохнула, как жаль, что не бывает летучих котят!

— Мне тоже нравится... — как-то невесело пробормотала алхимичка. — Тем более что узор — мой собственный. Жаль только, это не фиалки.

— Неужели ты уже простила своего Изверга? — съехидничала принцесса.

— Нет, пока не простила, — задумчиво сообщила Летуана. — Зато начала лучше понимать. И себя тоже, и теперь могу уверенно сказать — я его обязательно прощу. Если он тоже хоть что-то понял и готов извиниться. И сама тоже попрошу прощения... В случившемся есть доля и моей вины, а несправедливой, самоуверенной дурочкой я никогда не была. Мне присуще умение мыслить логично, а я им не воспользовалась, не поговорила с мужем, а, ослепленная обидой, придумала план мести. Женский, мелочный и совершенно недостойный магистра алхимии.

— А может, он как раз привык жить рядом с магистром алхимии и хорошо вымуштрованной женой, потому и перестал видеть в тебе нежную и слабую женщину? — буркнула ее ученица.

— Иногда ты говоришь как старушка, — огрызнулась Летуана, но тут же, покосившись на Кео, смолкла. А потом примирительно добавила: — Хотя во дворце, как я теперь ясно понимаю, можно было и не такому научиться. Все-таки толпа изнывающих от безделья фрейлин и камеристок — это страшная сила.

— Это ты думаешь, что они бездельничали, — стало по-настоящему весело принцессе, — а фрейлины искренне считали, что работают как каторжные. Утром одеться и причесаться к завтраку, потом погулять с королевой, посетить уроки танцев принцесс, выпить чаю и обсудить новости, переодеться к обеду... целый день вся толпа куда-то спешит, что-то обсуждает, кого-то уговаривает. А вечером еще прием или бал, и к ночи все несчастно вздыхают, что уже ног не чувят.

— Не понимаю, как вы выживали в этом аду, — пожалела подругу Летуана. — Я бы выгнала их на третий день.

— С ума сошла! И тогда развлекать гостей и женихов, кривляться, улыбаться и танцевать напыщенные контрдансы нам пришлось бы самим.

— Тебе очень повезло, — обдумав ее слова, сообщила Летуана. — Тодгер никогда не пустит в свой замок никаких гостей. Он даже родственников принимает только в столичном особняке. Впрочем, все темные маги такие, любят покой и ценят свое время.

— А еще любят чисто белые стены, — в тон ей вздохнула Дарочка и тут же попросила: — Лета, не обижайся. Просто мне как-то тревожно... что-то наши хозяева притихли и не надоедают ни букетами, ни конфетами, ни комплиментами. Давай сходим посмотрим, чем они там заняты? Может, сюрприз готовят?

— А ты любишь сюрпризы?

— Ненавижу. Мы с сестрами пришли к очень печальному выводу: на свете очень мало людей, которые умеют устраивать по-настоящему приятные и интересные сюрпризы. Для тех, разумеется, интересные и приятные, кому они приготовлены. Зато очень многие мужчины любят их делать, при этом совершенно не интересуясь, чего хочет девушка, что она любит и чего не выносит. Мы с сестрами в прошлом году провернули сложнейшую интригу, чтобы навсегда выставить из Лирского королевства посла герцога Багердского, привезшего нам в дар веера из птичьих перьев. Очень красивые... но все они сгорели в камине в тот же день. Как только посол похвастался, что для их изготовления было поймано пять тысяч самых редких птичек. Причем некоторые погибли всего из-за пары перышек из хвоста. И это еще не самый мерзкий сюрприз. Но чаще всего нам под окнами поют душещипательные серенады и выкладывают из красных роз пронзенные стрелой сердца. Или устраивают на прогулке представление с нападением и освобождением. А когда два года назад напали подлинные бандиты, мы им не поверили и высмеяли. Пока они злились и доказывали, что они свирепые разбойники и берут нас в плен, прилетел Тодгер и превратил их в деревья.

— А почему ты считаешь, что это не Тодгер подстроил освобождение? — заинтересовалась Летуана, торопливо мешавшая в бокалах какие-то зелья.

— Изучила уже, — неохотно вздохнула принцесса. — Когда он на кого-нибудь сердит по-настоящему, у него в глазах зеленые искры вспыхивают. И ругается он тогда очень странными словами. А что ты делаешь?

— Немного защиты нам не помешает. Вот, выпей глоточек и идем поглядим, чем заняты хозяева. Последние события показали, что твоей интуиции нужно доверять.

— А твоей?

— Своей я и так всегда доверяю.

Дарочка печально усмехнулась, но смолчала, хотя ей было что сказать. Небольшая шутка, задуманная Летуаной, чтобы проучить Изверга, после вмешательства Рандолиза превратилась в опасное, полное неожиданностей приключение, и никакая интуиция почему-то не предупредила наставницу об этом.

— Только она не всегда срабатывает, — в унисон ей вздохнула Лета, торопливо рассовывая по карманам различные вещички, и тут же прикрикнула: — А ты опять особого пояснения ждешь? Сама не можешь догадаться, что сюда нам скорее всего вернуться не придется?

— Как я могла? — еще бурчала Дарелетта, а сама уже вихрем носилась по комнате, бесцеремонно вываливая из сундуков разнообразные наряды и обувь.

За время скитаний она четко осознала главное — в чужих краях больше всего неприятностей доставляет неправильно подобранная одежда. И теперь принцесса ни за что не стала бы смеяться над серыми костюмами путешественников, над их неказистой, но удобной обувью и похожими на колпаки шляпами. Бродя по пустыне под палящим солнцем, она мечтала именно о такой.

* * *

— Что случилось? — Мальгис непонимающе озирает лица враз помрачневших спутников, торопливо оплетающих щитами развернувшийся в обратном направлении ковер.

— Кто-то кастовал очень мощное заклятие, — процедил сквозь зубы Кадерн. — Выплеск силы просто сумасшедший.

— Где? — еще недоумевал его подопечный, но уже все сообразил и сам.

На той полянке, где они были пять минут назад, где же еще. Вокруг только пустынный, исковерканный суховеями лес, на помощь которому дриадам не хватает сил. И нет никакой надобности, а главное — некому устраивать в этом лесу потопы или погромы, которые могут дать резкий выплеск освобожденной магии.

Но раз он все же есть, этот выплеск, значит, кому-то не понравилось болотце кикиморы, и вряд ли теперь можно найти ответ почему.

— Мы идиоты, — безнадежно пробормотал вдруг Тодгер. — Не прихватили с собой ту жабу. А я еще чувствовал, царапает душу какая-то неправильность, только теперь понял, какая именно. Ведь эта кикимора ждала именно нас, и значит, была уверена, что сегодня или завтра мы придем. Но в чаще ей об этом узнать было неоткуда, вряд ли дриады, выставя злыдню, объяснили ей, кто может искать их гостей. Они и сами этого не знали и ждать могли только прихода Кадерна. Но вряд ли стали бы, закрыв проход в чащу, переносить ему привязку портала на этот лес. Значит, это сделал кто-то другой, очень мощный и знающий о девушках намного больше нас.

— И теперь я могу точно сказать откуда, — страшно скрежетнул зубами Изрельс. — Этот урод Рандолиз успел поставить на них маячки.

— Он-то урод, — не менее мрачно рыкнул Кадерн, — а вот вы двое — лопухи деревенские. Почему ни один из вас не догадался повесить на свою любимую девушку привязку? И еще — я не понимаю, зачем мы возвращаемся? Вряд ли удастся что-то узнать, он наверняка прикончил ту кикимору.

— В этом никто не сомневается, что прикончил, — и не думая сворачивать с намеченного пути, согласился Даурбей. — Но то, с каким шумом он ее убрал, говорит о его предусмотрительности. Мы бы обязательно вернулись, чтобы наказать зеленую за ложь, и не смогли бы не заметить остаточную энергию его портала. А теперь следы его заклęcia и ее перехода спутаются, и бесполезно высчитывать параболу и искать искажения фона. Ваш друг явно наблюдал за нами, видимо, где-то поблизости висел его следящий кристалл.

— Друг мне ты, а он — заклятый враг. — Кадерн поморщился и нехотя извинился: — А насчет возвращения я спорил зря. Просто забыл уже, когда ел, и отдохнуть не мешало бы, но этот гад все время на шаг впереди.

— Такое ощущение, что нас загоняют, как волков, — серьезно кивнул брату Тодгер.

— Как ты сказал? — охнул Даурбей, оглядел почерневшие лица спутников и кивнул сам себе: — Так и есть. Мы ему для чего-то нужны, и я знаю всего две причины.

— А я три. — Голос Изрельса стал бесцветным от сдерживаемой ненависти. — И последняя называется ритуал Генгройта.

— Не может быть! — Еще не отзвучали слова, сорвавшиеся с губ Кадерна, а все магистры уже щелкали пальцами и крутили камни амулетов.

— А тем, кто еще не сподобился приобщиться к тайным знаниям черного замка, — с ледяной язвительностью процедил Тодгер, — кто-нибудь объяснит?

— Конечно, объяснит, — мягко улыбнулся ему брат, и младший тотчас ответил на эту улыбку крайне подозрительным взглядом. — Но сначала предупредит, что после этого мы отправим вас с Мальгисом в Айгорру.

— Даже не мечтай, — отрезал Тодгер. — Лучше я пойду на Рандолиза с завязанными глазами, чем лишу себя удовольствия его поджарить. И не забывайте, это я начал поиски, а вы все ко мне присоединились. И, разумеется, не стану удерживать, если решите вернуться в Айгорру, раз проголодались и устали.

— Может, у них послеобеденный сон? — шагая за наставницей по пустынным коридорам и лестницам, тихо бормотала Дарочка. — Нам учитель рассказывал, есть на юге страны, где в полдень все ложатся спать. Представляешь? Короли, слуги, кухарки, селяне и воины. Однажды в это время забрел в столицу чужеземец, прошел по городу, добрался до дворца и решил, что все заколдованы. Направился прямо в покои принцессы и поцеловал ее. И тут как раз закончилось время сна, прозвенел звонок, и все проснулись. И сразу обнаружили незваного гостя. Схватили его и потащили к палачу, но принцесса храбро встала на защиту несчастного смельчака. И заявила — раз его хотят наказать за дерзость, то пусть женят на ней, она готова пожертвовать собой. Король немного поспорил и согласился. Они поженились, и выяснилось, что путник был принцем соседней страны.

— Бедный Ульрих Четвертый, — кивнула Летуана, — поплатился за наивность и любовь к романтическим сказкам. Пять принцесс пытались его очаровать, но обвела всех шестая, Ванесса Хитрая. Пообещала каждому горожанину, кто изобразит спящего, по десять серебряных. Потому-то за приближением принца вся страна следила затаив дыхание.

— Вот как, — задумалась Дарелетта. — Теперь все становится на место. А то мы все из-за них перессорились. Анни считает, что принцесса проявила неподобающую ее титулу ветреность, Бенни — что это принц слишком легкомыслен, а Генриетта сказала, что он, наверное, давно был в нее влюблен и нарочно дождался, пока все уснут. А Вара смеялась над ней — принц должен быть смелым. И если влюбился — то не крадись по дворцу, как вор, а въезжай на коне и с букетом.

— А ты? — отстраненно осведомилась Летуана, бдительно оглядывая через перила зал первого этажа.

— Мне было ее жалко, и зло брало за такую глупую жертвенность. Он же не ребенок, должен был заранее сообразить, чем все закончится, когда его обнаружит внезапно проснувшийся король. Ведь для него не прошло и секунды. Представь, сидишь ты на троне, и вдруг появляется ниоткуда незнакомец и начинает нагло целовать твою дочь?

— А принца совсем не жаль? Ну, если бы это была не ловушка? Он ведь от чистого сердца спасти хотел.

— Не знаю, это самый трудный вопрос, — вздохнула принцесса. — У нас конюх вытащил жеребца из замкового рва, а тот откусил ему три пальца. Хорошо, что Тодгер снова вырастил, хотя и ругался. Сказал, не уверен — не спасай.

— И он прав, — согласно кивнула алхимичка и сморщилась: — Гадость какая.

— Я давно чувствую этот запах, но думала, он идет от тебя.

— Если такой пойдет от меня, уходи подальше и как можно скорее, — прошипела Лета, хватая ученицу за руку и почти бегом сворачивая в сторону длинного проходного зала.

Однако далеко убежать не удалось. Девушки успели сделать лишь десяток шагов, как прямо перед ними неожиданно сгустился плотный шар тьмы, стремительно протянул бесформенные, посверкивающие искорками лапы, вмиг сцапал драгоценную добычу и утянул в свою непроглядную мглу.

* * *

— Придется идти к дриадам, — морщась от вони, пробормотал Кадерн, стараясь не смотреть на родичей, черных, как грозовые тучи, и таких же опасных.

Ему и самому было так тошно, как не бывало уже давно. Но что противнее всего, Кад не находил никаких ошибок в своих действиях, не было у него никакого права запрещать хану нанимать женщин, желающих поработать на острове Наслаждений. Да и сам остров принадлежал не хану, а третьему из его сыновей, давно повзрослевшему и отдавшему управление имуществом одному из советников.

И вешать на сестру маячок он тоже не имел права. Изрельс как черный магистр мог вызвать за такое на поединок. Своих жен темные маги всегда защищают сами. И обижают тоже сами... как выяснилось.

— Тогда летим на запад, — деловито подвел итоги короткого обсуждения Даурбей, не видевший никаких причин оставаться здесь.

Все и так предельно ясно. Их враг бросил боевое заклятие в тот самый момент, когда жертва шагнула в портал и путь уже успел ее принять, но еще не развернулся. Вот и вернул кикимору назад из-за волны энергии, сбившей пространственные настройки, а потом просто распался вместе с переносимым существом. И хотя кикимору тоже жаль, но она сама выбрала себе подельника. Или заказчика, и явно не в первый раз: кикиморы не настолько доверчивы и бесстрашны, чтобы лгать сразу пяти темным магистрам, не опасаясь наказания.

— А барьер? — засомневался Мальгис, сидевший на ковре спиной к поляне.

Смотреть на страшное зрелище у младшего придворного мага кайсамского хана не было никакого желания, а остаточную магию он и так

чувствовал. И мог с уверенностью сказать, что противник у них весьма достойный, не стыдно напасть на него впятером.

Темные маги ненавидят обвинения в трусости почти так же сильно, как наглый обман и подлость, хотя именно эти качества некоторые глупцы упорно приписывают адептам черной цитадели.

— Прорвем, — кровожадно буркнул Тодгер и с вызовом глянул на Даурбея: — Ну, долго еще будем тут сидеть?

«Оглянись», — выразительно предупредил тот взглядом, и придворный маг лирского короля стремительно повернулся.

На другой стороне поляны, покачиваясь, словно от ветра, возвышался неизвестно когда появившийся золотисто-зеленый стебель гигантского тамбука. На его широких, словно скамейки, листьях, как диковинные живые цветы, сидели три дриады и молча рассматривали полянку.

Их сказочно красивые лица с огромными зелеными глазами застыли масками скорби и гнева, и Тод вдруг ясно понял, как по-детски наивно выглядел он сам минуту назад, намереваясь прорвать выставленную дриадами границу. Даже смешно стало... и чуточку жаль. Всего, так и не сбывшегося.

— Кто ее? — упал на поляну тихий вопрос, но ни одна из зеленоглазых прелестниц даже не взглянула на притихших, словно нашкодившие дети, магистров.

— Рандолиз, — коротко и твердо сообщил Кадерн. — Мы с ней разговаривали четверть часа назад, и она нас обманула непонятно зачем. А когда мы улетели, появился он, больше некому. Вот уже несколько дней, как он объявил нам войну, обманом продал в рабство мою сестру и невесту моего брата. Кикимора сказала, что они у вас, она видела, как вы ездили вместе по чаще.

— Твое счастье, что не солгал, — так же не глядя, промолвила дриада. — Но Летуаны и Дарелетты у нас уже нет, еще утром мы отправили их на границу с Маржидатом.

— А почему на границу? — недовольно нахмурился Тодгер и огорченно проворчал: — И как они доберутся до города? Дарочка не привыкла ходить пешком. Где это место? Мы немедленно идем туда.

— Да тихо ты, — зашипел на него Кадерн, точно знавший, что гибель любого из подданных, доброго или не очень, приводит дриад в невыразимое расстройство, и лучше в этот момент им не перечить и даже на глаза не показываться.

— Кто ты такой? — подняла голову одна из дриад и уставилась в глаза молодого мага пристальным взглядом.

— Я — Тодгер. — Пышущий возмущением Тод уверенно встретил ее взор и принялся невозмутимо рассматривать дриаду в ответ. — А вы кто? Правительницы или судьи?

— Нет у нас таких... — пробормотала дриада, не сводя с Тода напряженного взгляда и хмурясь все сильнее.

— Красавицы, — Кадерн предупреждающе поднял руку с поблескивающим алыми отсветами амулетом, — оставьте его в покое.

— Мы очень уважаем ваши законы и порядки и нарушать ничего не собирались, — ослепительно улыбаясь, начал защитную речь Даурбей, доставая заветное кольцо султана, и смолк от неожиданности, обнаружив дриаду рядом с собой.

— Помолчи, красавчик, — глянув на него мимолетно, как на пролетающую тучку, попросила дриада глубоким, словно море, голосом. — Твоя суженая еще играет в куклы, хотя и совсем недалеко от тебя. А он избранный, и это большая редкость.

— Что значит «избранный»? — хмуро осведомился Изрельс, пряча боевые амулеты.

Хотя бесполезное и самоубийственное это занятие — воевать с дриадами, но магистр никогда не отдал бы им ученика и родственника без боя.

— Повезло ему найти первую и единственную любовь всей жизни, — зачарованно улыбнулась чему-то своему вторая дриада и огорченно признала: — Права была наставница, прикрывая ее собой.

— Как это — прикрывая?.. — белея, обмер Изрельс и до боли сжал кулаки.

— Усыпила и не подпустила к ней ни одного лесника, — кротко пояснила третья.

— А сама? — с жалостью глянув на зятя, тихо спросил Кадерн, далеко не уверенный, что желает услышать ответ.

— Редкая женщина, — загадочно вздохнув, непонятно чему улыбнулась дриада. — Сильная и преданная. Но живет с обидой в душе.

— Мы перед тобой виновны, — заявила первая хозяйка леса, твердо глядя Тодгеру в глаза, — и вину искупим. А за свою любимую благодари ее старшую подругу. Ищите их в Маржидате, в обед девушки уже были в доме градоначальника.

Полыхнул перед примолкшими магами зеленый костер и исчез. И больше ничто на полянке не напоминало о недавно разыгравшейся здесь трагедии. Кусты сияли свежей листвой, травка пестрела разнообразными цветочками, и одинокий скворец ошалело оглядывал это великолепие.

— На окраине Маржидата я давно снимаю дом, — зачем-то пояснил Кадерн то, о чем уже знали все, и коротко добавил: — Уходим.

* * *

— Где мы? — одними губами прошептала Дарочка на ухо учительнице, накрепко вцепившись в ее пояс.

— В плену, — расстроенно буркнула та, внимательно осматривая маленькую комнатку, где они оказались.

Решетка на окне без стекол, захлопнувшаяся сразу, как только сильный порыв ветра швырнул девушек на темный, вытертый едва не до дыр ковер. Больше здесь не было ничего, кроме стен, исчерченных знаками и чьими-то записками, но читать их Летуана вовсе не собиралась. Глупо было бы думать, что похититель мог оставить какую-нибудь важную информацию, — не с его хитростью и предусмотрительностью допустить такую оплошку. А прощальные записки прежних узников лучше не читать, у нее и так от безнадежности леденеет спина и вскипает в душе злость на собственную доверчивость и недальновидность.

Хотя Лета и взяла с собой запас зелий и пару порталов, но все это так и лежит в сундуках, оставшихся в доме предателя.

— В гостях, — заявил появившийся из воздуха Рандолиз и нажал на камни стены. — Проходите, не стесняйтесь.

— Сволочь, — прошипела Дарочка, но наставница ее одернула:

— Не трать нервы и слова. Это доппель. Идем посмотрим дом.

Как вскоре выяснилось, никакого дома не было. Были кельи и переходы давно заброшенного монастыря, вырубленного в отвесных прибрежных скалах, над нескончаемой чередой разбивающихся о камни волн.

О том, что это именно старинный монастырь, а не тюрьма и не поселок, по знакам, символам и изображениям давно забытых богов определила Летуана. А о его запустении без слов доложил толстый слой пыли и песка, барханчиками лежавший по углам и кельям. Узкий и низкий коридор, куда выходили двери всех комнат, был немного почище и хранил следы чьей-то обуви.

Доппель неторопливо и молча шагал впереди, показывая дорогу, и девушки покорно шли следом, все яснее понимая, как бесполезно сопротивляться и спорить. В этих пустынных, продуваемых вечными сквозняками каморках и коридоре невозможно ни спрятаться, ни выжить.

Да и бежать некуда, все окна забраны хоть и проржавевшими, но массивными решетками. Но даже если бы Летуане чудом удалось вытащить одну из них, прыгать вниз, на камни, она бы не стала. И Дарочке бы не позволила. И значит, у алхимички остался только один, самый неприятный из всех способ попытаться доказать Рандолизу, что она сожалеет о разорванной десять лет назад помолвке.

— Вам сюда, — открывая тяжелую дверь, бесцветным голосом пригласил доппель.

Проходя мимо него, Дарочка со всей силы пнула копию в щиколотку, жалея, что это не настоящий предатель. Доппель тихо зашипел, но на его лице не отразилось ровным счетом ничего, и принцесса разочарованно вздохнула. Неинтересно пинать клона, если хочется убить оригинал.

— Ну зачем ты так? — с весьма правдоподобной укоризной глянула на нее Летуана. — Он ведь ни в чем не виноват. Да и Рандолиз, если разобраться, тоже. Бывают в жизни такие обстоятельства, когда не выдерживают самые хорошие люди. Внезапно начинают чудить, вспоминать старые обиды и предательства, вымещать зло на невиновных. Значит, чаша невзгод переполнилась или у человека закончилось терпение. И темные маги — вовсе не исключение, а даже наоборот, на них бездарные жители имеют обыкновение вешать вину за все происходящее. От засухи до наводнения.

Искоса поглядывая на озадаченную ученицу, алхимичка неторопливо прошла в помещение, довольно сносно освещенное шарами с ведьминым мхом. Терпеливо дождавшись звона засова, запирающего за ними дверь, сурово сдвинула брови и незаметно подмигнула принцессе.

Дарочка прикусила губу, не давая сорваться уже висящему на языке вопросу, и виновато понурилась. Хотя и не поняла смысла на миг искривившей лицо наставницы гримасы, но сразу догадалась, что нужно просто подыграть, та и сама расскажет о своей задумке.

— Прости, Лета...

— Оставь, я сама во всем виновата. Просто не предполагала, что он такой ранимый, думала, уже давно забыл про наши отношения.

— А были отношения? — живо заинтересовалась Дарочка, подходя к стоящему посреди комнаты столу, уставленному вазами и кувшинами.

— Самые невинные, — делано смутилась Летуана. — Он был очень скромным...

— Как интересно! — состроила огромные глаза принцесса, начиная понимать задумку будущей золовки, и, не прикоснувшись к фруктам и напиткам, направилась к окнам. — Ты рассказывай, рассказывай...

Раздвинула шторы, и слова замерли у нее на устах. Это было вовсе не окно. Стены не было вообще, только низкие перила. И за ними простиралась огромная пещера, похожая формой на перевернутый кубок для вина. Где-то глубоко внизу плескалась темная вода, и посреди нее виднелся кружок тускло освещенного маленькими огоньками островка. Испещренные многочисленными дырами стены напоминали дорогой сыр, и почти во всех верхних отверстиях виднелись пыльные занавеси, поясняя, для чего использовали эту пещеру древние адепты неведомого бога. Как зал для собраний или выступлений, судя по величине и количеству лож и подсвечников, спускавшихся с нависавшего над пещерой сильно потрескавшегося купола.

— По-моему, тут не стоит разговаривать громко, — пробормотала остановившаяся рядом с Дарочкой алхимичка и поежилась. — Давай закроем.

— Погоди... — Принцесса смотрела, как напротив них распахивается занавес, открывая ярко освещенную ложу и того самого доппеля, которому она пару минут назад так опрометчиво врезала по ноге.

Только теперь он был в белоснежном костюме, щедро усыпанном алмазами, а шею украшала внушительная связка амулетов.

— Вы правы, — ядовито усмехаясь, негромко заверил маг, но эхо донесло до девушек каждое слово, — кричать здесь опасно. И потому я закрою вам рты заклинанием до того момента, пока не завершится устроенная мной интрига. У вас хватит времени проникнуться осознанием степени своей несообразительности и помучиться, раскаиваясь в содеянном. Ты сделала мне очень щедрый подарок, милая, и весьма насмешила, прибежав жаловаться на своего мужа. Я как раз пытался придумать надежный способ завлечь сюда пару сильных магов. А за вами придут сразу пятеро, и это решит все мои проблемы на много лет вперед.

— У-у! — промычала Дарочка, возмущенно переводя взгляд с Рандолиза на Летуану. — У-у!

— Угу, — ничуть не виновато хмыкнула в ответ та, прекрасно понимая, почему так злится на нее принцесса.

За обман, больше не за что. А о том не догадывается, что этим обманом наставница, вполне возможно, спасла ей жизнь. Ну и счастье брата. Ведь если у девчонки хватило ума пнуть Рандолиза, считая, что он доппель, то, зная правду, она непременно полезла бы на него с кулаками.

И, несомненно, навредила бы только самой себе. Летуана с детства знает темных магов, трое в семье — это почти рекорд. И невыносимая жизнь, ведь каждый темный маг с юности не выносит никаких поучений, а

тем более указаний. Поэтому Кад и сбежал из дома в четырнадцать лет, а едва достигнув пятнадцати, уехал в академию и Тод. И именно поэтому они дают магическую клятву на крови слушать и уважать своего наставника, иначе бы либо сбежали, либо разнесли академию. Хотя академией стальная цитадель, воздвигнутая где-то в центре проклятых пустошей, называется лишь формально, чтобы было где выписывать дипломы и ставить печати. Больше она ничем не походит на обычную академию, на финансовую, например, или на сельскохозяйственную.

Не сидят по кабинетам ученики, не читают занудных лекций преподаватели, и не скрипят по бумаге перья студентов. Да и студентов нет, у магов бывают только ученики. У каждого лишь один — до тех пор, пока не закончит обучение и не получит диплом мастера.

Ну и, само собой разумеется, нет там ни общежитий, ни общей столовой, ни расписаний.

Все это темные маги ненавидят всей душой. Особенно тяжело им жить рядом с толпой себе подобных, вставать по звонку и есть не тогда, когда хочется, а по часам. И перья не берут в руки с тех самых времен, как родители научили их грамоте. А если приходится писать, то достают самопишущие, готовые хоть всю ночь строчить под диктовку хозяина.

Зато в стальной цитадели хранится запас всевозможных зелий, заряженных амулетов и оружия. А еще самые редкие и древние фолианты и самые мощные артефакты, которые не каждому удастся увидеть, не говоря уже о том, чтобы взять в руки.

Ну, еще вокруг расположены полигоны для испытаний, и именно поэтому странники и обозы называют проклятыми и обходят десятой дорогой любые пустоши. Ведь именно на них и учатся будущие магистры сжигать врагов и обидчиков одним взглядом и пробуждать разрушительные смерчи и ураганы. Но пока ученики не научатся усмирять их так же легко, как поднимать, никто не выдаст им заветного диплома. Совет академии очень строг и придирчив в этом отношении.

Однако, несмотря на все предосторожности, иногда случается страшная беда. Вполне здравомыслящий и уравновешенный маг внезапно теряет разум и начинает с хитроумностью и коварством сумасшедшего ставить ловушки на собратьев по ремеслу, собирать внушительные арсеналы и кастовать запретные заклинания. Чаще всего такими помешанными движет дикая идея захватить цитадель и хранящиеся в ней несметные богатства, и к своей цели они идут с упорством и жестокостью бешеных зверей. Для них ничего не значат ни законы Айгорры, ни чужие жизни, ни данные клятвы. За косой взгляд они готовы продать

провинившегося человека гоблинам Маржидага, а за насмешку — испепелить на месте.

Но объяснять все это Дарочке у ее наставницы не было никакой возможности. Как только Летуана увидела перед собой отвергнутого жениха и по едва заметной ухмылке поняла, что это вовсе не доппель, которого так умело изображал Рандолиз, у алхимички осталось только одно желание: всеми способами уберечь острую на язычок Дарочку от откровенных высказываний. У наставницы не возникло и тени сомнения, как опасно выдавать принцессе его секрет.

Потому она и подыграла похитителю с мастерством, накопленным за время игр в черную Туа, хотя совсем недавно давала сама себе обещание больше никогда никого не изображать. Но, как выяснилось, бывают такие ситуации, когда честность вовсе не достоинство, а быстрый путь к гибели. Причем вовсе не легкой.

Вот потому с каждым мгновением ей становилось все противнее смотреть на Рандолиза. Летуана вздохнула, взялась за занавес и дернула, намереваясь снова отгородиться от мрачного зала и злобного безумца. И едва успела отдернуть руку, когда тяжелая ткань вдруг разом, словно пучок сухой травы, занялась жадным огнем.

— У-у! — с ненавистью буркнула Дарочка, глядя в сторону противоположной ложи, и громко скрипнула зубами, услышав издевательский смех.

— Не спеши, милая. У нас с тобой все впереди. А вот твоей подружке надеяться уже не на что, хотя она считает иначе. Извини, Лета, но подержанные вещи меня никогда не интересовали. А вот предательство я не имею привычки оставлять безнаказанным, и сегодня тебе будет намного хуже, чем мне в тот день, когда ты спутала все мои планы. Но все это впереди... сначала мы полюбуемся на наказание глупцов, решивших, будто им по силам расправиться со мной.

Лета покосилась на побледневшую, злую, как разбуженный осиный рой, принцессу и печально вздохнула.

Им, ее родным темным магистрам, несомненно, по силам растереть Рандолиза по этим скалам тонким слоем, но подлец хитер и коварен, а еще, похоже, по-настоящему безумен. И ему вполне хватит дури швырнуть чем-нибудь в потолок, чтобы обрушить на врагов едва держащиеся своды. Сам он наверняка успеет уйти, если хорошо знает проходы монастыря и приготовил мощный портал.

А вот Летуане с ученицей на спасение надеяться не приходится: обвалившихся внутрь пещеры скал вполне хватит, чтобы разрушить все

ложи и проходы, как гнилую скорлупу ореха. Они не смогут даже предупредить магов об опасности, подлый Рандолиз все предусмотрел и нарочно сжег занавеси, иначе Летуана попыталась бы хоть что-то придумать.

— Кстати, — полюбовавшись на побледневших девушек, скучающим голосом заметил Рандолиз, — мне не нравятся глупые ситцевые цветочки на ваших хорошеньких мордочках. Я никогда не любил никаких росписей, потому и выбрал дом Изрельса. Добавлю на белые стены черных символов и рун, а потолки прикажу расписать под вампирские склепы, и будет очень загадочно и со вкусом.

Он щелкнул пальцами и, пренебрежительно ухмыльнувшись, уставился на пленниц, ожидая результата самого мощного очищающего заклинания. Однако время шло, секунды медленно, но верно складывались в минуты, но ничего не происходило. Лица девушек по-прежнему продолжали цвести незабудками и васильками.

— У? — многозначительно указала взглядом на Рандолиза принцесса. — У?

— У-у, — незаметно качнула головой Летуана, догадываясь, какой вопрос волнует ученицу.

И точно зная — самая сильная краска самого умелого алхимика долго не выстоит против очищающего заклинания темного мага. Даже если усилить ее тем закрепляющим зельем, какое она сварила для мужа и брата. И хотя кастовать заклятие придется не менее трех раз, но и после первого рисунок должен заметно побледнеть. А сейчас происходит нечто необъяснимое — цветы синеют так же свежо, как только нанесенные.

— Зря радуешься, — сделал свой вывод похититель и яростно махнул рукой.

Злобно ухмыльнулся и добавил заклинанию какое-то условие.

— О-о... — растерянно охнула Дарочка, и ее наставница начала понимать, чем так потрясена принцесса.

Такой же картинкой, какую видит и она сама, оторопело взирая на ученицу.

Вернее, на выбеленную мощнейшим заклинанием ученицу. В ней не осталось ничего цветного, все стало снежно-белым, словно из лучшего мрамора. Волосы, брови, губы, глаза, одежда... все.

Кроме голубых цветочков, еще более заметных на этом белоснежном фоне.

Летуана подняла руку, убедилась, что теперь они с Дарочкой похожи, как ожившие мраморные статуи, и различить их можно лишь по синим

ирисам, вписанным в ее собственный орнамент.

— Ну и ладно, — разочарованно изучив необычный результат, Рандолиз вдруг язвительно хихикнул, — так даже занятнее. Потом я придумаю, как использовать такой интересный эффект.

* * *

— В городе их нет, — едва выйдя из портала, обреченно объявил Изрельс.

Пару минут по-разному крутил погасший амулет, затем тяжело рухнул на стул, от всей души проклиная себя за подозрительность. Ну вот почему вместо того, чтобы падать любимой в ноги, он начал подозревать ее в обмане?

Хотя Лета и приготовила им сюрприз, но нужно честно признаться — только на тот случай, если он поведет себя как упрямый самодовольный осел. И он оправдал ее худшие ожидания. Сейчас самому себе хочется устроить пробежку от роя жалящих огненных ос, чтобы навсегда запомнить, какие именно вещи поистине ценны, а что — просто горстка камней и металла.

— Дриады не могли ошибиться, — упрямо сжал губы Кадерн. — Да и амулеты показывали сюда. А теперь молчат... Я намерен пойти порасспросить людей. Две красивые девушки без ошейников и охраны — это заметное событие для Маржидата.

— Пойдем все вместе, — категорично объявил Даурбей. — Возможно, он только и ждет, пока мы разделимся. Но сначала давай хоть по чашке чая выпьем, пять минут ничего уже не решают.

Тодгер мрачно посопел, но спорить с очевидным не стал. И первым сел к столу, на котором начали возникать еще пышущие жаром блюда, вызываемые Кадерном из зачарованного буфета.

В один миг все оказались рядом с ним, и некоторое время только яростный перестук вилок и ножей нарушал тишину.

— Я одного не могу понять, — вдруг заявил Мальгис, поглядывая в распахнутые настежь окна, — почему тут так тихо? Вроде щитов на окнах нету?

— Что? — Кадерн с недоумением оглянулся на окна, выходящие на довольно широкую улочку, и тихо ругнулся: — Темная сила!

— Поехали! — Держащий в руке гусиную ножку Даурбей уже вызвал верный ковер и первым вскочил на него, давая распоряжение изменить

размер, чтобы пройти в окно.

Но Тодгер успел решить эту задачку проще — превратил в пыль и рамы, и простенок между окнами.

— Вперед, — вмиг сообразив, что за этим последует, рывкнул придворный маг дугрейского султана, и его любимое средство передвижения стремглав проскочило через образовавшуюся дыру.

Грохот, догнавший несущийся стрелой ковер, не заставил оглянуться никого из магов и почему-то не испугнул ни одного жителя. Но бдительно озиравшимся по сторонам магистрам самым странным показалось другое. Стоящие в пустыне города всегда привлекают к себе всякую мелкую живность — крыс, мышей и птиц — возможностью легко найти воду и прокорм. А здесь внезапный шум не спугнул ни одной птицы, даже пугливые воробьишки не взвились с деревьев и крыш.

— Проклятый гаденыш, — вдруг яростно сплюнул Тодгер, — и почему я не прибил его раньше?

— Вот я-то отчего не рассмотрел в нем гнили! — глядя туда же, куда и ученик, расстроено рыкнул Изрельс. — Даур, останови. Придется помогать.

Посреди дороги, прямо в пыли, под палящим солнцем лежало несколько потерявших сознание или вмиг уснувших женщин, а рядом — подносы с рассыпавшимися фруктами и лепешками, видимо, несли на базар.

Неподалеку валялись лошади, запряженные в тяжело груженную телегу, и можно было точно сказать, куда рванут испуганные животные, если очнутся раньше людей. А по всем законам магии они просто обязаны проснуться первыми.

— Может, бросим заклинание бодрости? — нерешительно пробормотал Мальгис и смолк, пронзенный возмущенными взглядами четырех пар глаз.

— В ученики отправлю, — сердито глянул на него Кадерн, торопливо подбирая с дороги женщин и перенося воздушной плетью в тень высокой стены. — Мы темные маги, а не звери, издеваться над людьми. Должен понимать, сколько бед случится, если они все разом проснутся.

— Беды уже случились, пока мы гуся ели, — горько вздохнул Тодгер, одним махом сотворил несколько десятков доппелей и жестом отправил по дворам. — Кто-то готовил, кто-то купал ребенка...

— Я уже погасил все плиты и очаги, — отозвался Изрельс, тоже начиная создавать толпы доппелей.

— Воду отведите, — напомнил Даурбей, выпустивший из стазиса

толпу шустрых гоблинов. Уставился в зеленые рожицы бывших пленников и свирепо осведомился: — Все помните, что должны исполнить по трим моих желания?

— Помним, — тайком озираясь, пробормотал самый старший.

— Так вот, слушайте внимательно: сегодня ваш любимый Маржидат в опасности. Негодяй Рандолиз внезапно усыпил всех жителей, и их нужно спасать. Кто-то заснул у плиты, кто-то доставал воду из колодца. Бегите по городу и ищите пострадавших людей, мы будем лечить. За хорошую работу получите свободу.

— Да мы и так... — пробормотал кто-то, получил от старшего подзатыльник, и гоблины умчались за доппелями.

— Воду из колодцев и бассейнов я отвел, — мрачно буркнул Кадерн, как и все темные, не выносивший чужих указаний, и принялся собирать над городом тучи.

Только так можно спасти от перегрева и ожогов человеческих детей и женщин. Гоблинам и оркам не страшно никакое солнце.

Мальгис уже создал десяток кушеток на паучьих ножках и отправил за гоблинами и доппелями. Теперь он управлял ими и одновременно обыскивал поисковичком дома и колодцы на соседней улице.

— Мы с Тодом проедем в центр, — предупредил Кад, и младший вмиг перетянул брата на возникший под ним короткий диванчик с крылышками.

В следующий миг странный летательный аппарат взвился к сгущающимся над городом тучам и исчез из виду.

— Я на восточную окраину, — сообщил Изрельс, сбрасывая Даурбею управление своими доппелями, и указал взглядом на Мальгиса: — Присмотришь?

Любимчик дугрейского султана молча кивнул, опасаясь случайно ляпнуть какую-нибудь шуточку. Всем известный своей жесткостью магистр Изрельс сегодня внезапно показал себя с абсолютно неожиданной стороны, и неясно пока, чем могут обернуться его странная доброта и забота.

* * *

— Были... — горестно заламывая пухлые зеленые ручки, стонал кругленький градоначальник, — были девушки, как же! Молодая госпожа — просто редкая красавица. А малыш — ну прямо ее копия! Такой хорошенький, с золотыми волосиками и в розовом платьице! И компаньонка тоже очень мила, рога ее совсем не портили.

— Какой малыш? — ошеломленно мотал головой Тодгер. — Откуда?

— Ты не знаешь, откуда берутся малыши? — не вытерпел Даурбей и притворно вздохнул: — Обратни — мастера в искусстве очарования.

— Всех убью, — в бешенстве зарычал придворный маг лирского короля, и тотчас с четырех сторон на него выплеснулось по ведру воды.

— Остынь! — рыкнул на ученика Изрельс. — Дети так быстро даже у оборотней не появляются. Пусть сначала расскажет про рога. Откуда у Леты могут быть рога?

— Тебе это лучше знать, — высушивая одежду одним движением пальца, мстительно прошипел из облака пара его бывший ученик.

— Рога ей малыш сделал... — горько всхлипнул гоблин. — Такой маленький, а такой талантливый! Мы уже выбрали ей самого лучшего жениха, умного, нежного, богатого, ни в чем не нуждалась бы! А теперь ее нету... и ее малыш уже не увидит наших чудес.

— Молите всех своих богов, — грозно прорычал Тодгер, — чтобы больше никогда не привели сюда ни Дарочку, ни ее малыша! Иначе все ваши женихи будут сидеть в дриадских болотах вместе с чудесами и оборотнями.

— Я не понимаю, откуда мог взяться малыш... — пробормотал Изрельс, — но если он умеет выращивать рога, то, значит, маг.

— Мне все равно, откуда у нее малыш, — на застывшем лице Тодгера не дрогнул ни один мускул, — главное — куда их утащил Рандолиз. Даур, покажи им портрет, может, его кто-либо встречал?

— Вот, — развернул призрачную картину Даурбей, и лица гоблинов как-то странно вытянулись.

— Встречали... — неуверенно проблеял градоначальник и убито признался: — Все встречали. А как не встречать? Это наш городской маг Газдор.

Маги примолкли, думая о чем-то явно неприятном, и гоблины за это время успели прийти в себя и обменяться понимающими взглядами. Они давно считали своего городского чародея весьма сведущим в магических делах, а теперь с каждой томительно длинной секундой убеждались в этом все сильнее. Если так притихли даже эти пятеро, умудрившиеся спасти город от неожиданного подлого нападения неизвестного мага, то можно даже не сомневаться, что Газдор сильнее их всех.

И хотя прозвучало другое имя, жители города ничуть не встревожились. У темных магов в моде личины, переодевания, перевоплощения и прочие подобные шпионские штучки, уж гоблинам-то это известно. Газдор именно так заманивал в город счастливых,

поймавших кеори. Он зачастую сам изображал жарко влюбленного жениха, когда дивные создания выбирали себе в хозяйки хорошеньких путешественниц. И никто из горожан даже мысли против не имел, их маг заслужил особую оплату за свой нелегкий труд.

— Почему-то я начинаю жалеть, что потратил столько времени на этот городишко, — сердито рыкнул вдруг Изрельс, желчно ухмыльнулся и объявил, ткнув в градоначальника пальцем: — И отныне намерен лично назначать вам городских чародеев. А в знак этого ты получаешь волшебный ошейник. Он не даст солгать, когда сюда прибудет первый отправленный мною маг. Кстати, Мальгис. Тебе пора расти.

— Я протестую, — непреклонно возразил Кадерн. — Он мне самому нужен. Уж лучше сам буду здесь присматривать, пока ты не проведешь испытания кандидатов.

— Сначала найдем Дарочку, — мрачно напомнил Тодгер.

— Он сам нас позовет, если я правильно понимаю, — хмуро буркнул Даурбей и покосился куда-то в угол.

— Нашли наконец, — презрительно отозвался оттуда какой-то неживой голос и холодно приказал: — У вас одна минута, чтобы войти в портал, через две будет поздно.

Всплыло над полом темное облачко, казавшееся до этого пролитым чаем, растянулось в зловещий, посверкивающий черными молниями овал, и гоблины онемели от ужаса, глядя, как исчезают в нем пятеро магов, так и не сказавших больше ни словечка.

А бесшумно захлопнувшийся за самоубийцами портал вдруг взорвался бутылью с перебродившим вином, обдав всех присутствующих отвратительной тиной и вонью. Гоблины бросились вон из дома, не замечая расцветающих на их лицах и телах черных узоров из ядовитых змей и мерзких мохнатых пауков.

* * *

— Ну вот и спасатели наконец-то явились! — Негромкий голос Рандолиза, раздававшийся под сводами древнего святилища, сочился сарказмом и ядом. — Не очень-то вы спешили к своим красавицам. Пока всех гоблинок не перетаскали, не вспомнили, куда шли.

— Где они? — с презрением процедил в ответ Изрельс, точно найдя взглядом мужскую фигуру, стоящую в одной из верхних лож необычной, вытянутой вверх пещеры.

Откуда-то сверху сорвалось несколько камушков, посыпался песок и сторел на поверхности защитного купола, окружавшего темных магов. Они тесным кружком, спина к спине, стояли на зависшем посреди пещеры ковре.

— Не нужно так кричать, потолок еле держится, — преувеличенно спокойно и печально произнес Рандолиз. — И боевыми заклинаниями швырять не спешите, один удар — и все вы вместе с моими прелестницами окажетесь погребены в одной могиле. Ну, вам-то все равно, а их пожалейте — молодые, красивые...

— Где они? — очень тихо, но с угрозой повторил магистр, поднимая свой защитный купол к потрескавшимся камням свода.

— Напротив Тодгера, но, похоже, он их уже не узнаёт, — с деланой грустью издевательски вздохнул его бывший соперник.

— Где?! — недоверчиво прошипел Тод, и его голос сорвался: — Что ты сделал с Дарочкой, гаденыш?

Маги невольно покосились в ту сторону и остолбенели. В широкой ложе, ярко освещенной шарами со мхом, за невысокими перилами стояли две стройные женские статуи из белоснежного мрамора. Лишь изящные голубые незабудки цвели на прелестных застывших лицах.

— Вот теперь мне все равно, обвалится тут потолок или нет, — безжизненным голосом сообщил придворный маг лирского короля, и над его головой зазмеились зеленые смерчи.

— А зря. — Спокойствию Рандолиза можно было позавидовать. — Они обе живы и здоровы. Только обездвижены, но все прекрасно видят и слышат. И отлично понимают, что сейчас ты объявил им смертный приговор.

— Ты лжешь... — еще шипел Тод, но уже сидел в любимом кресле и летел к ложе, откуда на него смотрела любимая.

Хотя нет... не летел.

Все они, вместе с ковром, словно застряли в невидимой паутине.

И эта паутина медленно и незаметно, но настойчиво и неотвратимо тащила их вниз, к крошечному круглому островку, окруженному неподвижной, черной и как будто маслянистой жидкостью.

Она странным образом притягивала взор, завораживала, заставляла расслабиться, забыть обо всем, не думать и не сопротивляться...

Тод тоже поддался неестественному очарованию приближающегося черного кольца и несколько губительных мгновений всматривался в его тьму, захваченный извечным исследовательским азартом темных магов.

Но назойливо сверлило мозг, не давая забыть обо всем, кроме

неразрешимой задачки, неотступное чувство, вот уже два года заставлявшее его постоянно помнить о синих глазах и восхитительной фигурке златовласой принцессы.

— Дарочка... — Маг с трудом поднял вверх затуманенный взор и столкнулся с торжествующим, полным презрения взглядом Рандолиза.

И это презрение полоснуло по душе острым кинжалом, поднимая волну истовой, сжигающей ненависти. Зеленые призрачные змеи яростно взметнулись над Тодгером, ринулись сквозь толщу щитов к подлому врагу, впились в его виски, пытались захватить, парализовать злую чужую волю. Попутно маг тянул наверх ставший неподъемным ковер. На него словно гору камней нагроутили, и никто из коллег не пытался помогать Тоду.

— Да чем вы там заняты? — теряя власть над поднявшим все щиты Рандолизом, с досадой оглянулся на друзей молодой магистр и едва не застонал от злости и отчаяния.

Четверо его спутников, все ниже склоняясь над краем ковра, смотрели вниз, явно намереваясь спрыгнуть на островок. А тот постепенно приближался, уже можно было рассмотреть в центре почти круглого осколка скалы выровненную чьими-то руками площадку. На ней проступал из-под слоя пыли контур выбитой в камне зловещей пентаграммы, освещенной вереницей черных свечей.

Никогда раньше Тодгеру не доводилось такие встречать, ни в книгах, ни в лаборатории учителя, ни в главной башне цитадели. И это могло означать лишь одно: ритуал настолько опасен и неуправляем, что совет темной цитадели запретил любое упоминание о нем и уничтожил все источники, когда-либо описывающие страшные детали способа, пробуждающего неведомое действие. Но сейчас пентаграмма была активирована и вместе с жуткой тьмой, окружавшей островок, ждала жертв, которые и сами уже стремились к ней, всеми силами ускоряя спуск ковра.

Тодгер на миг представил, какую картину через минуту увидят стоящие на балконе пленницы, и неудержимый, яростный гнев затопил его душу, срывая все запреты и рассыпая в прах правила осторожности. Не позволить врагу насладиться легкой победой и избавить девушек от страданий — вот все, чего страстно желала сейчас вся его сущность.

Рандолиз даже отшатнулся, увидев вновь метнувшиеся к нему стремительные зеленые смерчи, подставил ладони, спешно создавая новые защитные щиты. И не сразу заметил, как несколько зеленых щупалец жадно обвили почти подчиненных им магистров. Первым восторженно Изрельс, помотал головой, сбрасывая наваждение, неверяще оглянулся и

обнаружил рядом склонившегося над краем ковра Даурбея. С другой стороны в такой же позе замерли Кадерн с помощником, и только Тод стоял посередине, широко расставив ноги и подняв кверху руки.

Его волосы, потерявшие где-то шнурок, черными крыльями развевались вокруг головы, с макушки взмывали к врагу зеленые плети и осыпались яркими искрами, отсекаемые плотными щитами.

Мгновенно уяснив смысл происходящего, магистр страшно скрипнул зубами и включился в битву. Первым делом отступил от края и нарастил ковроу высокие, в человеческий рост, борта, потом потянул его вверх, подальше от страшного островка. Вот это Рандолиз рассмотрел и не остался в долгу — швырнул в строптивцев пару колючих, багровых от жара молний.

Вовремя заметивший отсвет Изрельс успел активировать непроницаемый для огня щит, и они, отразившись от его поверхности, пошли гулять рикошетом по всей пещере. Одна в конце концов потерялась в какой-то нише, откуда вылетел черный клуб дыма от моментально сгоревшей мебели, а вторая ударила в потолок. Оттуда тотчас посыпались камни и песок, но попали не в магов, прикрытых щитами, а в черную жидкость. Она вмиг ожила, но не так, как волнуется расходящаяся кругами вода, а словно масло — поднимаясь ленивыми, тягучими всплесками, нехотя оседавшими назад.

— Проклятье, — с ненавистью прорычал провожавший камни взглядом магистр, расширил щиты и поднял выше, мигом осознав, чем им всем грозит пробуждение спящей в канавке силы.

— Что за... — очнулся наконец Кадерн, и одновременно поднял голову Даурбей.

— Помогайте! — крикнул Изрельс. — Укрепляйте щиты! Даур, поднимай ковер выше!

В ответ на этот крик с потолка снова сорвалось несколько камней, они отскочили от щитов, угрожающе застучали по стенам, балкончикам и нишам.

— Осторожно, — прошипел Кадерн, своими заклинаниями укрепляя щиты и заворачивая вверх их края. — Мальгис, очнись! Начинай добавлять плетений, этот потолок едва держится.

В подтверждение его слов сверху посыпались новые глыбы, на этот раз более крупные, увлекая за собой россыпь мелких обломков.

— Вам суждено сдохнуть здесь, значит, сдохнете, — с ненавистью шипел Рандолиз, хотя и с трудом, но сумевший отразить новую атаку Тода.

Теперь негодяй срочно опутывал себя многослойными щитами всех

видов, и вокруг него то вились языки призрачного пламени, то струилась вода, то поблескивал лед. Но и зеленые змеи не сдавались: проникали за щиты, осыпались злыми искрами, тлели ядовитыми угольками, просачивались тонкими нитями и густели по мере того, как накапливали силу.

— Никогда не прощу... — жутко скрежетал зубами побледневший придворный маг лирского короля, посылая вверх все новые волны своей ненависти.

Друзья, наконец-то вставшие рядом с Тодом плечом к плечу, старались сделать все возможное, чтобы поддержать его, отлично понимая, как бессильны против черного мага обычные, даже самые мощные заклинания. Тому, чей больной величием разум готов на все ради неслыханного могущества, помогает призванная им из темных миров голодная мгла, давая за жертвенные приношения почти неиссякаемый источник силы.

— Держите щиты, — шепнул вдруг друзьям Изрельс и шагнул к Тодгеру.

Обхватил за пояс и прислонился лбом к виску ученика, отдавая ему и магию, и бушующие в душе эмоции.

Очень редко, лишь в исключительных случаях и только с самыми близкими по духу людьми темные маги решались на такое откровенное, ничем не защищенное самопожертвование. Неслыханная и невозможная для большинства щедрость, за которую можно было расплатиться полной потерей дара.

Раньше и Изрельс сто раз подумал бы и взвесил все доводы и вряд ли решился бы, опасаясь самой страшной для темного мага, намного худшей, чем гибель, участи. Остаться бездарным и бессильным, быстро стареющим и всеми осуждаемым изгоем. А теперь ни на миг не задумался, полностью осознав главное: жизнь и здоровье Леты намного ценнее всего остального.

И нужно сделать все для того, чтобы любимая уцелела в этой страшной битве.

— Ох! — довольно выдохнул Тодгер, ощутив мощный прилив магии, и его смерчи с утроенной силой ринулись на Рандолиза.

Прорвались сквозь вставшие стеной лед и воду, пробились через огонь и, потеряв от жара почти половину сил, острыми спицами вонзились в тело злодея, стремясь попасть в голову.

Черный магистр не переставая бормотал ключ-слова самых сильных заклинаний, глыбы камней сыпались сверху почти непрерывно, и в щели потолка в старинный храм уже проскальзывали редкие солнечные лучи. Но сквозь защиту, надежно закрывавшую древнюю арену, до пленниц не

доносилось ни грохота, ни стука. Пятерка темных магов непрерывно добавляла мощности своим щитам, безжалостно сливая в них силу амулетов и зачарованных вещей.

— Даур, — прошипел вдруг Кадерн, с тревогой поглядывая на медленно оседавшего на ковер Изрельса, — перехвати мои плетения. Я помогу Тоду. И начинай понемногу убирать щиты справа.

Даурбей оглянулся — справа от него были ложи, откуда на происходящее молча взирали две белоснежные статуи, — и перевел непонимающий взор на стоящего напротив главного ханского мага. Тот выразительно показывал на свое правое плечо, и Даур с досадой фыркнул, мысленно сообщив себе, как быстро, оказывается, тупеешь, если постоянно занимаешься только различными увеселениями для султана и его гарема.

Но действовал дугрейский маг стремительно и четко, и в следующий момент камни уже летели мимо ложи Рандолиза, отскакивая от перил и стен, сминая щиты и накапливаясь кучей на полу.

Черный сразу понял, чем это обернется, и озверел. И тотчас швырнул вверх какое-то мощное заклятие, вмиг разрушившее старинный купол. Тот затрещал, зазмеились все ширящиеся трещины, и неудержимая каменная лавина осела на призрачный шатер, грозя засыпать крохотный по сравнению с ней ковер.

Щиты еще держали, но начинали прогибаться от напряжения, и Даур, бдительно следивший за ними, уже просчитывал путь, по которому будет выводить из-под обвала свое летающее имущество. Кадерн, передав ему свои щиты, теперь стоял рядом с Тодом так, как минуту назад Изрельс, и, открыв резерв и амулеты, сливал брату энергию.

Но не думать не мог и уже через миг, припомнив слова коллеги, тихо выдавил:

— Даур, где твои артефакты?

— Они не проверены.

— Проверь, другого случая может не быть.

— Мальгис, держи щиты! — Даурбей сбросил часть плетений младшему магу и вытащил из висящего у пояса мешка дубинку.

Нажал камень в торцевой части, порадовался мощности вспыхнувшего сияния, означавшего, что артефакт наполнен энергией, и произнес давно выученное кодовое слово. А едва артефакт шевельнулся, вырываясь из рук, приказал, наставив его на ложу с Рандолизом:

— Того мага убить.

Дубинка мгновенно взвилась вверх и устремилась в ложу злодея. Он отшвырнул ее взмахом руки и, презрительно скаля зубы, бросил вслед

огненный шар. Маги разочарованно вздохнули, когда пламя облило темный кусок дерева, но артефакт не собирался сдаваться. С новой силой ринулся на злодея, оставляя за собой длинный хвост дыма и искр. На этот раз дубинка не стала бросаться в открытую, теперь она кружила вокруг, по одному прожигая щиты и постепенно добираясь до врага.

Он сам ей в этом помог, вложив в шар слишком много силы, но забыв при этом, что некоторые артефакты обладают свойством собирать и использовать энергию чужих заклятий.

Маги, пользуясь короткой передышкой, удвоили усилия, и ковер наконец взмыл почти до самых щитов, держащих на своих невидимых поверхностях немыслимую тяжесть рухнувшего свода. Даур уверенно тянул свое летающее имущество к ложе, откуда на происходящее горестно взирали бездвижные белоснежные статуи, расписанные изящной синей вязью. Мальгис, единственный, у кого еще хватало энергии на какие-то заклятия, кроме щитов, пытался прикрыть свою компанию отводом глаз.

Им оставалось совсем немного, всего пару десятков локтей до заветной ниши, когда Рандолиз вдруг выяснил, что жертвы едва не выбрались из его ловушки. Злодей не разглядел их сквозь окружающие его клубы едкого дыма и летающие за дубинкой хлопья саж, а обнаружил своими амулетами. Он немедленно послал в упрямецев, не желающих стать залогом его мощи и долголетия, яростный порыв ветра, с ураганной силой смешавший начинающие материализоваться ледяные и водные щиты, сминая их в гармошку и сдвигая дальше. Лишь после этого подлец начал осознавать, что маги и так уже понемногу сбрасывают обломки в его сторону, но было поздно.

Вся масса камней уже пришла в движение, посыпалась лавиной, прочно отгородившей черного магистра от противоположной ниши.

Увидев, как долгожданная добыча, ловко пойманная в хитроумную западню, ускользает, словно вода сквозь пальцы, черный маг взревел разъяренным монстром. И поспешно швырнул в бывших собратьев новое заклинание, мощнейший смерч, влив в него большую часть оставшегося резерва. Впрочем, об энергии Рандолиз беспокоился меньше всего, заготовив на самый крайний случай другой план. Сбросить на пентаграмму двух слишком обидчивых куриц, и тогда их родичи и обожатели сами ринутся туда, откуда так неистово стараются сбежать.

И пусть сорвется интересная забава, которую придумал его бывший соперник, — дрессировка гордых принцесс. Они далеко не последние в этом мире, который скоро будет покорно лежать у ног Рандолиза. Все принцессы и самые красивые девушки будут в его руках, а не какие-то две

наивные гордячки.

Ветер взвыл разъяренным зверем, сцапал в мощные лапы лавину камней, раскрутил ее, как пращу, попутно снося уцелевшие балконы и забивая обломками свободные ниши, и рванулся вверх, унося свой страшный груз в глубокие ущелья южных гор. Рандолиз вполглаза наблюдал за ним через плотный слой щитов, надежно закрывающих проем его ниши, и плел ловчую сеть для назойливого артефакта. А превратившаяся в раскаленную головешку дубинка упрямо нападала — по-видимому, создатели не вложили в нее заклинаний отступления. Постепенно теряя вес, она становилась все легче и увертливее и вдобавок начала обстреливать врага яркими угольками.

Эти крошечные снаряды пока не доставали до Рандолиза, зато пробивали слои защиты, пропуская во внутренний купол дым, запах гари и пар от вскипевших водных щитов. И бесили черного мага все сильнее. Он злобно рычал и спешил закончить почти готовое плетение, когда проем ниши вдруг залил яркий свет.

В первый миг маг принял его за вспышку пущенного врагами огненного шара, но через пару секунд сообразил, что это просто солнечные лучи. В древнем храме больше не было потолка. И это означало крушение всех его планов: живая мгла, призванная из глубины неведомых миров, не выносила солнечного света. Был лишь один-единственный способ ее спасти, временно, пока Рандолиз не найдет своему иномирному рабу новое пристанище, — прикрыть его непрозрачным щитом.

Черный маг заторопился, спутал плетения и с досадой запустил незаконченную сеть в быстро снующую вокруг него догорающую головешку, надеясь, что ей хватит и этого. Но промахнулся — сеть прихватила лишь несколько угольков. И в этот миг упрямый артефакт сделал стремительный рывок, прожег внутренний купол и обрушил на врага мощный удар. Сгоревшее дерево не выдержало столкновения с головой мага и рассыпалось на сотню раскаленных угольков, и все они стремились прожечь в Рандолизе хоть небольшую дыру. А сквозь не успевшую затянуться свежую прореху в щите под купол влетело несколько зеленых безжалостных плетей, впиваясь в виски негодяя и заставляя его позабыть от невыносимой боли обо всем на свете.

* * *

— Добейте... — пробормотал бледный, как привидение, Тодгер и

рухнул без чувств рядом с учителем.

Даур, едва успевший увести ковер в нишу с живыми статуями, вместе с Мальгисом торопливо закрывал надежными щитами проем, тратя на это жалкие остатки резерва. Завершив работу, маг горестно покосился на бесчувственных друзей, безжизненной кучкой валявшихся под ногами, на утомленно рухнувшего на скамью младшего мага кайсамского хана и достал последний артефакт. Потер ладонью бок старой лампы и грозно приказал:

— Выходи.

— Слушаю и повинуюсь, — дребезжащим старческим голосом отозвалось выплывшее из позеленевшего горлышка редкое синее облачко.

— Вон, видишь, напротив ниша? Там маг. Свяжи его покрепче и принеси сюда.

— Сначала дай магии, — печально глянули приоткрывшиеся посреди облачка узкие глаза. — Я тысячу лет ни крохи не получал.

— Откуда ее взять? — обреченно буркнул едва державшийся Мальгис.

— Сними заклятие с рабынь, — внимательно огляделся древний узник, — с двери, с ловушки, с прохода... еще можно вон с тех кушаний, там сильная «покорность».

— Собирай сам, — мгновенно принял решение Даур. — И когда доберешься до моего врага, можешь взять все, что найдешь вокруг.

— Спасибо, хозяин, ты щедр и умен, — окрепшим голосом заявило облачко, превращаясь в призрачного мужчину, одетого в одну лишь набедренную повязку. — Приятно тебе служить.

— Посмотрим, смогу ли я сказать то же, — проворчал Даурбей, провожая взором стремительно удаляющегося слугу. — Но если буду доволен, все время в лампе держать не стану.

— Благодарю, — донеслось оттуда, и через минуту перед ложей завис черный ифрит внушительного размера.

Он был одет в алые атласные шаровары и безрукавку, в носу сияло золотое кольцо, а рядом безжизненной куклой болтался Рандолиз в прожженном во многих местах и закопченном одеянии, лишь полчаса назад сверкавшем роскошью и белизной.

— Куда его положить? — с достоинством осведомился узник лампы и с интересом глянул вниз: — Позвольте спросить, а что вы собираетесь делать с живым мраком?

— Каким еще мраком? — шагнул к перилам Даурбей, посмотрел на древнюю арену и озадаченно присвистнул.

Тьма, еще недавно спокойно плескавшаяся вокруг островка, огромным

маслянисто-черным спрутом ползла по стене в их сторону.

— Древнейшее зло, — поглядывая на него, авторитетно заявил ифрит. — Сильнейшие маги ушедших в прошлое тысячелетий изгоняли его в дальние, мертвые миры, но черные время от времени вновь вызывают сюда.

— Это я уже и сам сообразил, — буркнул маг. — Ты лучше подскажи, как его прибить.

— А вот это непростой вопрос... — Ифрит сел на возникший под ним коврик, подвернув под себя ноги, как торговцы на базарах Дугрейского султаната, и соорудил многозначительную физиономию.

— Уж не торговаться ли ты со мной решил? — изумленно прищурился Даурбей.

— Да как бы я осмелился, — притворно запечалился ифрит, — я просто раб лампы, а ты ее хозяин. Но... как бы поточнее объяснить... бывают такие обстоятельства, когда хозяин, совершенно случайно, разумеется, оказался слабее раба... или не имеет того, что есть у несчастного узника старой медной посуды.

— И тогда для раба наступает звездный час, — едко ухмыльнулся Даурбей, с досадой осознавая, что в его арсенале и в самом деле больше нет никакого оружия, кроме язвительности.

Остатка энергии не хватит ни на одно из тех заклятий, какими обычно умирляют чересчур осмелевших ифритов. И узник старинного артефакта теперь прекрасно это видит, ведь он собрал с Рандолиза и его амулетов всю магическую силу. Но что самое обиднее, Даур сам ему это приказал.

— Зачем добрый хозяин так жестоко смеется над своим рабом? — еще обиженнее и ехиднее смотрел черный пройдоха. — Разве судьба не может дать несчастному узнику маленький подарок за все столетия голодного прозябания в холодном подвале?

— Что ты называешь маленьким подарком? — покосившись на живой мрак, преодолевший уже почти половину расстояния до ложи, недоверчиво прищурился маг, точно знавший, что мало этот жулик не запросит.

— Одну из рабынь, любую, — скромно потупился ифрит. — И я поделюсь с тобой бесценным знанием.

— Кого он называет рабыней? — безразличным голосом поинтересовалась обретшая наконец возможность разговаривать Дарочка, которую Летуана предусмотрительно утянула в сторонку от занятых истинно мужскими делами магистров.

— Кого же еще, — едко усмехнулась алхимичка, — если, кроме нас, тут никого нет?

— Ты так же умна, как и прекрасна, яхонтовая, — маслено заулыбался ифрит. — Надеюсь, хозяин решит расстаться именно с тобой. Колючие цветы мне давно не по нраву.

— Даурбей, — вежливо попросила Лета, стараясь не смотреть на бесчувственного мужа, к которому ее тянуло, как пчелу к варенью, — не забудь, пожалуйста, забрать Рандолиза у этого наглеца, прежде чем размажешь его по стенам этого цирка.

— Ты уже по нему соскучилась? — усмехнулся маг, лихорадочно перебирая в уме сотни способов выхода из безнадежной ситуации, которые его память хранила именно на такой случай, и не находил ни одного, стоящего внимания.

— Не успела, — отозвалась алхимичка и кровожадно усмехнулась. — Просто мечтаю провести над ним серию опытов.

— Не нужно опытов, — дернула плечиком Дарочка, — а то я разлюблю алхимию. Лучше отдайте его Извергу, он и сам с ним отлично расправится. Сделает черным рабом... будет служить вам вместе вон с тем бычком в красных штанах.

— Ты кого пытаешься оскорбить, несчастная? — взрыкнул ифрит, и его круглые глаза начали наливаться кровью.

— Зря ты его задела, — огорченно прошипел Даурбей, отлично знавший, что вовсе не за добрый нрав заключали маги древности своих коллег в различные сосуды.

— Кео! — выкрикнула Дарочка, рассмотрев злобный оскал придвинувшейся к ней рожи размером с тазик.

— Что? — не понял магистр и смолк, обнаружив невероятное зрелище.

На плече принцессы сидел самый настоящий кеори с уже прорезавшимися крылышками. Он был одет в пышное розовое платье и походил на Дарочку синими глазками и расцветившими личико узорами.

— О-о-о... — узрев малыша, потрясенно выдохнул ифрит и тотчас, молитвенно сложив на груди огромные кулачищи, пискляво заныл: — Пощади, великолепная, обманулся, совсем отстал от жизни, тысячу лет в медной банке, не вели наказывать, сам исправлюсь...

— Ответь Даурбею на его вопрос, — мгновенно нашлась Летуана, сразу сообразившая, что осмелел ифрит вовсе неспроста. И далеко не по глупости.

— Слушаюсь, прекраснейшая! — с пылом, как самый вышколенный лакей, ответил узник лампы и преданно вытаращил на Даурбея мгновенно ставшие узкими и подобострастными глазки. — Убить очень трудно, в нем

много силы. Но оно и само сдохнет от солнца часа через два, если не получит жертву.

— А если получит? — пронизательно прищурился Даур.

— Уйдет в свои миры, но прежде скинет все сути пожранных жертв.

— Это как? — не поняла Дарочка. — Души, что ли?

— Не души, прекраснейшая, — кротко опустил глазки ифрит. — Магические сути. Неодаренных людей и животных он тоже ест, но воспоминаний о них не сохраняет, а вот сути магов бережет, как жадина — кучи золота. Из них он черпает знания и дополнительный резерв, и чем больше магов съест, тем мощнее. Но и платит за них не скупясь. Выбрасывает разом столько энергии, как хороший источник.

— Отлично, — хищно потер руки Даур и скомандовал: — Летуана! Вот тебе портал в мой дом, берег на крайний случай. Бери Дарочку и уходите, мы тоже скоро придем.

— Ты меня за кого принимаешь? — покосившись на еле дышащего мужа, холодно осведомилась алхимичка. — За дурочку, у которой на уме только камушки и наряды? Я магистр алхимии и никуда не пойду, пока не буду уверена, что вы добились эту гадость.

— Никто его добивать не собирается, — прикрикнул маг и насильно втиснул ей в руки амулет. — Пусть идет в свой мир. Ну? Послушай хоть раз умного мужчину, женщина!

— Я тут ни одного глупого не вижу, — едко усмехнулась Дарочка. — Но если всех слушать, так и будешь всю жизнь ходить черной рабыней. Мы остаемся и уйдем только все вместе.

— Какие женщины! — закатил глаза ифрит. — Богини! Как я мог так ошибиться? И куда смотрели мои старые глаза?

— Твои хитрые глазки еще многого не увидели, но все впереди, — зловеще пообещал Даур, глянул вниз и резко скомандовал: — Бросай!

— Кого? — медлил ифрит.

— Того, кто в твоих лапах.

— Осмелюсь небольшой совет, мой наимудрейший хозяин, зачтешь за провинность. Если твоя светозарность не знает, сколько магов поглотил живой мрак, то лучше пробудить твоих друзей. Если они, конечно, таковыми являются. Человеческому разуму трудно принять больше пяти сутей, можно сойти с ума или проникнуться манией величия.

— Буди, — мгновенно принял решение Даурбей. — И поскорей.

— Слушаю и повинуюсь, алмаз несравненной мудрости. Заодно, пока они просыпаются, и камушки с жертвы успею собрать в твою сокровищницу.

— Как-то это слишком мерзко, — помрачнела Летуана. — Человека — и в жертву.

— Иного выхода нет, яхонтовая роза райского сада, — умудрился сидя склониться в низком поклоне ифрит. — Или мгла ест твоего врага, или твоих друзей.

— Мужа и братьев, — тихо добавил Даурбей.

— О! — снова сделал круглые глаза раб лампы. — Некоторые женщины так ненавидят мужей и родичей, что готовы променять их на врагов?

— Особенно если мужья постарались сделать все возможные ошибки и глупости, чтобы заслужить эту ненависть, — горько пробормотал очнувшийся Изрельс и тяжело поднялся на ноги.

— Неправда, — вспыхнула от несправедливости этих слов Летуана. — Ненависти не было. Никогда, даже на секунду. Было обидно, плохо и холодно, но ненавидеть тебя я не смогу никогда.

— Богиня! — Черная рожа ифрита расплылась в сладчайшей улыбке, а его глазки стали совсем узкими щелочками, из которых лился мечтательный свет. — Бесподобная, преданная и мудрая, таких на руках носить нужно.

— Сейчас меня самого кто бы унес, — огорченно фыркнул Изрельс. — Но ты совершенно прав, черный. Она именно такая, и если даст мне еще одну попытку, то буду везде носить на руках.

— Мне казалось, я ее уже дала, — негромко проворчала упрямо стоявшая у стены Летуана, и магистр, хоть и с трудом, но сумевший наконец-то добрести до нее, заключил любимую в крепкие объятия.

Вернее, почти повис на ней, но Лета уже держала наготове стаканчик с каким-то зельем и смотрела на мужа с такой нежностью, состраданием и преданностью, что все отвели взоры.

— Слава всем богам, эти помирились, — буркнул Кадерн, и не пытавшийся подняться с лежащего на полу ковра, из которого они выбрали всю энергию. Потянулся, заглянул в лицо брату, тихо поинтересовался: — Ты как?

— Пока никак, — беззвучно кривились бледные губы Тода, и в этот миг над каменными перилами показался краешек маслянисто-черного щупальца.

— Бросай! — в два голоса крикнули Даурбей и Дарочка, но ифрит, немедленно швырнувший Рандолиза мгле, смотрел только на принцессу:

— Слушаю и повинуюсь, лучезарная фея райского сада!

— Еще раз взглянешь на нее — и останешься в лампе на ближайшие

три тысячи лет, — тихо прошипел Тодгер.

Бледный и чахлый зеленый смерчик приподнялся над его макушкой и вновь пропал, но заметил это только примолкший ифрит.

— Слушаю и повинуюсь, о могущественный, — раболепно пробормотал он, наблюдая, как жадно маги собирают энергию, щедрым потоком плеснувшуюся из портала, куда мгновенно ушел житель вечного мрака.

Узник лампы и себе пополнил резерв, на всякий случай. Чтобы было из чего создавать еду и развлечения, если снова надолго запрут в опостылевшей посудине. А потом завороченно замер, рассматривая заматававшиеся по нише светлячки сутей, выброшенных мраком из темных глубин его сознания.

Их было даже больше, чем он мог ожидать, — более двух десятков. Совсем слабеньких и довольно ярких, и ифрит не удержался, потянулся к одному, пытаясь считать отзвуки чувств и событий, сохранившихся в памяти этих клочков энергии.

Но, прочтя, неохотно выпустил светлячок из лап, ему никак нельзя вбирать в себя чужие умения, неизвестно, как они уживутся в тесном медном сосуде.

— Я взял четыре, — не открывая глаз, обессиленно пробормотал Тодгер, — и вижу еще несколько. Никому не нужно?

— Мальгис! Ты почему не ловишь сути? — укоризненно окликнул Кадерн своего помощника.

— Я же еще не магистр...

— Приеду в Айгорру — напишу указ, — пообещал не отрывающийся от жены Изрельс. — Бери штуки четыре. У меня уже пять.

— У меня шесть, — ничуть не огорченно сообщил Даурбей, — и я вижу еще семь. Если Мальгис возьмет пять, то вам с Тодом как раз хватит до ровного счета. Тод, смотри, какой яркий.

— Он и так мощнее всех, — без тени зависти произнес Кадерн. — Дайте Мальгису одного сильного. Ему предстоит стать главным магом кайсамского хана.

— А ты? В Маржидат? — лениво поинтересовался Даурбей, взглядом создавая роскошные кресла и попарно расставляя их по ковру. — Занимайте места. Дарочка, ты с кем сидишь?

— С тобой, — поджав губы, процедила расстроенная принцесса.

Вон Изверг, из последних сил до Леты доплелся, видно же было, с каким трудом дается ему каждый шаг. А Тод хоть и лежал умирающей тенью, но на чернорожего великана рывкнул очень зло. А на нее даже не

глянул, словно Дарочки и нет. Значит, до сих пор не простил той шутки с цветочками или еще чего. Хотя обиженной стороной была как раз она, и прощения за ее покупку в рабыни должен был просить он. Но до сих пор так ничего и не понял, и это до слез обидно.

— Смерти моей хочешь? — состроил скорбную гримасу Даур.

— Ничего, ты живучий, — сердито отрезала принцесса, устраиваясь в переднем кресле.

И не могла видеть, как Кадерн бережно укладывает потерявшего сознание брата на стоящий позади нее диванчик, созданный им из двух кресел. Сам он вместе с помощником занял следующие места, поспешив плюхнуться в мягкие объятия удобного кресла. Всех магов после вселения чужих сутей слегка покачивало, как после пары кубков крепкого вина, а ноги дрожали от усталости. Держался только Даур, и тот, как подозревал Кад, только на каком-то зелье. Или ифрит, чуя свою провинность, постарался задобрить хозяина и подлечил поосновательнее.

Изрельс бережно усадил жену на последний диванчик, сотворенный им по примеру шурина, и устало рухнул рядом с ней. Он продолжал молчать, не желая распахивать душу перед братьями, хотя за эти дни они как-то незаметно стали ему настоящими друзьями. Но сейчас чувствовал, что делиться самым сокровенным не готов ни с кем, и потому лишь тихо и нежно целовал пальчики Летуаны, одновременно пытаясь успокоить опьяненное новизной и количеством доставшихся ему умений сознание.

— Немного отлетим — и открою проход в свой дом, — предупредил друзей Даур, с облегчением шлепнувшись в кресло. — Есть хочу, как весенний медведь. Все остальное потом. Эй, раб лампы! Иди на место.

— Слушаю и повинуюсь, хозяин! — горестно пробормотал ифрит, глядя на ненавистную, позеленевшую от времени посудину. — А последнюю просьбу можно?

— Можно.

— Не забрасывай меня в сокровищницу на тысячу лет... — Черные глазки смотрели умильно, как у полуторамесячного щенка.

— Ладно. Но есть несколько условий, — мстительно прищурился Даурбей.

— На все готов, что ни прикажешь!

— Первое. Ты больше никогда не пытаешься торговаться с хозяевами, скрывать любые секреты или лукавить. Второе. Облик менять можешь только по приказу, до тех пор являешься в этом, только ростом должен быть ниже меня на три ладони. И третье. Я собираюсь приставить тебя охранником и посыльным к одному султану, если, разумеется, дашь

нерушимую клятву не задумывать против меня, моих друзей и собратьев по гильдии никаких интриг и происков.

— Мудрейший и великодушнейший! Согласен, всецело согласен с каждым словом и пунктом, со всеми недосказанными намеками и предостережениями! И в присутствии кеори клянусь самым ценным, своей магической силой, служить тебе верно и вечно!

Лампа в руках Даура на миг нагрелась, полыхнув золотым сиянием, и тотчас остыла. Магистр потрясенно рассматривал блестящую свежевылитой медью новехонькую посудину и старался не думать о том, как будет объяснять султану эту перемену.

— А мой Кео тут при чем? — непонимающе нахмурилась принцесса.

— Ну так ведь... — замялся ифрит, покосился на ожидающе прищурившегося Даурбея и торопливо выпалил: — Ведь светлые духи ощущают правду!

— Как выяснилось, — усмехнулся главный маг кайсамского хана, — правду и твоя посуда почувствовала.

— Это моя клятва, — сник ифрит, — обновила счет моего заточения. За три тысячи лет я совсем забыл об этом условии.

— Об этом расскажешь потом. — Даур решительно подставил ему лампу, и через мгновение ковер уже стремительно летел вверх и на запад, выбиваясь из путаницы ущелий великого Навинского хребта.

А еще через несколько секунд с него бесшумно исчез Изрельс вместе с женой, которую за миг до этого крепко обнял за талию.

— Ой!.. — ахнула Лета, обнаружив, что уже сидит на диване в совершенно незнакомой гостиной.

Ее стены были обиты салатовым шелком, по потолку плыли облака и летели стаи птиц, на полу роскошным летним лугом цвел ковер, а у окон стояли изящные керамические вазоны с живыми цветами.

Ее муж сидел рядом, исподтишка поглядывая на это разноцветье, и внимательно следил за выражением милого лица.

— Счастье мое... — теперь магистр точно знал, что будет повторять любимой эти слова по сто, по двести раз в день, лишь бы она поверила, забыла все обиды и его ошибки, — я нанял художника-эльфа, чтобы он по-новому отделал наш дом. Отсюда он отправится перекрашивать северный и южный дворцы, мы переедем в тот, который тебе понравится больше. А сейчас тебе нужно поесть и переодеться, я купил швейную мастерскую, и они должны были уже приготовить тебе несколько платьев.

— Изр, ты думаешь, самое главное для меня — цвет стен или куча одежды? — пристально всматривалась в его глаза Летуана.

— Нет, — печально качнул он пропыленной вишневой гривой, — я точно знаю, тебе это совершенно не важно. Но мне так хотелось, чтобы наш дом изменился, стал таким, какой больше нравится тебе. И я сам стану другим... уже стал, когда понял, насколько глуп и слеп был. Занимался чем угодно, только не тем, что для меня дороже всего в жизни. Твоим счастьем, любимая. Настоящим, откровенным... я хорошо помню, как это было. Сердце обливается кровью от понимания, что сам, своими собственными руками лишил себя всего самого лучшего и светлого.

По его щеке скатилась скупая слезинка, и магистр, неожиданно смутившись, как подросток, низко опустил голову, пряча невольное свидетельство своего раскаяния.

— Любимый... — Лета крепко прижала его к себе, погладила роскошные волосы и, почувствовав под ладонями песок и комочки сгоревших прядей, сказала вовсе не те слова, которые рвались с языка: — Пойдем-ка купаться. Не хочу, чтобы такой красивый дом пах дымом Рандолиза.

Магистр согласно кивнул и, вмиг избавившись заклинанием от одежды, перенес себя и жену в огромную серебряную купель, стоящую посреди купальни. Здесь стены по-прежнему оставались белоснежными, но по ним густо вились так хорошо знакомые Летуане виньетки из фиалок и ирисов.

— Кстати, — пробормотала алхимичка, с удовольствием подставляя утомленное тело магическим мочалкам, — у меня есть зелье... несколько капель — и твои узоры сойдут.

— Не хочу... — прошептал ей на ушко магистр, подтягивая плавучий столик, уставленный любимыми блюдами Летуаны. — Ты ведь создала их с любовью, я сразу понял. И почему ты говоришь только о моих? — заинтересовался он через минуту.

— Мне узоры сделал кеори — мы искали способ не отдавать его Маржидату. Или Рандолизу, как я теперь понимаю, — огорченно призналась она.

— От Рандолиза там давно остался только облик, — хмуро сообщил магистр, крепче прижимая к себе жену, — поэтому не думай о нем, любимая. Теперь я могу точно сказать, куда пропадали адепты из академии Айгорры и провинциальные целители и ведьмы. Он уже давно кормит живой мрак попавшимися ему в сети магами и успел превратиться в настоящего монстра. Безжалостного, коварного и хитрого, как все безумцы.

— Кстати, — вспомнила Лета, — а где моя ученица?

— Любимая, дай ей небольшой отпуск. Пусть сама разберется со

своими чувствами и желаниями. Судя по тому, что я узнал и увидел, принцесса далеко не легкомысленная болтушка, каких большинство среди ее придворных девиц.

— У нее и сестры такие же. Но ты прав, один день я ей дам. А потом засажу за учебники, у нее способности к алхимии.

— Боюсь, — помедлив, чистосердечно сообщил Изрельс, — твоему младшему брату это очень не понравится.

— А вот это и будет последней проверкой его чувств, — неожиданно жестко заявила Летуана. — Я не для того загораживала собой девушку от оборотней, чтобы мой брат посадил ее в свое болото. Мне Дарочка теперь как младшая сестра, и я уверена, она заслуживает настоящей любви.

— Ты совершенно права. — Изрельс твердо решил больше никогда не спорить с женой и теперь просто перевел разговор на другое: — К слову, я дал своему адвокату распоряжение предъявить иск к кайсамскому хану за незаконную торговлю жителями Айгорры и свободных королевств. До судебного разбирательства или мирового соглашения девушки с острова Наслаждений будут жить в столице, в особняке Кадерна. Они уже договорились с Даурбеем, прямо сегодня и переправят.

— Спасибо, любимый, — нежно погладила его по щеке жена. — Я очень надеялась, что ты встанешь на мою сторону в этом вопросе.

— Во всех вопросах, всегда и везде я буду только на твоей стороне, счастье мое. А теперь скажи мне, пожалуйста... ты еще не передумала завести малыша? Когда сегодня градоначальник Маржидата обрадовал Тодгера сообщением, что у принцессы появился малыш, я вдруг очень позавидовал ученику.

— Изр... — изумленно прошептала неожиданно покрасневшая Летуана, не решаясь так сразу признаваться, что он угадал ее самую сокровенную мечту.

— Любимая... тогда не будем откладывать, — нежно, но крепко привлек ее к себе магистр, решительно отбрасывая все мысли о делах, магах, учениках и родичах.

И заодно обо всех остальных. Подождут денек... или несколько.

* * *

— Предательница, — беззлобно ворчала про себя принцесса, бредя следом за бойкими слугами, тащившими на носилках ее спящего хозяина.

Пропажу наставницы она обнаружила только здесь, во дворце

Даурбея. А потом так же мгновенно исчезли Мальгис и Кадерн, пообещавший прийти, как только брат проснется. Последним сбежал Даурбей, на ходу отдав слугам приказ устроить гостей в лучших комнатах и выполнять все их требования.

Разумеется, Дарочка прекрасно понимала, как сильно все они устали. И сколько душевных и магических сил истратили в том страшном бою, потому и торопятся искупаться, поесть и отдохнуть. Она и сама просто мечтает упасть на мягкий диванчик, спина до сих пор холодеет от ужаса при одном только воспоминании. Ведь Дарочка устояла там лишь из-за сковавшего все тело последнего заклятия Рандолиза, хотя ей неистово хотелось забиться под стол или под диванчик.

Но теперь, несмотря на искреннюю благодарность за спасение и заботу, одновременно искренне возмущалась бесчувствием магистров. Жизнь и здоровье Тодгера, который большую часть битвы сражался с негодяем в одиночку, должны были волновать его друзей значительно сильнее. Тем более — родных брата с сестрой.

Хотя Летуану можно понять, Изверг ее даже спрашивать не стал, не слышала принцесса ни словечка, хотя нарочно прислушивалась. А вот Кадерн, похоже, больше беспокоится о своем месте придворного мага, чем о родичах.

— Ваша комната, госпожа, — широко распахнула перед ней двери служанка. — Сейчас поможем раздеться и искупаться, вода в купелях всегда теплая и ароматная.

Вообще-то она только перед обедом купалась, хотела сказать Дарочка, но вспомнила дым и пыль жуткого старинного храма и безропотно побрела в купальню.

А когда вернулась, посвежевшая и с небрежно собранными под ленту еще влажными волосами, обнаружила в своей комнате незваного гостя.

Вернее, своего хозяина.

Он полулежал в глубоком кресле, одетый в черные штаны и выпущенную наружу шелковую рубаху цвета чертежной туши. И на фоне этой жгучей черноты казался почти синим, как утопленник. Да и узоры, украшающие лоб и скулы, добавляли его облику трагизма.

— Не мне его жалеть! — обнаружив, что уже шагает к креслу, собираясь погладить этого синюшного бедолагу по щеке, героическим усилием воли остановила себя принцесса.

— Дарочка, — расслышав звук ее шагов, распахнул прикрытые глаза Тодгер, — ты уже кушала?

— Нет... — растерялась девушка, явственно расслышав в его голосе

беспокойство.

— Садись.

Роскошное кресло подкатило услужливым бесом, мягонько толкнуло под колени, и Дарочке ничего не оставалось, как опуститься в пышные подушки. А пока она нарочито сосредоточенно оправляла подол просторного платья с широкими рукавами и воротничком-стоечкой, какие носили в султанате приличные женщины, между ней и Тодом втиснулся стол на колесиках, уставленный всевозможными блюдами.

— Кушай, — заботливо предложил маг и повелительно глянул на служанок.

Те сразу засуетились, принялись в четыре руки пододвигать принцессе тарелочки, вазочки и соусницы, словно это она лежала у стола зеленым призраком.

— Спасибо, — сухо поблагодарила Дарелетта и нехотя взяла вилку.

Есть пока не хотелось, а воды она напилась в умывальне, припомнив уроки Летуаны и мысленно выругав Изверга, так не вовремя утащившего ее наставницу.

— Тебе сейчас нужно хорошо кушать, — так же взглядом выставив из комнаты горничных, мягко посоветовал Тод, словно был ей гувернанткой или няней.

— А ты? — вяло огрызнулась принцесса, стараясь не смотреть в обведенные темными кругами знакомые глаза.

— Я пью отвар, — отстраненно буркнул маг, посмотрел на нее пристально и вдруг заявил: — Не расстраивайся и не беспокойся. Через часок я смогу открыть портал в свой замок, а там нас уже ждет жрец со всем, что нужно для ритуала. Документ подпишем задним числом, а ребенка покажем родичам через годик. Знать об этом будем только мы, жрецу я память подправлю. И клянусь никогда даже взглядом тебе не напомнить... сейчас последний раз, когда я об этом говорю. И любить его я, разумеется, буду как своего. А пока поешь хорошенько, тебе нужны силы восстанавливать.

— А? — ошеломленно уставилась на него принцесса. — Это ты о чем мне говорил? Или... у тебя до сих пор голова болит?

— Спасибо, — бледная улыбка скользнула по губам Тода, — голова слегка кружится, как после большого кубка вина, но это скоро пройдет. Сути, которые я собрал, оказались с противоположными способностями, и им нужно время, чтобы смириться. А говорил я о тебе... и о нашем ребенке. Дочери, как я понял? И это замечательно, только не нужно огорчать их величеств рассказом про дриадские пущи. Мы и сами все

решим... я же объяснил.

— Так, — свирепо прищурилась принцесса. — Следовательно, ты считаешь, что я нагуляла в пущах ребенка?

— И одной секунды так про тебя не подумал, — возмутился Тод. — Ты бы скорее перебила всех оборотней. Но городской глава Маржидата сказал, что ты была с малышом, и это наверняка наказание дриад. Хотя обычно они справедливы... и уже попросили за тебя прощения.

— Когда? — задала вопрос принцесса, хотя ответ интересовал ее мало.

Успела понять, что маги во главе с Тодом все эти дни шли по их с Летой следам и знают обо всем, кроме Кео. Видимо, хитрый градоначальник постарался не проговориться, чтобы не упустить свою выгоду. Но принцессу сердил не он, а лукавый обман, в который безоговорочно поверил ее хозяин. И сообразил, что, признав ребенка, немедленно получит ее согласие, вон, даже жреца уже притащил.

Как же горько, ведь до последнего надеялась, что он все поймет и исправит свои ошибки. Зря, как выяснилось, зато все стало понятно, и теперь можно наконец отомстить — ударить так же больно, как ударил он.

— Когда мы пришли в Маржидат, — отхлебнув из бокала какое-то питье, Тодгер поморщился и продолжил тем же спокойным и заботливым голосом, не подозревая, как напрасно пытается показать свое миролюбие, — выяснилось, что Рандолиз служил там городским магом под личиной одной из своих жертв. И когда забирал вас, то усыпил всех жителей до единого, чтобы никто ничего не заметил. Даже женщин, готовивших на огне еду, мужчин, работавших в кузнице и на крышах, детей, перебегавших дорогу. Пришлось задержаться, раненых было больше трех сотен, из них два десятка — тяжело покалеченных и обожженных. Поэтому вам и пришлось пробыть в том храме так долго...

Маг смолк и тяжело вздохнул, разрываясь между данной самому себе клятвой отныне обо всем откровенно рассказывать Дарочке и досадой, что невольно заставил любимую лишних полтора часа терпеть присутствие подлеца Рандолиза. Хотя все они сразу поняли, услышав про ритуал Генгройти, что черный безумец заманивает в какое-то потайное капище именно их, и потому никогда не позволит себе всерьез обидеть приманку, пока ловушка не захлопнется за крупной дичью. Потому и вели себя с виду покорно и растерянно, как сельские пастушата, зато загодя активировали все амулеты и приготовили самые мощные заклинания.

— Тодгер... — наивно хлопнув ресницами, кротко осведомилась принцесса, — а разве их величества признают внуком ребенка какой-то рабыни?

— Прости. — Тод на миг прикрыл глаза, и его губы исказила болезненная гримаса. — Я виноват... очень. Мне в тот день отказала выдержка. Хотя ты сама затеяла спор, но я должен был сдержаться. А во дворце, разумеется, ничего не знают. Изрельс объяснил королю, что я догнал наглого шантажиста и убил, а ты за это дала согласие выйти за меня замуж.

Он смолк и с обреченным видом принялся отскребать с кубка несуществующую мусоринку.

— Но я ведь его не давала? — начала свирепеть принцесса.

— Я помню, — не поднимая взгляда, тяжело вздохнул маг, — очень хорошо помню, не сомневайся. И собирался отвести тебя к родителям, они не сильно удивятся, узнав, что ты передумала. Но этот малыш... пойми, я ведь не выдержу ни единой шуточки придворных острословов или ехидной ухмылки. Буду убивать за каждый косой взгляд.

— И это единственная причина, по которой я должна выходить за тебя замуж? — Дарочка вскочила как ошпаренная. — Ребенок, про которого наболтал ушлый гоблин?

— Он не врал, — так и не глядя ей в лицо, тихо произнес Тодгер. — Я отличаю ложь от правды, у меня открылись новые способности...

— Как интересно! — ядовито прошипела принцесса. — Тогда слушай! Никакого ребенка нет и не было. А малышом они звали моего Кео, все твои родичи его видели, но могу показать и тебе. Кео! Иди сюда!

Розовый клубок белкой выскользнул откуда-то из золотого пучка локонов, шлепнулся на руки девушки и замер, рассматривая Тода бусинками синих глазок.

— Кеори? — недоверчиво нахмурился маг и тотчас с силой сжал губы, сообразив, как сильно обманулся.

И насколько потешно выглядит теперь со своим дурацким благородным порывом.

— Вот именно! — гордо задрала нос принцесса. — Пойду найду Даурбея, пусть отправит меня к родителям.

Развернулась и зашагала к двери, сопровождаемая гробовым молчанием. Назойливое желание оглянуться и посмотреть, почему Тод все же притих, девушка старательно подавляла, но не могла не представлять себе, чем он сейчас занят.

Крутит в пальцах невидимое заклинание, собираясь бросить в спину принцессе, или, стиснув зубы, сверлит ее мрачным взглядом? И едва Дарочка оглянется, обольет ее холодным разочарованием, в котором целиком виновен сам.

Ну почему он не хочет понимать, насколько важно для принцессы, чтобы ей просто задали вопрос, а не решали все так же безапелляционно, как Изверг? Но тот Летуане уже законный муж, и как она говорит, когда-то ухаживал очень впечатляюще. Да и сейчас умеет, ведь явно не Тодгер додумался принести те роскошные букеты и корзины. Хотя Дарочке вовсе не важно, что в них было, главное, что, находясь где-то далеко, мужчина помнил о ней, хотел порадовать.

А Тод никогда об этом не думал и сейчас снова упрямо молчит, не желая остановить, попросить прощения, сказать заветные слова...

Девушка крепче стиснула губы, чтобы не всхлипнуть, и рванула ручку двери. Та не поддавалась, и принцесса дернула сильнее, потом, вспомнив, что не все двери открываются одинаково, нажала.

Безуспешно.

Смутные подозрения шевельнулись в душе, и слезы мгновенно высохли.

— Открой немедленно! — оборачиваясь, процедила она гневно и уставилась на мага возмущенным взглядом.

Постояла, посмотрела и разочарованно вздохнула. Неинтересно прожигать изобличающим взором мужчину, который лежит с закрытыми глазами и, похоже, не только ничего не видит, но и не слышит. Иначе крепче держал бы наклонившийся кубок, из которого ему на грудь течет тонкая струйка зелья.

«Скорее всего собирался глотнуть, но не успел», — невольно начала понимать Дарочка. Ну и зачем тогда появился к ней в комнаты? «Нечего было так торопиться, если без конца проваливаешься в обморок», — сопела она с досадой, осторожно вынимая серебряную посудину из безвольно обмякших пальцев.

Поднесла к лицу, понюхала и с отвращением отставила подальше. Ну и гадость, наверняка Даурбей специально такое варит, чтобы не вздумали пробовать любознательные слуги. Их у него тут целая армия, в отличие от остальных темных магистров.

Несколько минут девушка нерешительно стояла возле придворного мага, борясь с желанием промокнуть салфетками мокрое пятно с его рубашки, и старалась думать о чем угодно, только не о том, как неприятно ощущение прильнувшей к коже мокрой ткани. И наконец сдалась, проиграв в битве гордости с собственным состраданием.

Осторожно присела рядом с Тодом, вытерла одной салфеткой неприятное зелье, немного посомневалась, но все же, распустив шнуровку рубашки, засунула под мокрое пятно чистую ткань. И огорченно прикусила

губу, случайно обнаружив, что кожа мага горит, как от лихорадки. Как он там сказал — воюют две суты? Она не очень поняла, как это происходит, хотя слышала все пояснения нахального ифрита. Но теперь неожиданно начала сомневаться, что все так просто, как ей мнилось в каменной ложе древнего храма. Или все же то был цирк?

Там, когда маги деловито делили нечто, чего она даже не видела, все казалось весьма обыденным. Ну добавят себе умений, для них ведь это очень важно. Но сейчас Дарочка внезапно сообразила, что не могли эти умения сохраниться в разуме живой тьмы отдельными комками, или чем они там виделись магистрам, если их не соединяла в этот самый шарик некая довольно крепкая сила. И если одна из этих сутей окажется настолько мощной, что сумеет взять власть в разуме Тодгера, то не перестанет ли маг любить ее и с прежним упорством добиваться согласия?

На душе у принцессы вдруг стало холодно и неудобно, как в комнате, куда резко распахнувший все окна бешеный ураганный порыв занес ледяной вал осеннего ливня. словно разом что-то погасло в мире, померкли падавшие в высокие окна солнечные лучи, поблек блеск золота и камней.

На ее колени выскользнул из своего убежища кеори, протянул крохотную ручку, стер с низко опущенного, побледневшего девичьего личика слезинку и, махнув радужными крылышками, перепорхнул на плечо Тода. Несколько минут с важным и серьезным видом водил ручками по вискам мага, потом и вовсе прилепился к нему, обнял расцвеченный незабудками лоб и затих, словно уснул.

Дарочка затаив дыхание следила за дивным существом, впервые в жизни осознав, что переживает за чужого мужчину сильнее, чем за себя, и нисколько об этом не жалеет и не опасается выглядеть смешной или глупой. Внезапно как-то не до этого стало, и больше не было ничего важнее желания снова увидеть в глазах Тода прежнее восхищение и нежность.

— Что... — прошептал маг, еще не открывая глаз, и, подняв чуть дрожащую руку, потрогал кеори.

Помолчал, явно собираясь с силами, распахнул наконец глаза и огляделся.

— Дарочка?

Принцессе давно не доводилось видеть такого изумления во взоре преданного поклонника, и она тотчас нахмурилась, начиная подозревать, что без экзамена не обойтись.

А как же иначе выяснить, с кем она сидит рядом?

— Ты все помнишь? — кротким и нежным голосом осведомилась

девушка.

— Да... — К изумлению, цветущему во взоре мага, примешалась настороженность.

— Тогда скажи... — На миг Дарочка задумалась, потом уверенно прищурилась: — Что мне нравится?

— Книжки о любви, — и на миг не засомневавшись, ответил маг, — цветы, парки и сады, большие окна, водоемы, пушистые животные, пирожные, лимонад и горячий шоколад со сливками.

— Все верно, — недоверчиво хмурились синие глаза, в которых вдруг мелькнула тень обиды. — Тогда второй вопрос. Раз ты знал, что мне нравятся книжки и цветы, почему ни разу не принес ни одного букетика?

— Потому что глупец, — помрачнел Тодгер, рассмотрел обиженно поджатые губы принцессы и, пересиливая себя, выдавил: — И раньше я не стал бы тебе этого объяснять, но вчера дал себе слово откровенно рассказывать обо всем, что знаю и думаю. Так вот... мне всегда нравилось делать сюрпризы, хотя это и не пристало темному магу.

— Наверное, я тоже глупая, — мрачно выдавила принцесса, — но о каких именно сюрпризах идет речь?

— О тех, которые так и остались моей тайной, — обреченно произнес маг и заботливо погладил кеори: — Спасибо, малыш, мне значительно лучше. Ну вот... больше я ничего скрывать не стану, раз все впустую. Никого не заинтересовало, откуда в Лирском королевстве вдруг взялось столько сочинителей и щедрый издатель, готовый издавать их книги. И почему эти писаки стали извергать свои истории с такой скоростью. Так вот... это издательство мое, им управляет мой помощник. А сочинителей я сманил со всех ближних и дальних королевств и герцогств, предоставив им дома, библиотеку и секретарей, а также запоминающие камни. Теперь авторы в любое время рассказывают амулетам все свои идеи и замыслы, а секретари утром грамотно и художественно записывают это на бумагу. И первые, еще сырые экземпляры отсылают тебе.

— Темные силы... — ошеломленно смотрела на него принцесса, — но когда же ты успевал?

— Нанимал добросовестных помощников, — пожал плечами Тодгер. — А куда можно было — отправлял своего доптеля.

— Я тронута... правда, — Дарочка огорченно смотрела в сторону, — мне было бы приятно это знать. Но я спрашивала про цветы.

— Цветы... — горько усмехнулся маг. — Цветами я занялся в первую очередь. Но мне казалось слишком обыденным просто приносить каждый день сорванный цветок... я мечтал окружить тебя цветами. Сначала принес

со всех концов света семена и ростки самых роскошных и ярких цветов, потом выменял на артефакт у одного магистра редкое заклятие. Оно заставляет все растения расцветать на месяц раньше положенного срока и цвести до самого снега. Ну, разумеется, это требовало постоянной подпитки магией, зато все в нашем королевстве и соседних странах знают, что королевские цветники и оранжереи — самые ухоженные и роскошные.

— А папенька хвалил и награждал главного садовника, — с досадой буркнула Дарелетта.

— Знаю. Тот получает все это за сохранность моего секрета. — Тодгер помолчал и глухо продолжил: — Ну, откуда брались котята, щенята и птички, которых ты находила под кустами возле своей башни, думаю, можно не объяснять. А про цветы... я ведь все время тебе их дарил. Сам нарезал букеты, сам составлял и ставил в твоей спальне. А возле башни вырастил особые кусты вьющихся роз, и утром у твоих окон раскрывались розовые бутоны, в обед — темно-алые, а вечером — белые. Еще одно заклинание прикрепил ко всей твоей обуви... куда ты ни шагнешь, везде распускались самые красивые полевые цветы. Но свою ошибку я понял, лишь когда принес тебе в салон букет белых роз. Я потом забрал его и посчитал — ты взяла семь бутонов.

— Больше Лета не разрешила, — тихо прошептала Дарочка.

— Не могу ее за это судить. Как оказалось, я и сам ничего не понимаю в любви, раз так и не сумел объяснить любимой девушке, насколько она мне дорога.

— Да? — саркастически протянула принцесса. — У тебя есть любимая девушка? Первый раз слышу.

— Я не один раз предлагал тебе выйти замуж.

— Принцессам постоянно предлагают замуж, и ты прекрасно знаешь, что о любви при этом и речи не идет.

— Но я темный маг! — оскорбленно поджал губы Тодгер. — Темные маги женятся только по большой любви.

— Но мне-то свод правил темных магов никто не выдавал! — обиженно огрызнулась девушка, и первые светлые слезинки повисли на ее ресницах.

— Дарочка... — виновато выдохнул маг, вмиг растеряв всю холодность и отчужденность, и осторожно сжал прохладные пальчики принцессы, — ты права. Не плачь... я, наверное, действительно простоват для принцессы, хотя люблю тебя больше всего на свете. И это не просто мои слова. Дриады при всех сказали, что ты моя первая и единственная на всю жизнь любовь. И обещали искупить свою вину, но тогда я об этом

забыл. А уже здесь, когда очнулся, обнаружил у себя на пальце чужое колечко. Синее, как твои глаза, и очень сильное как поисковик. Лишь подумаю о тебе — сразу понятно, в какой стороне ты находишься. Снять его невозможно — когда я попытался убрать магией, оно разделилось на два. Второе, как мне думается, предназначено для тебя. Если ты, конечно, захочешь всегда знать, где я нахожусь. Вот оно.

— А все остальное? — бережно принимая тонюсенький лазоревый ободок, неловко пошутила принцесса.

От растерянности, не иначе, но напряженно следивший за ней маг не понял и ответил таким же неуклюжим вопросом:

— Чего... остальное?

— Ну, руку, сердце, что там еще... — Дарочка вдруг жарко покраснела, сообразив, о чем в первую очередь подумает он.

— Любимая... — Еще слабые руки мага тотчас обвили девичью талию, притянули вплотную к груди, и он задыхающимся от счастья голосом пробормотал: — Весь я и все, что у меня есть, всегда будет только твоим, и я верю, однажды ты тоже скажешь мне эти слова.

— Ну, как только захочешь услышать, так и скажу, — нежась в ласковых объятиях, тихонько проворчала принцесса и добавила, чтобы не очень-то его баловать: — Но Лета меня из учениц не отпустит.

— Пусть приходит в наш дворец после обеда на пару часов, — вслух легко решил неожиданную задачку Тодгер, а в уме все никак не мог сообразить, пошутила любимая или нет?

Вроде никогда не была она ни жестокой, ни ветреной и всегда объясняла все свои действия и слова. Но и о таких серьезных вещах речь никогда не шла. Вернее, он пытался уговорить принцессу дать согласие на свадьбу, но, как теперь становится предельно ясно, делал это далеко не самым лучшим образом. Точнее, совершил столько грубых ошибок, что впору самому над собой посмеяться, да никак не получается.

И теперь нужно задать самый важный вопрос так, чтобы невзначай снова не обидеть любимую.

— Сам ей скажешь, — кротко предложила Дарочка и осторожно надела колечко на пальчик.

На тот самый, где носят невесты.

— Дарочка... — вмиг пересохло в горле Тода, и он первым делом создал огромный букет нежнейших ландышей и втиснул его в руки принцессе.

А следом призвал в руку хрустальную вазу для цветов, полную ключевой воды. Сначала сделал несколько жадных глотков, заливая

вспыхнувший в груди пожар, и лишь затем, отправив вазу на стол, заглянул в сияющие над букетом синие глаза:

— Сейчас хочу.

— Какой нетерпеливый, — снова покраснела принцесса, посмотрела в полные ожидания карие глаза, и ее нежные губы вдруг горько искривились. — Пока мы с Летой скитались по пустыням и болотам, убегали от саранчи и оборотней, я не раз тебя вспоминала, ругала и обижалась. Но сердцем верила, что нужна тебе и ты меня спасешь. И мне тоже... нужен только ты.

— Любимая... — Крепко притиснув к себе Дарочку вместе с букетом, маг осторожно коснулся губами ее губ и с оглушающей ясностью понял, что, кроме нее, никого не желает ни видеть, ни слышать.

И не захочет еще очень долго.

Мгновенный портал поглотил их вместе с креслом, букетом и кеори, тихо спавшим в пышном кружеве Дарочкиного воротника. Дивное существо пока не догадывалось, сколько прекрасных залов, комнат, балконов, беседок, фонтанов и цветов окажется в его распоряжении через миг.

И лишь покой хозяина останутся закрыты мощнейшими щитами.

Темные маги ни с кем не делятся сокровенными тайнами.

* * *

— Ваше величество, одновременно с местом главного мага Маржидата мне достались имение и дворец предшественника, и я приглашаю вас в гости — полюбоваться на наши чудеса. — Кадерн нашел взглядом загадочно крутившую веер Генриетту и послал ей заговорщицкую улыбку.

— Нам очень приятно... — Король вопросительно оглянулся на советника, но тот сделал вид, будто всецело увлечен десертом.

В некоторых случаях важное решение король должен принять самостоятельно, чтобы некого было позже наказывать за ошибку.

— Соглашайтесь, ваше величество, — умоляюще смотрели на отца хорошенькие принцессы. — Так хочется посмотреть на диковинки!

— Чтобы вы не сомневались, — подбодрил короля магистр Маржидата, — могу сказать по секрету, что Тодгер с женой тоже придут на денек. Больше не смогут, у Дарочки строгая учительница. Еще будет несколько моих друзей — очень достойные магистры.

— Умеете вы уговаривать, — сдался его величество и важно объявил:

— Франзон, прикажите собирать нам багаж. Печать и дорожную корону принесите лично. Когда отправляемся?

Королям положено изредка проявлять решительность и отвагу, народ это уважает.